

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2014

Содержание

1. НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОСТОЧНОМ ТОРГОВОМ ФРОНТЕ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
4. ВОСТОЧНЫЕ И СОВЕТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО
ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. ОПЫТ КРАТКОЙ
ПРЕЗЕНТАЦИИ
5. МАЙДАН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БЕРЛИНА
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. ОДИНОКИЙ ПОЭТ
8. ПОЛЬСКИЙ ПОЭТ И РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ
9. ПОЭТ, КОТОРЫЙ БРОДИТ ...
10. "JA TIEVIA LIUBLIU"
11. УМЕРЛА СУСАННА СОЛОМОНОВНА ПЕЧУРО
12. НАША СУСАННА
13. МЕСТЬ ЧИНОВНИКОВ
14. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
15. О МИЛОШЕ В ПЕТЕРБУРГЕ
16. БЕЛАРУСЬ — ОЧЕНЬ БЛИЗКАЯ МНЕ СТРАНА
17. ГОЛОС СВОБОДНОЙ РОССИИ
18. «НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА». НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОСТОЧНОМ ТОРГОВОМ ФРОНТЕ

Торговля Европы с Россией всё больше напоминает русскую рулетку: неизвестно, когда и в кого ударят внезапные ограничения Москвы. Хочет ли Россия сдержать расширение влияния ЕС на восток или же она надеется найти лекарство против собственных экономических проблем в протекционизме?

Для многих польских предпринимателей торговля с Россией — это быть или не быть. До конца июля 2013 г. польские фирмы отправили на тамошний рынок товары стоимостью 4,65 млрд. евро, почти на 12% больше, чем год назад. Наш экспорт в Германию в пять раз больше, но он не растет так быстро, как в Россию.

Продажа товаров в Россию и остальные республики бывшего СССР имеет особенно большое значение, например, для электромашиностроительной промышленности (свыше одной трети польского экспорта на эти рынки) или для отраслей, производящих пищевые продукты из сельскохозяйственного сырья (одна шестая нашего экспорта). Большое значение имеет торговля с Россией также для польских транспортных фирм, особенно для международных перевозчиков, которые в прошлом 2012 году получили на автомобильную перевозку товаров в Россию около 270 тыс. книжек-карнетов системы Международных дорожных перевозок (TIR), причем три четверти таких документов выдано в Польше на транспортировку товаров за пределы ЕС.

Россия — партнер не из легких

В последние годы Россия в политических спорах всё чаще использует торговые ограничения, вводя их по отношению к своим соседям, бывшим республикам СССР и государствам прежнего восточного блока. «Торговые санкции напоминают карту военных действий,» — написал оппозиционный белорусский портал «Белорусский партизан».

Можно сказать, что в последнее время Москва инициировала просто лавину торговых споров. Они бьют как по экономикам бывших советских республик, стремящихся к интеграции с

Европейским Союзом, так и по Европе, которая еще продолжает бороться с кризисом.

Таможенные маневры

В середине августа российские таможенники внезапно начали весьма скрупулезно досматривать товары из Украины. Союз украинских предпринимателей поднял шум, что Россия установила эмбарго на их товары, и Украина потеряет на этом чуть ли не 2 млрд. долларов в год. Киевские политики обвинили Москву в том, что таким образом она пытается напугать Украину и не допустить до подписания в конце ноября 2013 г. на встрече на высшем уровне в Вильнюсе договора об ассоциации с ЕС и о создании зоны свободной торговли с Европой. Российские политики уже давно не скрывают, что хотят включить Украину в свой таможенный союз, заключенный с Беларусью и Казахстаном.

Официально правительство России опровергло обвинения Украины, отрицая, что за этой таможенной войнушкой кроются подобные политические мотивы. Однако Сергей Глазьев, советник президента России Владимира Путина, подтвердил подозрения. По словам Глазьева, таможенники отработывали процедуры, которые могут быть введены, если Украина подпишет договор с ЕС.

На вильнюсском совещании в верхах договоры об ассоциации и о зоне свободной торговли с ЕС должны были также парафировать Армения, Грузия и Молдова. Но в сентябре 2013 г. из этой тройки вышла Армения, хотя на исходе июля она уже согласовала текст договора. Однако после встречи с Путиным президент Армении Серж Саргсян неожиданно объявил, что его государство склоняется к вступлению в российский таможенный союз. ЕС-овские дипломаты говорят, что Москва оказала на Ереван действенный нажим. Все ключевые секторы армянской экономики: энергетика, газовая промышленность, телекоммуникация, банковское дело и даже железнодорожные сети — находятся в руках российских фирм.

Винный запрет

После того, как Россия оттащила Армению от евроинтеграции, она взяла на прицел Молдову. Это одно из самых бедных государств Европы, которое вместе с тем имеет стратегическое значение для транзита российской электроэнергии и газа на юг континента.

Летом 2013 г. российские дипломаты начали публично критиковать европейские устремления Молдовы, не отказываясь при этом от шантажа. А в начале сентября после встречи с молдавским премьер-министром Юрием Лянкэ российский вице-премьер Дмитрий Рогозин сравнил Молдову с локомотивом на опасной дороге: «Вагончик за молдавским локомотивом болтается на нитке, а на крутых виражах всегда имеется серьезная вероятность, что он вообще отстанет». Таким завуалированным образом Молдове пригрозили, напомнив о возможных проблемах с сепаратистской территорией, Приднестровьем, которое тяготеет к России и остается в орбите влияния Москвы.

Молдова зависит от импорта газа из России и уже испытала последствия этого, когда зимой «Газпром» закрутил кран. Ничего удивительного, что строительство газопровода, который свяжет Румынию и Молдову, было торжественно открыто в конце августа, в день независимости Молдовы. Но пока эта труба не уменьшила зависимость Молдовы от «Газпрома». «Энергетика важна и в контексте наступления зимы, холодной осени. Надеюсь, вы не замерзнете», — констатировал российский вице-премьер после встречи с руководителем молдавского правительства.

Спустя несколько дней Россия объявила, что вводит эмбарго на молдавские вина, так как имеет претензии к их качеству. А экспорт вина в Россию приносит Молдове около 60 млн. долларов в год.

Кто нам подкладывает свинью

Войну — пока еще только пропагандистскую — Россия начала также по отношению к свинине, сырам, фруктам и овощам из Польши.

«Теперь вся поступающая из Польши свинина... будет подвергаться тщательному контролю», — заявил в конце августа начальник Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзора) Сергей Данкверт газете «Московский комсомолец». Газета пояснила, что «тщательный контроль» — введенный без предупреждения Польши — означает разгрузку, проверку и повторную погрузку мяса. И расценила это как начало торговой войны с Польшей.

Российские власти приняли указанное решение после выявления контрабанды 20 тонн жирной свинины из Испании, спрятанной за палетами с мясными продуктами, которые были

задекларированы как произведенные на польском {перерабатывающем} комбинате в Вежейках. Эта партия мясопродуктов перевозилась грузовиком, зарегистрированным в Латвии и арендованным получателем из России, а раскрыли контрабанду в Беларуси. Незадолго до этого Россельхознадзор усомнился в качестве поставлявшейся из Голландии партии польской малины по причине ее мнимой зараженности. А сразу же после этого выразил сомнение насчет партии сыров, промаркированных якобы неправильными этикетками.

Весьма характерен в этом контексте скандал, разгоревшийся вокруг мнимой контрабанды испанского мяса из Польши. Российское ведомство предало свои обвинения широкой огласке еще до того, как товар вернулся в Польшу. И лишь две недели спустя наши службы смогли на эти обвинения ответить. Как сообщил польскому информационному агентству РАР главный ветеринарный врач Януш Звёнзек, было установлено, что мясо выехало из польской фирмы, имея соответствующий сертификат, автомобиль-рефрижератор был запечатан польской пломбой, которую к тому же сфотографировали. И эта пломба отличалась от той, которую сняли россияне. Сорванная россиянами пломба напоминала литовскую, но г-н Звёнзек подчеркивал, что у него нет уверенности, где именно сфальсифицировали товар: в Литве или в Беларуси, — но наверняка не в Польше.

В середине сентября польская сторона представила эти сведения российскому ветеринарному надзору, а Януш Звёнзек после переговоров в Москве заверял, что Россия не введет эмбарго на польскую свинину. Но Россельхознадзор объявил, что польская сторона согласилась усилить контроль экспортной продукции, предназначенной для России. Это прозвучало так, словно поляки раскаивались и извинялись, что допустили контрабанду мяса из Испании.

Неделей позже Россельхознадзор резко усилил контроль импортируемых из Польши фруктов и овощей, объясняя это «участившимися случаями несоблюдения международных и российских санитарных требований». Конкретно российская надзорная служба сообщила только о задержании 44 тонн груш и яблок из Польши, которые якобы содержали остатки пестицидов и нитратов в количествах, превышающих нормативы.

В это же время атаку на Польшу предпринял [тогдашний] главный санитарный врач России Геннадий Онищенко — тот самый, который ввел эмбарго на молдавские вина. «У нас есть очень большие подозрения о том, что через Польшу идет

высокая степень поставок, которые, мягко говоря, не соответствуют заявленным требованиям. То есть действительно полулегальные, а нередко и криминальные схемы, когда в Польшу свозится какая-то продукция, которая приобретает признаки производства якобы другой страны, той же Польши, и расходуется через Белоруссию на территорию России», — сказал он на брифинге в Москве 20 сентября 2013 г.

По мнению [солидного международного] журнала «Business New Europe», нападки российских ведомств на польское продовольствие могут быть связаны с тем, что Польша поддерживает интеграцию Украины с ЕС.

«В последнее время Польша делала ставку на экспорт сельскохозяйственной продукции как на важный источник доходов и выступала против проявлений протекционистской практики, метящих в ее высококачественные и дешевые продукты на рынках Центральной Европы. Летом это послужило причиной спора с Чехией», — комментировал журнал. И далее в нем подчеркивалось: «Польские производители продовольствия добились успеха на российском рынке, а Польша является в ЕС пятым по величине экспортером сельскохозяйственных товаров в Россию».

«Business New Europe» напомнил, что такие же торговые ограничения Россия вводила в последнее время по политическим причинам и в отношении других государств. Но журнал не исключил, что это — проявления протекционизма.

«Россия привыкла блокировать импорт, ослабляющий местных производителей, особенно это касается продукции мясной промышленности. Поэтому вполне возможно, что за нажимом на Польшу стоят чисто экономические соображения», — написал комментатор «Business New Europe».

Перетягивание каната с TIRами

Нервная ситуация сложилась и в транспортной отрасли. В такое время года коммерсанты заключают договоры с зарубежными контрагентами и подписывают контракты с перевозчиками. В 2013 г. будущее грузоперевозок в Россию оказалось под вопросом.

В июле Федеральная таможенная служба Российской Федерации внезапно проинформировала на своем интернет-сайте, что будет требовать от международных перевозчиков, чтобы они покупали в России гарантии оплат всех пошлин и налогов независимо от книжек TIR. А ведь в соответствии с

международной конвенцией 1975 г. эти книжки как раз и гарантируют расчет с таможенным ведомством (если, например, на территории России пропадет грузовик, который перевозит товар транзитом).

Российские таможенники утверждают, что их цель — взыскание налоговых задолженностей, оцениваемых в 600 млн. долларов. Эти претензии — о которых ранее не заявлялось — оспариваются Международным союзом автомобильного транспорта (IRU), обслуживающим систему TIR.

Разразился скандал. Решение российских таможенников означает грубое нарушение конвенции TIR и грозит параличом автодорожных перевозок в Россию, в первую очередь — из Европейского Союза.

В начале августа генеральный секретарь Международного союза автомобильного транспорта (IRU) Умберто де Претто в письме премьер-министру России Дмитрию Медведеву протестовал против того, что Россия приняла решение, противоречащее конвенции TIR, не предупредив о нем и не проконсультировавшись по данному вопросу с остальными участниками системы.

Надзор за конвенцией TIR осуществляют Организация Объединенных Наций и генеральный секретарь Европейской экономической комиссии ООН Свен Алкалай, который предостерег министра иностранных дел России Сергея Лаврова, что планы России «не соответствуют международным правовым обязательствам». Не скрывала своей обеспокоенности и Европейская Комиссия.

После всех этих распрей российские таможенники лишь перенесли срок введения новых правил на середину сентября 2013 г. Не помогло даже письмо Путину, в котором Международный союз автомобильного транспорта (IRU) заявил, что, если иностранные перевозчики не смогут пользоваться книжками-карнетами TIR на территории России, то же самое ожидает российских перевозчиков.

В середине сентября IRU и объединения перевозчиков в разных государствах Европы уже готовились к таможенной войне и привели своих сотрудников в состояние боевой готовности.

Пока российские таможенники только играют на нервах европейских транспортников. Противоречащих конвенции TIR решений они не отменили, но в указанный срок потребовали исполнения нововведенных правил только на территории

российского Дальнего Востока. Однако в том же сентябре Федеральная таможенная служба расширила территорию действия новых правил, распространив их на очередные регионы России — вплоть до Урала, иными словами, всё более приближаясь к Европе.

В конце сентября 2013 г. польский министр транспорта Славомир Новак встретился в Гданьске с министром транспорта России Максимом Соколовым. «Мы будем совместно искать такое решение, которое удовлетворит европейских перевозчиков и будет отвечать потребностям Российской Федерации, если говорить о погашении просроченных налоговых платежей применительно к своему таможенному пространству», — заявил Новак на пресс-конференции. Но ведь дело не в том, чтобы найти решение, удовлетворяющее европейских перевозчиков, речь идет о соблюдении международной конвенции, которую Россия ратифицировала.

С середины сентября российские таможенники без предупреждения обострили также досмотр литовских TIRов, разоряя тем самым тамошних перевозчиков. Многие литовские политики считают, что их страна «удостоилась» столь пристального внимания, поскольку именно в Вильнюсе состоится встреча на высшем уровне, посвященная интеграции бывших советских республик в ЕС. С протестом против дискриминации литовских перевозчиков выступили власти Евросоюза, но успех оказался невелик — пока российские таможенники ускорили досмотр лишь тех литовских TIRов, которые везут скоропортящиеся грузы.

И как же отреагировал на всё это Евросоюз? Политики отвечали выступлениями и принимали критикующие Москву резолюции. Постепенно ЕС переходит к действиям. Несколько дней назад представители ЕК пообещали, что облегчат импорт вин из Молдовы, дабы смягчить последствия российского эмбарго.

В ближайшие недели нас ждут очередные кампании этой торговой войны. Вдобавок приближается зима, которую россияне так охотно используют для решения политических и экономических споров, просто приостанавливая поставки газа, электроэнергии или нефти.

Ход за Брюсселем

Споры Евросоюза с Россией комментирует для «Газеты выборчей» адвокат Томаш Влостовский, управляющий партнер

в брюссельской юридической конторе Eutradedefence:
«Европейские учреждения совершили много ошибок в
торговых отношениях с Россией.

Во-первых, они уже давно должны создать инструмент для
мониторинга выполнения Россией ее обязательств,
вытекающих из членства во Всемирной торговой организации
(ВТО), и быстрого реагирования на нарушения Россией
принципов внешней торговли.

Во-вторых, у Европейской комиссии существует много
торговых споров с Россией — большинство из которых
несложно выиграть в суде, — но ни на что большее, чем
пригрозить россиянам пальцем, ЕК не решается. Это создает
впечатление, что предусмотренный ВТО механизм разрешения
споров не работает, и что россияне могут водить ЕС за нос. А
коль скоро они поступают таким образом с ЕС, то Украина,
Молдавия или Грузия чувствуют себя беспомощными. Поэтому
ЕК должна немедленно возбудить как можно больше дел и
начать решать с Россией споры в судах, дабы показать, что
право на ее стороне и что она не боится подобных споров. У ЕК
имеется многолетний опыт судебных процессов в ВТО, и
большинство дел она выигрывает. А публичный выигрыш в ВТО
станет пропагандистским успехом, который приведет к тому,
что дальнейшие споры окажутся менее вероятными.

В-третьих, ЕК должна склонить Молдову, Украину или Грузию к
тому, чтобы в случае торговых реторсий они сразу же подавали
жалобы на Россию в ВТО, и в этих спорах ЕК должна оказать им
всяческую помощь и поддержку, как это делают американцы в
тех торговых конфликтах между третьими государствами,
которые для них существенны. Примером служит банановая
война между ЕС и странами Латинской Америки, в которой
подлинным истцом были именно США. Евросоюз должен так
же прямо и резко показать, что будет бороться за
вышеназванные страны.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «С глубоким сожалением приходится наблюдать, как уходит в небытие „партия реформ”, то есть группа политиков, которые, независимо от своей партийной принадлежности, сумели убедить государство и общество в необходимости преобразований. (...) Зато усиливается влияние „антиреформистской партии” — политиков, которые пытаются выиграть за счет заверений о том, что никакие реформы нам ни к чему. Последствия отмены реформы здравоохранения „аукаются” в Польше до сих пор. (...) И то, что сейчас происходит с Открытыми пенсионными фондами (ОПФ) — это тоже, увы, шаг назад. (...) Спросите у правительства, почему оно так поступает», — президент Польши Бронислав Коморовский, фрагменты интервью. («Жечпосполита», 23 дек.)

• «С одной стороны, ничего страшного в экономике не происходит. Серьезной макроэкономической несбалансированности не наблюдается. Сами по себе дефицит бюджета и большой государственный долг еще не являются особенной проблемой. Зато проблемой является динамика роста задолженности. Мы постепенно переступаем черту, после которой можно потерять контроль над ситуацией и оказаться в большой опасности. Если бы долг был меньше — около 40% по отношению к ВВП — то в период неблагоприятной конъюнктуры можно было бы проводить экспансивную бюджетную политику, а затем, когда конъюнктура нормализуется, обеспечить профицит. Но снижение государственного долга посредством национализации активов ОПФ — это чистой воды шарлатанство. У нас давно наблюдается структурная проблема несбалансированности государственных финансов. Обязательства государства превышают его доходы. Даже при быстром росте экономического развития нам не удастся вернуться к безопасному уровню задолженности. Это значит, что одна лишь благоприятная экономическая конъюнктура не в состоянии решить проблему наших государственных финансов. Ее решением были бы структурные изменения — ограничение социальных расходов в пользу расходов на развитие», — проф. Ежи Хауснер, бывший министр и вице-премьер. («Газета wyborча», 19 дек.)

- «Сейм принял закон о бюджете на 2014 г. Доходы — 276,9 млрд. злотых, расходы — 324,6 млрд. злотых, среднегодовая инфляция — 2,4%, уровень безработицы — 13,8%». («Газета wyborcza», 14-15 дек.)

- «Рост польского ВВП в 2013 г. составил 1,5%, а в этом году может достичь уже 3%, прогнозируют эксперты Польской конфедерации частных работодателей „Левиафан”». («Жечпосполита», 8 янв.)

- «По мнению политологов, уходящий год был полон важных событий. (...) Однако эти события, так взбудоражившие прессу и тех, кто следит за событиями на политической сцене, для 69% поляков, опрошенных 18 декабря Институтом рыночных и социальных исследований „Номо Номини”, оказались ровным счетом ничего не значащими. Бартоломей Бискуп, политолог из Варшавского университета, считает такой результат опроса весьма тревожным, поскольку он означает, что общество всё больше дистанцируется от политики и не интересуется происходящими в стране событиями. (...) А такая ситуация на руку тем, кто вынашивает планы по смене государственного строя. (...) Другая категория участников опроса (31%) полагает, что минувший год был богат на резонансные события, четверть опрошенных в первую очередь упомянула изменения в ОПФ. (...) На втором месте оказались беспорядки во время Марша независимости 11 ноября (18% упоминаний). Третье место (15%) досталось затянувшимся на несколько месяцев внутрипартийным выборам в „Гражданской платформе” и соперничеству между Дональдом Туском, с одной стороны, и Ярославом Говином и Гжегожем Схетыной — с другой. (Элиза Ольчик, «Жечпосполита», 24-26 дек.)

- «Есть три Польши. (...) Одна — это Польша, которая живо интересуется общественно-политическими событиями, а ее гражданам свойственна рациональная мотивация. Другая Польша — это Польша, которая также весьма равнодушна к политике, но ее жители представляют собой что-то вроде псевдорелигиозной секты. У третьей же Польши какая-либо гражданская позиция просто отсутствует, и она совершенно не интересуется политической ситуацией, поскольку целиком сосредоточена на своей частной жизни. Поляки всё больше теряют интерес к политике. Значительная часть избирателей (иногда превращающаяся в большинство) не хочет ходить на выборы. С точки зрения гражданской активности Польша находится на последнем месте среди демократических стран, возникших на руинах советского блока. А это значит, что „третья Польша” по сравнению с двумя первыми самая

большая», — проф. Эдмунд Внук-Липинский.
(«Жечпосполита», 14-15 дек.)

• «В годовщину гибели первого президента независимой Польши Габриэля Нарutowича я отправился на площадь, названную его именем, чтобы зажечь лампадку перед установленным на площади бюстом президента. Оказалось, что там не было ни венков, ни свеч, вообще ничего. Почему мы не вспоминаем об этом выдающемся человеке?» («Газета wyborча», 20 дек.)

• «Я прочел в «Газете wyborчей», что в этом году никто не догадался почтить годовщину гибели президента Габриэля Нарutowича. В те дни я проходил мимо могилы его убийцы на кладбище Старые Повонзки. Там лежал огромный бело-красный венок с надписью „Элигиушу Невядомскому в годовщину его героического поступка — поляки”». («Газета wyborча», 21-22 дек.)

• «Самая идиотская реформа, когда-либо проводившаяся в Польше, уже вошла в историю. (...) Все пенсии будут рассчитываться и выплачиваться через Управление социального страхования (УСС) по нормативам, одобренным Сеймом. (...) Согласно новым правилам, пенсия окажется в два раза меньше, чем теперь. (...) Ликвидация ОПФ будет иметь несколько побочных эффектов, о которых пока все молчат, но мы обязательно почувствуем их на себе уже через несколько лет. (...) После ликвидации ОПФ около 44% выпущенных правительством облигаций окажется в руках зарубежных спекулянтов. И это будет самый высокий показатель среди развивающихся стран. (...) Стабильность государственных финансов в Польше отдана на милость зарубежных спекулянтов. (...) Другим побочным эффектом станет утрата государством доверия со стороны поляков. И все предложения о каких-либо долгосрочных договорах с государством будут восприниматься как крайне невыгодные. (...) Третьим побочным эффектом станет стремительный рост неуверенности в завтрашнем дне. Если государственные финансы находятся в таком скверном состоянии, что пришлось забрать из ОПФ целых 150 млрд. злотых, это значит, что шутки кончились. (...) Рост неуверенности в своем будущем всегда идет рука об руку с падением уровня текущего потребления и усиленной экономией», — проф. Кшиштоф Рыбинский. («Дзенник — Газета правна», 12 дек.)

• «Управление социального страхования вот уже несколько месяцев рассылает в адрес 19 миллионов поляков письма о состоянии их пенсионного счета в УСС. (...) Даже те, кто

получает среднюю по стране зарплату, уже неоднократно смогли убедиться, что их пенсия, начисляемая через УСС, будет составлять не более 20–30% их нынешней зарплаты. (...) Те, кто рассчитывал, что разницу им возместят через систему ОПФ, уже в следующем году получают от фондов информацию о том, что, начиная с апреля, количество денег на их счетах уменьшилось вполтину. Таковы будут последствия правительственного решения о том, что суммы, которые ОПФ сосредоточили в облигациях, должны быть переданы в УСС. (...) Через пару десятков лет, когда количество пенсионеров сравняется с количеством работающих, УСС может оказаться неплатежеспособным банкротом. А ОПФ не помогут, поскольку произошедшие изменения существенно снизили значение этого уровня пенсионной системы. (...) Нам остается лишь жить по принципу „помоги себе сам” — к такому выводу на данный момент пришли несколько сотен тысяч человек, которые откладывают деньги в рамках третьего добровольного уровня пенсионной системы. В середине 2013 г. 816 тыс. поляков были обладателями счета ИПС — индивидуального пенсионного счета. (...) Также 508 тыс. человек открыли себе ИСПО — индивидуальные счета пенсионного обеспечения. (...) Эти люди выигрывают вдвойне — откладывая себе на пенсию, они получают при этом налоговые льготы». (Александра Зеленецкая, «Польска», 23 дек.)

• «Из подготовленных правительством документов следует, что экспроприация сбережений, накопленных в ОПФ, призвана обеспечить увеличение государственных расходов в 2014–15 гг. на 30 млрд. злотых! (...) Отказ от экспроприации не требует увеличения дефицита государственного бюджета. Часть средств, полученных от ОПФ, пойдет на то, чтобы заткнуть дыру, образовавшуюся в Фонде социального страхования — для этого потребуется 15,4 млрд. злотых. (...) Это можно сделать только один раз — ведь, как известно, ни одно зерно не дает урожая дважды. (...) Обязательства, переданные из ОПФ в УСС, никуда не денутся, а лишь увеличат скрытый государственный долг», — Лешек Бальцерович. («Жечпосполита», 23 дек.)

• «Президент Бронислав Коморовский подписал закон об изменениях в пенсионной системе, передав при этом данный нормативный акт в Конституционный трибунал. Такой ход не может помешать вступлению закона в силу. Ликвидация ОПФ начнется 31 января». («Жечпосполита», 28–29 дек.)

• «Согласно Конституции в обязанности президента входит (...) следить за соблюдением Конституции. (...) Подписывая этот закон, президент тем самым фактически подписался и под

наиболее рискованной его частью, согласно которой в начале февраля 2014 г. у людей, накапливавших сбережения в ОПФ, будет экспроприровано свыше половины собранных ими денег. Поскольку нормативный акт уже вот-вот вступит в силу, Конституционный трибунал вряд ли успеет рассмотреть этот закон, переданный в трибунал президентом», — Лешек Бальцерович. («Жечпосполита», 28-29 дек.)

- «Любой польский предприниматель скажет вам, что неисполнение судебных решений — это одно из главных препятствий в его деятельности. Другое препятствие — это административные барьеры. Владелец фирмы не доверяет чиновнику, если тот относится к нему, как к преступнику. И это может очень негативно сказываться на развитии предпринимательства. Я пока не вижу дельных предложений относительно того, как повысить степень доверия гражданина к государству. Проще привести примеры, когда государство это доверие по собственной вине теряет — как в случае с ОПФ», — проф. Анджей К. Кожминский. («Дзенник — Газета правна», 3-6 янв.)

- «В последние три года постоянно увеличивается количество зарегистрированных безработных, которые вот уже более двух лет не могут найти работу. (...) В конце сентября на 2,1 млн. человек без определенных занятий приходилось свыше 409 тыс. таких безработных, то есть на 18% больше, чем в прошлом году». («Дзенник — Газета правна», 9 янв.)

- «При уровне безработицы в Польше, который составляет 13%, целых 28% людей моложе 25 лет не могут найти себе хоть какую-нибудь работу». («Газета wyborcza», 9 дек.)

- «Можно уже говорить о целом секторе экономики, возникшем благодаря деньгам Евросоюза. По данным «Жечпосполитой», вложения ЕС в польскую экономику обеспечили рабочими местами около 200 тыс. человек. „С 2007 по 2013 гг. было заключено почти 94 тыс. договоров о дополнительном финансировании со стороны ЕС. (...) Обслуживание каждого из этих проектов требует заключения не менее полутора-двух трудовых договоров, в результате чего уже 140-190 тыс. человек в Польше, по сути, живут за счет занятости на обслуживании европейских финансовых потоков”, — говорит Ежи Квецинский, эксперт Business Centre Club, бывший вице-министр регионального развития. (...) И это только часть служащих, живущих за счет грантов Евросоюза». (Артур Осецкий, «Жечпосполита», 7 сент.)

• «Польская система оплаты труда чиновников неэффективна и весьма произвольна. Неизвестно, почему одни получают высокие зарплаты, а другие — низкие. Такие выводы содержатся в свежем отчете Республиканского фонда. (...) К примеру, средняя зарплата в сельско-городском центре социальной помощи в Киселине составляет 1 548 злотых в месяц, а в представительстве Верховной контрольной палаты в Кельце — 10 713 злотых. Еще больше платят в Управлении технического надзора (11 250 зл.) и Главной военной прокуратуре (13 658 зл.). (...) Национальный фонд охраны окружающей среды платит своим сотрудникам 9 128 злотых в месяц, а Национальный фонд здравоохранения — 5 084 злотых». (Бартош Марчук, «Жечпосполита», 11 дек.)

• «Главная проблема Польши не в том, что среди нас есть люди, существующие за чертой прожиточного минимума, а в том, что представители среднего класса, тяжело и много работая, едва сводят концы с концами, без всякого шанса на повышение уровня жизни. Это миллионы разочарованных, уставших людей, которые не видят для себя в Польше никаких перспектив. При этом то, что они так мало получают, представляется абсолютно несправедливым. Профессор Польской академии наук (ПАН) получает 2 800 злотых „чистыми”, а кандидат наук — 1 800 злотых. (...) Сотрудники музея в Освенциме получают 2 тыс. злотых в месяц и в связи с этим собираются бастовать, поскольку дальше так продолжаться не может. (...) Слабость польских политиков, которые часто действуют совершенно нелогично и бессмысленно, привела к тому, что Польша находится в некоторой прострации. Зачем, к примеру, Польша поезда «Pendolino», раз наши железные дороги совершенно не приспособлены к такому высокоскоростному передвижению. (...) У меня такое предчувствие, что для Польши начинаются очень тяжелые времена», — проф. Павел Спевак. («Жечпосполита», 4-6 янв.)

• «В 2014 г. люди, работающие по найму, будут трудиться 250 дней, а отдыхать 115 дней. В новом году нас по традиции ждет несколько длинных выходных». («Дзенник — Газета правна», 20-26 дек.)

• «С сентября будет приостановлено производство колбас по традиционным рецептам — так постановила Европейская комиссия. (...) Оказывается, копченая колбаса, производимая в Польше и других странах вот уже сотни лет, содержит вредные для здоровья смолы». (Лукаш Важеха, «В сети», 7-12 янв.)

- «Поляки всё больше недовольны своей жизнью. Те, кто ей доволен, составляют 66% населения, что на 5% меньше, чем год назад, сообщает ЦИОМ». («Жечпосполита», 3 янв.)

- «В течение нескольких лет правительство выдаст 105 концессий на поиск сланцевого газа 23 фирмам (по данным на ноябрь 2013 г.). (...) Согласно отчету Агентства энергетической информации, в польских недрах может находиться 5 миллиардов кубометров газа. (...) С другой стороны, полезно помнить поговорку „Меньше знаешь — крепче спишь”, дабышний раз не заикнуться о том, что одна из крупных добывающих корпораций, работающая также и в Польше, была признана виновной в загрязнении 1,5 тыс. кв. миль лесов в Амазонии и теперь должна возместить ущерб в размере ок. 18 млрд. долларов (которые, к слову, до сих пор не выплачены). И чтобы не зашел разговор о том, что она несет ответственность за загрязнение окружающей среды и нарушение прав человека в Бразилии и Бирме. (...) А заодно можно игнорировать отчеты агентств, контролирующих добывающий сектор, которые сообщают, что у людей, проживающих в местах интенсивной добычи сланцевого газа в Канаде и США, неоднократно диагностируются желудочно-кишечные расстройства, кожные заболевания, ожоги, плохо заживающие раны, предраковые состояния, астма, головные боли, апатия, амнезия, пневмокониоз, заболевания почек, печени и органов кровообращения, новообразования, бессонница, стресс, а также посттравматический синдром». (Мариуш Сепёло, «Тыгодник повшехный», 12 янв.)

- «Президент подписал так называемый „закон о нелюдях”. Несмотря на критику со стороны юристов, он не направил этот документ на рассмотрение Конституционного трибунала. (...) Каждый, кто отбыл наказание в условиях терапевтической системы лишения свободы (для польской пенитенциарной характерна бóльшая, по сравнению, например, с Россией, степень дифференциации условий исполнения лишения свободы; так, различаются система программированного воздействия, терапевтическая и общая системы — прим. пер.), может быть по решению суда бессрочно изолирован в „центре предупреждения асоциального поведения” с тюремным режимом. Такая мера может быть избрана в случае, если осужденный заканчивает отбывать наказание, но эксперты считают, что существует „очень высокая вероятность” совершения им преступления с применением насилия против жизни, здоровья либо сексуальной свободы. Психиатры и психологи протестуют, поскольку такую „вероятность” точно определить невозможно, и данная правовая норма рискует

превратиться в инструмент карательной психиатрии». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 17 дек.)

• «Профессор Збигнев Квецинский, председатель Польского педагогического общества, после объявления результатов Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (англ. Programme for International Student Assessment, PISA) в 2009 г. заявил, что результаты были сфальсифицированы, поскольку в программе не участвовало 20% польских гимназистов с „функциональной неграмотностью”. Этим ученикам просто разрешили не приходить в школу в день тестирования. (...) „На сегодняшний день ситуация не улучшилась. Незадолго до объявления последних результатов PISA, под патронатом Комитета педагогических наук ПАН во всей Польше был проведен экзамен по чтению и пониманию. (...) Едва лишь 4,6% выпускников начальных школ имеют навыки чтения на сознательном уровне, справляются с поиском содержащейся в тексте информации, понимают значения слов и выражений, а также имеют навыки чтения заданных текстов с их последующим толкованием. У тех, кто заканчивает гимназию, ситуация еще хуже — с пониманием текст читают лишь 4,53% выпускников”, — говорит профессор Богуслав Скверский, председатель Комитета педагогических наук ПАН». (Рафал Джевецкий, «Дзенник — Газета правна», 20-26 дек.)

• «Снижение уровня рождаемости на несколько десятков тысяч младенцев в год, а также всё более быстрое старение общества стали следствием растущей эмиграции поляков после вступления страны в ЕС, гласят данные свежего отчета Комитета исследования миграций ПАН. (...) Во многих регионах уже можно заметить ярко выраженные последствия массового отъезда жителей. По приблизительным оценкам, количество польских „временных эмигрантов” составляет около 2 17 000 человек». («Жечпосполита», 18 дек.)

• «Приема у детского кардиолога грудным детям и их родителям приходится ждать пять месяцев. За это время порок сердца может закрепиться. (...) 13,2 месяца в среднем приходится ждать приема у ортопеда и травматолога». («Жечпосполита», 9 дек.)

• «Согласно отчету Global Age Watch за 2013 г., Польша занимает последнее место среди стран ЕС по показателям уровня жизни лиц преклонного возраста. (...) Хуже всего дела обстоят в польской медицине — среди 91 страны, в которой были проведены соответствующие исследования, мы занимаем

четвертое с конца, то бишь 87-е место». (Юстина Смолинская, «Дзенник — Газета правна», 27-29 дек.)

• «Десять стран ЕС сообщило о том, что они готовы принять беженцев из Сирии: Германия — 10 тыс. человек, Норвегия — 1 тыс., Франция — 500 человек, Испания — 30 человек, Польша и 17 других стран ЕС — ни одного. 2,3 млн. сирийцев были вынуждены бежать из страны, 4,5 млн. покинули свои дома, но продолжают скитаться по территории Сирии». (Марта Ужэндговская, «Газета wyborcza», 14-15 дек.)

• «Польша второй раз поможет Франции в Африке. В этот раз мы направим наших военных в Центральноафриканскую республику. Туда может отправиться до 50 польских военнослужащих, экипаж транспортного самолета «Геркулес С-130», а также обслуживающий персонал. (...) В четверг президент Бронислав Коморовский продлил учебную миссию наших военных в Мали. (...) О поддержке польскими вооруженными силами французской миссии сообщил в пятницу в Брюсселе президент Франции Франсуа Олланд». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 21-22 дек.)

• «Поддержка партий: „Право и справедливость” — 29%, „Гражданская платформа” — 25%, Союз демократических левых сил — 13%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, „Польша вместе” (партия Ярослава Говина) — 3%, „Твое движение” (бывшее „Движение Паликота”) — 2%. Опрос Института исследования рыночных и общественных отношений „Номо Номини”, 18 дек. 2013 года». («Жечпосполита», 20 дек.).

• «Когда Институт исследования рыночных и общественных отношений „Номо Номини” попросил своих респондентов назвать главного политического „лузера” 2013 г., 53% назвало Дональда Туска. (...) Второе место (14% голосов) занял лидер „Права и справедливости” Ярослав Качинский. (...) Третье место досталось Янушу Паликоту (6% упоминаний)». («Жечпосполита», 28-29 дек.)

• «Есть в этой книге (автобиография Малгожаты Туск „Между нами”) какое-то очарование. В первую очередь — та атмосфера простоты, естественности и нужды, в которой она выросла. В детстве Малгожата Туск пасла гусей и коров у своей бабушки. (...) „Донек вырос в опасной среде — улица, приятели по двору, приключения в подворотнях”. Перед свадьбой ему приходилось вставать в четыре утра — он работал на судоверфи, где чистил корабли. Уже будучи членом оппозиции, он с шести утра продавал хлеб в переходах вокзала. До женитьбы у него никогда не было своего угла, он спал на раскладушке в кухне. После

свадьбы молодые ютились в клетушке два на три метра. Затем в течение шести лет, будучи членом кооператива, занимающегося высотными работами, он красил трубы, был сезонным гастарбайтером в Баварии, где давил сок из яблок, работал на стройке и мыл полы в офисах в Норвегии». (Даниэль Пассент, «Политика», 18–26 дек.)

- «Любой из нас, благодаря онлайн-трансляции в интернете, может следить за жизнью самого крупного обитателя польских лесов. Прямой „репортаж“, снимаемый на камеру, установленную на опушке, где подкармливают диких животных, на территории надлесничества Бровск, можно увидеть на интернет-сайте Государственных лесов. (...) Зубры, у которых уже 69 тыс. фанов, оставили далеко позади всех политиков, в том числе Дональда Туска (16,5 тыс.), Бронислава Коморовского (48 тыс.) и Януша Паликота (35 тыс.). Прошлой зимой трансляцию с лесной поляны посмотрело полтора миллиона человек». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 31 дек. — 1 янв.)

- «Плакаты с польским флагом, а на них сине-желтые надписи „Спасибо!“ — так митингующие на Майдане украинцы благодарят поляков за солидарность с ними. Здесь находятся мужчины и женщины самых разных возрастов. Одни или с друзьями, улыбающиеся, одетые в теплые куртки, закутанные в шарфы. Они держат польские флаги с надписью «Спасибо!», выполненной в украинских национальных цветах — свыше сотни таких снимков можно увидеть на информационной страничке Майдана в Фейсбуке». («Газета wyborcza», 9 дек.)

- «Многое свидетельствует о том, что протестующие на Майдане студенты, выкрикивающие лозунги в поддержку евроинтеграции, всего лишь марионетки. (...) Политические наследники убийц хотят ввести Украину в состав ЕС вопреки воле большинства украинского населения. (...) Мы ничего не приобрели от поддержки „оранжевой революции“ и Виктора Ющенко. Зато много потеряли, поскольку Россия отплатила нам санкциями, а на Украине подняла голову бандеровщина. (...) Даже если Украина получит концессии ЕС, то прибыль положат себе в карман совсем другие люди, а на нашу долю достанутся одни лишь проблемы. (...) В Украине наших соотечественников все время обижают, поляки постоянно боятся националистов, и вынуждены в связи с этим идти на огромные компромиссы», — к.и.н. Люцина Кулинская. («Наш Дзенник», 18 дек.)

- «С начала 90 годов Польша последовательно проводит свою восточную политику, исходя из того, что независимость

Украины находится в сфере интересов Польши и Европы в целом, и потому требует всемерной поддержки. (...) Этой политики придерживались все польские президенты во взаимоотношениях со всеми президентами независимой Украины, что принесло свои результаты. (...) Украина впервые, двигаясь в выбранном ею прозападном направлении, зашла так далеко. Изменился и подход украинского общества к евроинтеграции. За три года количество украинцев, активно поддерживающих интеграцию Украины с Западной Европой, выросло с 23% до 50%. (...) ЕС выдвинул свои условия, и Украина их выполнила, внося соответствующие изменения в свое законодательство. (...) Изменилось и отношение Евросоюза к Украине. (...) Стало ясно, что Украина важна не только для Польши, но и для всех остальных европейских стран», — фрагмент интервью с президентом Польши Брониславом Коморовским. («Жечпосполита», 23 дек.)

- «По мнению президента Польской академии наук, профессора Михала Клейбера, в любом случае, Украина не подходит Европе как континенту, развивающемуся на базе ключевой для нас системы ценностей». («Жечпосполита», 9 дек.)

- «Барак №30. В Польшу, после нескольких лет переговоров с музеем Холокоста в Вашингтоне, где объект находился во временном пользовании, вернулся барак из концлагеря Аушвиц-Биркенау — единственный целиком сохранившийся деревянный объект из так называемого „семейного лагеря“, куда доставлялись евреи, депортированные из гетто в Терезине». («Тыгодник повшехный», 12 янв.)

- «Представители девяти ВУЗов во главе с Белостокским университетом подписали договор о создании Сети университетов приграничья (СУП). (...) В деятельности СУП будут участвовать три университета из Беларуси (Барановичевский, Брестский и Гродненский), два из России (Калининградский и Воронежский), один из Литвы (Каунасский) и два с Украины (Львовский и Тернопольский)». («Пшеглэнд православный»)

- «Украинцы в Польше составляют самую большую группу приезжих, а количество тех из них, которые на территории нашей страны находятся легально, постоянно растет. Всё больше увеличивается количество тех, кто хочет здесь остаться. Согласно опросу, проведенному в 2013 г. Институтом общественных отношений, на заработки в Польшу приезжают в основном украинцы с высшим образованием в возрасте от 35 до 59 лет. (...) Опросы также показывают, что присутствие украинцев позитивно воспринимается польским социумом.

51% опрошенных считает, что их деятельность здесь приносит столько же пользы, сколь и убытков, в то время как 33% опрошенных уверены, что польза всё-таки значительно превышает убытки. И только 9% занимали противоположную позицию. Украинцы, которые приезжают в Польшу на заработки, рассчитывают, что здесь они быстрее найдут работу и заработают больше, чем у себя дома. (...) На Польшу выбор в таких случаях падает главным образом из-за культурно-языковой близости. Тот факт, что украинец легко найдет с поляком общий язык, дает им ощущение безопасности. Немалую роль также играет удобное географическое положение, несложные визовые процедуры, а также возможность чаще навещать своих близких, чему, кроме прочего, способствуют невысокие дорожные расходы». (Кацпер Лесневский, «Пшеглэнд», 30 дек. — 6 янв.)

• «„У нас разная поведенческая философия, — признался Радослав Сикорский после варшавской встречи с российским министром иностранных дел Сергеем Лавровым. — Мы, как неотъемлемая часть западного мира, поддерживаем реформы в Украине. Россию же вполне устраивает та Украина, которая есть. (...) Также у нас имеются серьезные разногласия по поводу противоракетного комплекса. По мнению Лаврова, американская военная база в Польше не нужна”. (...) Сикорский также рассчитывает на то, что американцы не изменят своих планов. Лавров, в свою очередь, заявил, что Кремль до окончания российского следствия не отдаст полякам останки самолета ТУ-154, разбившегося под Смоленском. Не может быть также речи о передаче документов по „катынскому делу”». («Жечпосполита», 20 дек.)

• «Вчера в Варшаве под председательством Радослава Сикорского и Сергея Лаврова состоялось восьмое заседание Комитета по вопросам стратегии польско-российского сотрудничества. „Мы решили, что будем сотрудничать в ООН, в Совете Европы, в рамках отношений ЕС и России, также мы решили работать на повышение эффективности и доверия в Совете Россия-НАТО”, — заявил Лавров. («Метро», 20-22 дек.)

• «Польский интернет-портал о Центральной Европе «Port Eurora» попал в список запрещенных в Российской Федерации интернет-сайтов, и теперь доступ к нему заблокирован. Но почему же и с польских компьютеров на него невозможно зайти? Якуб Логинов (владелец портала Porteurora.eu и корреспондент еженедельника «Дзеркало тыжня»): “Наш портал обслуживался через белорусские серверы. До сих пор я был уверен, что такие блокировки касаются только российских

пользователей, и что блокада сайта не осуществляется с таким широким диапазоном, и уж во всяком случае не распространяется на Польшу — как-никак, члена ЕС. (...) Мы активно поддерживали украинцев в их стремлении к интеграции с Евросоюзом. (...) Уже в июле украинский еженедельник «Дзеркало тыжня» опубликовал материал о комплексе мер, которые Россия собирается предпринять, чтобы не допустить ассоциации Украины с Европейским союзом. Там, разумеется, шла речь об экономическом шантаже, но и о том, что Россия придает большое значение цензуре в интернете». («Жечпосполита», 3 янв.)

- «Однодневному визиту Сергея Лаврова в Варшаву непосредственно предшествовала публикация в субботнем номере „Бильда” о размещении в Калининградской области ракет средней дальности „Искандер”, которые, возможно, снабжены атомными боеголовками. Москва не выступила с официальным опровержением сообщения немецкой газеты». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 19 дек.)

- «Втихаря, пока всеобщее внимание привлечено событиями на Украине, Россия начала размещать на территории соседней Белоруссии свои истребители-перехватчики. (...) В течение двух лет вблизи польской границы встанет целый истребительный полк. (...) В 2015 г. в Лиде будет расположен полк самолетов Су-30. Эти самолеты, вместе с противовоздушными ракетами средней дальности С-300, а также ракетами короткой дальности Тор-М2Е создадут защиту воздушного пространства России и Беларуси от атак с Запада (то есть из Польши). Минск будет защищен, но ценой передачи контроля над системой обороны Москве. Су-30 являются многоцелевыми самолетами, они могут атаковать наземные цели в радиусе 3 тысяч километров». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 14-15 дек.)

- «Мир отдавал и отдает Грузию по кусочкам, как в свое время Чехословакию. (...) А после уже можно было начинать активную фазу операции в отношении Украины. (...) Сегодня там идет сражение не только за будущее Украины, но и за грядущее развитие всего европейского проекта. И, как это ни парадоксально звучит, за будущее самой России. Ползучий путинизм поглотил Россию и собирается теперь по территории Украины доползти до стран Балтии, планируя заодно добраться и до Польши. Потом настанет очередь Болгарии, Греции...», — Тарас Возняк, главный редактор ежеквартального журнала «Ї». («Газета wyborча», 14-15 дек.)

- «Польская государственность сегодня находится под угрозой в значительно большей степени, чем двадцать лет назад. Россия

не отказалась от своих великодержавных амбиций. И если Украина будет потеряна и окажется в руках России, то мы окажемся следующими, и не сможем себя защитить. (...) У Грузии был конфликт не с Россией, а с маленькой то ли Осетией, то ли Абхазией. Когда Беларусь и Украина окажутся в руках Кремля, случиться может всё, что угодно. (...) Это может произойти и через 10–20 лет, но ведь именно такими временными рамками они и пользуются! И лишь у Европы нет никаких стратегических планов». (Антоний Либерта, «Жечпосполита», 21–22 дек.)

• «Принципы „препперса”: экономить, быть максимально независимым, иметь безопасное укрытие, а в нем всё необходимое, чтобы продержаться, если кончатся деньги, не будет электричества и газа, окажутся перекрыты дороги, закроются магазины, банки, больницы. (...) Кшиштоф Яблоньский — автор проекта «Boungler», интернет-платформы для тех, кто готовится к катастрофе. (...) «Боунглер» — это человек, который готов к любым испытаниям: к аварии электромагнитных сетей, к пандемии, вызванной вирусными мутациями, к наводнению, пожару и даже нашествию инопланетян. По мнению Яблонского, в нашей стране насчитывается как минимум 30 тыс. человек, готовых ко всему. (...) Это крестьяне, электрики, пожарные, слесари, врачи, санитары...». (Малгожата Смехович, «Ньюсуик Польска», 16–29 дек.)

• «Министерство иностранных дел осудило надругательство над государственным флагом Литвы, совершенное 21 дек. в Вильнюсе двумя поляками. (...) Поляки сорвали флаг и вытерли им ступеньки, ведущие к мавзолею маршала Юзефа Пилсудского на вильнюсском кладбище Расу». («Жечпосполита», 23 дек.)

• «Верховный суд отменил регистрацию „Общества силезцев”, постановив, что национальности „силезец” не существует, а автономизация региона может привести к ослаблению интегральности Польши и противоречит конституции, согласно которой (ст. 3 основного закона) Польша является унитарным государством». («Тыгодник повшехный», 15 дек.)

• «Суд признает, что сотни тысяч людей считают себя силезцами, но ему видней, поэтому он отказывает им в таком праве! (...) Какое право имеет суд запрещать мне так о себе думать и объединяться с людьми, у которых схожие мысли и чувства? (...) Запретить мне принадлежать к какой-либо национальности — попытка из арсенала дремучих националистов. И именно такие люди, как мне теперь кажется,

сидят в Верховном суде», — Людвик Стомма. («Пшеглэнд», 7-12 янв.)

- «Епископ Пацифик Дыдыч заявляет: „Высшие власти Польши разъедает проказа, а Сейм должен быть распущен”. (...) Известны и другие высказывания епископа, который называет Польшу „империей лжи”, „бытовыми джунглями” и „духовной пустыней”», — цитирует о. Томаш Достатный, доминиканец. («Газета выборча», 12 дек.)

- Результаты опроса, к проведению которого его организаторов подтолкнула анкета Папы Франциска. Сексуальные домогательства в отношении детей и подростков со стороны священников и монахов — это: единичные вопиющие случаи — 31%, повсеместное явление — 38%. Как Церковь реагирует на такие случаи: честно во всем признается — 15%, скрывает их — 54%, проявляет заботу о жертвах домогательств — 16%, не проявляет таковой — 49%. Живет ли польское католическое духовенство скромно либо, напротив, на широкую ногу пользуется всеми земными благами: настоятель моего прихода — 49% и 39%, священники — 27% и 66%, епископы — 26% и 66%. 19% опрошенных полагают, что Церковь соблюдает принцип отделения ее от государства, а 50% убеждены, что Церковь активно участвует в политике. 18% опрошенных полагают, что Церковь постоянно укрепляет свой моральный авторитет, 48% убеждены в обратном. По данным опроса, проведенного агентством TNS 29 ноября — 4 дек. («Газета выборча», 19 дек.)

- «Поляки не отвернулись от Церкви, не дали себя обмануть политикам и журналистам. Во время рождественских праздников церкви были полны людей», — епископ Тадеуш Перонек. («Жечпосполита», 8 янв.)

- «Процент верующих и регулярно совершающих религиозные обряды на селе снизился за последние восемь лет с 67,4% до 58,2%, сообщил ЦИОМ. (...) На 9% снизилось количество людей, посещающих церковь раз в неделю. Результаты опроса от 5-12 дек. 2013 года». («Жечпосполита», 8 янв.)

- «„Европейский союз живет без Бога в сердце, и подобен Гитлеру, величайшему преступнику в истории Европы”, — так, повысив голос, обращался к своей пастве директор радио „Радио Мария” о. Тадеуш Рыдзык. (...) Рыдзык предостерегал слушателей „Радио Мария”, что ЕС лишит поляков суверенитета, а польских управленцев заменят еврочиновники. (...) ЕС — это гибель католической нации. (...) В Брюсселе директор „Радио Мария” просил ЕС о дотациях на

сумму 15 млн. евро. Увы, Евросоюз ответил отказом». (Моника Олейник, «Газета выборча», 13 дек.)

• «Нынешняя ложь представляется еще более опасной, нежели ложь коммунистической эпохи. Последняя располагала аппаратом цензуры, принуждения и репрессий, но всё-таки ее главная составляющая была «импортной», советской. Поэтому народ в массе своей не мог нести за нее никакой ответственности (несмотря на то, что иногда сам же усердно эту ложь распространял). Сегодняшняя ложь, не располагая таким аппаратом, выражает иллюзии и грезы нации, умудренной собственной историей, что тоже целиком понятно. И она пользуется аппаратом, куда более совершенным — взять хотя бы интернет. Добавим к этому десятки журналов, многочисленные патриотические общественные организации, „Радио Мария” и холмы на Ясной Горе. Коммунистическая ложь с течением времени сбавляла обороты. Современная же ложь вовсю набирает размах, идеологический (то есть просто партийный) фактор всё усиливается, агрессия доходит до истерики», — проф. Анджей Романовский. («Газета выборча», 14-15 дек.)

• «С января по июнь 2013 г. расследовалось 343 дела о преступлениях на почве расизма и ксенофобии, при этом новых дел было возбуждено 235. Чаще всего жертвами таких противоправных деяний становились лица еврейского происхождения: на них было совершено 57 нападений, на чернокожих — 42, на цыган — 26, на мусульман — 14. В общей сложности работниками прокуратуры было зафиксировано 28 националистических, этнических и религиозных групп, которых непосредственно касались рассматриваемые дела». (Марцелина Завиша, «Дзенник Трибуна», 27-29 дек.)

• «Я воспитывался в убеждении, что быть журналистом — значит заниматься неустанным поиском истины, что журналистика — это благородная и правильная миссия. К сожалению, такой журналистики в Польше уже нет. Сегодня ограничиваются тем, что подсовывают микрофон, чтобы получить комментарий, да демонстрируют две разные точки зрения на одну проблему, не пытаясь разобраться, которая из них верная. (...) Это журналисты собственными руками сотворили мир так называемых „равноценных мнений”. Мир, в котором нет ценностей, есть только разные точки зрения. (...) И всё-таки настоящая журналистика существует, и я надеюсь, что когда-нибудь она вернется в Польшу. Журналистика, основанная на вере в собственную миссию, внятном мировоззрении и поиске истины. Это нужно не только

Беловежской пуще, но и в значительно большей мере всей Польше». (Адам Вайрак, «Дзике жиче», декабрь 2013 г. и январь 2014 г.)

- «В день Рождества радость всех живых существ символизируют слова старой колядки: „Радуйся, всё, что живо”. (...) Весь живой мир страдает: мы не знаем, зачем Бог создал его именно таким, но верим, что никто не останется без последнего утешения», — Ян Турнау, рождественская проповедь. («Метро», 20–22 дек.)

- «На праздники мы расставим в вертепе ягненка, корову, осленка. А для рождественского ужина забьем карпа молотком по голове ...». (Адам Кшеминский, «Политика», 18–26 дек.)

- «К празднику. (...) Ингредиенты для приготовления паштета: 1 кг свиной лопатки, 1 крыло индейки, три четверти курицы, 0,7 кг подгрудка с кожей, 0,3 кг сырой грудинки, 0,5 кг говяжьей лопатки, 0,4 кг куриной печени... Рецепт кроличьего паштета — специально для гурманов! — можно найти на портале MetroMSN.pl (...) По традиции, рождественский ужин не обходится без карпа. (...) В кастрюлю доливаем пива. Доводим до кипения, потом ставим огонь на минимум и варим 10–15 минут. Карпа нужно вынуть, а отвар процедить». («Метро», 20–22 дек.)

- «Каждый год по случаю Рождества в Польше умерщвляется 10 млн. карпов. (...) Всего на планете разводят 59 млрд. этих рыб, обреченных на верную гибель. Большинство гибнет в промышленных условиях, в соответствии со всеми гуманитарными стандартами. Алекс Рентон (...) пишет, что скотобойни держат свою методику в секрете, иначе, если бы мы знали, что там происходит, давно уже сделались бы вегетарианцами. (...) Джонатан Сафран Фоер: „Мы едим мясо, а о его происхождении стараемся не думать”». (Мацей Ярковец, «Впрост», 16–29 дек.)

- «Украшения из елочных лапок и венки на дверях. (...) Браконьеры обламывают ветви и выносят их на дорогу. Оптовики приезжают за ними ночью на машинах. (...) Если пихта потеряет 80% своих ветвей, то есть все шансы, что при сильной жаре или после обильных осадков она бесповоротно усохнет. (...) В лесничестве Лагув так выглядит каждое третье дерево. Спрос на елочные лапки огромен, а у обламывающих лапки браконьеров нет ничего святого. Они не щадят даже Свентокшиского национального парка. Большинство этих лесов включены в охраняемую сеть «Природа-2000», но для воров это не имеет никакого значения. (...) Пихта составляет всего 3%

польского древостоя. (...) Некоторые судьи смотрят на нас, лесников, с изумлением, когда мы возбуждаем дела о краже веток», — Адам Богория-Закшевский. («Пшеглёнд», 9-15 дек.)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Проблемы с идентичностью по-прежнему дают о себе знать в многочисленных, в том числе интернетных дискуссиях. Об этом пишет профессор Александр Фьют в очерке «Неосарматизм?», опубликованном на страницах издающегося в Быдгоще «Квартальника артистичного» (№ 4/2013): «Едва ли отыщешь более комичную или даже гротескную картину, чем портрет интернет-пользователя, восседающего перед экраном компьютера в контуше! И все же достаточно прогуглить слово «неосарматизм», чтобы найти в сети ответы, которые на полном серьезе обращаются к этой традиции. Возникают целые форумы, посвященные данной проблематике, ведутся бурные дискуссии. Как известно, восприятие сарматизма, начиная с периода романтизма, приобретало в Польше самые разные формы. (...) Меня заинтересовал неосарматизм в массовом, так сказать, сознании». В связи с этим автор обратился к ресурсам интернета и выбрал оттуда три примера, которые за неимением лучшего можно интерпретировать как современную программу польского неосарматизма. Появившиеся в этой связи лозунги не оставляют сомнения в том, как понимают сарматскую традицию современные польские ультраконсерваторы. Вот примеры: «Будем сражаться с безбожными идеями глобализма, масонства, либерализма, либертинизма, коммунизма, социализма, пацифизма, феминизма и республиканства»; «Нам в равной степени чужда политика Израиля, Европейского Союза и Соединенных Штатов» (что любопытно и заслуживает внимания — это отсутствие России среди врагов неосарматского движения); «Самое главное — отказ от мартирологической и фаталистической ментальности поляков, восстановление «сарматской» идентичности нашей страны и децентрализация государства. Главной ценностью в Польше — так же, как и прежде — должна быть свобода»; «Сарматский республиканизм — это попытка превратить культурное наследие в капитал. Однако находясь вне режима современности, воплощенной во французской идеологии разума и немецкой рациональной бюрократии, это предложение близко по духу к английской социологии морали и американской политике свободы. Поэтому я считаю, что сегодня Польше необходим неосарматский республиканизм».

Эти лозунги и идейки — высказываемые и в более мягкой форме, как, например, в статьях Эвы Томпсон, автора небезынтересного, в общем-то, исследования русской литературы «Трубадуры империи», или Кшиштофа Кёлера, чья поэзия и работы по полонистике заслуживают внимания — комментирует профессор Фьют: «Кто-то скажет, что интернет просто кишит различными псевдотеориями, умственными абберациями и самыми сумасшедшими идеями. Однако я полагаю, что процитированные выше мнения важны и заслуживают внимания. Потому хотя бы, что это симптом, состояние умов определенной части польского общества. Можно было бы отнестись к этим текстам с улыбкой, если бы не факт, что под знаменами неосарматизма в Польше происходит мобилизация крайне правых групп. Особое беспокойство вызывает язык агрессии и военизированная риторика». Точкой отсчета становится стереотип сармата: «Он воплощает все самые гадкие польские пороки: враждебность к чужим, склоность, склонность к анархии, самодурство, отсутствие интеллектуальных запросов, поверхностную, ханжескую религиозность. Беда в том, что эти пороки считаются достоинствами. (...) Можно ли одной лишь недооценкой геополитических реалий объяснить убежденность, что Польша может снова стать могущественной державой и монархией? Что может создать собственную систему управления, без оглядки на соседей и мир в целом? Что может черпать примеры исключительно из собственных традиций, восстановить утопически понимаемое республиканство, словно бы это было панацеей от всех политических недугов Третьей Речи Посполитой? (...) Приведенные высказывания не парят (...) в некоем виртуальном вакууме. Напротив, их фоном служат как своеобразная мода на сарматство, проявления которой можно увидеть в кино, театре, литературе и в научных исследованиях, так и коллективные навыки и модели поведения. (...) Следует добавить, что восприятие сарматской традиции в польской культуре и литературе принципиальным образом изменяет и модифицирует массовая культура. Как верно заметил Пшемислав Чаплинский, приверженцы неоромантизма в журнале «Фронда», „принимая сарматское наследие, пропущенное через массовую культуру шестидесятых и семидесятых годов, переняли, вместе с сарматизмом, главные пороки современности: узкий символический универсум, не служащий интерпретации актуальной действительности, и ограниченный набор социальных ролей”. Далее исследователь поясняет: „Узкий символический универсум навязывал военный стиль конфронтации с поздней современностью. (...) В свою очередь, из-за ограниченности набора социальных ролей любые достойные попытки определить достойную

идентичность поляка должны были осуществляться за счет поиска худших — евреев, сторонников эмансипации, людей другого вероисповедания или атеистов, сторонников модернизации или интеллигентов”».

В заключении очерка профессора Фьюта читаем: «Неосарматы полагают, что кризис идентичности можно преодолеть, оживляя понятие „поляк-католик” в крайне узком его понимании, что чувство отрыва от культуры и традиции лечится изоляцией в крепости под названием „польскость”, а стремление к признанию компенсируется национальной мегаломанией. Судорожные попытки ухватиться за далекое прошлое обнажают лишь нашу беспомощность перед лицом глобальных изменений общественного сознания. Ведь проблема самоидентификации не ограничивается принадлежностью к определенной этнической группе, — напротив, становится формой непрерывного поиска значений. Идентичность в современном мире получает многоуровневую, динамичную, открытую к отношениям с другими форму. Ведь можно быть одновременно поляком, католиком и европейцем. То же самое с католицизмом. Уже недостаточно просто декларировать, что ты католик. Учение послесоборной католической Церкви далеко отошло как от ресентимента по отношению к иным верованиям, так и от отвержения инакомыслящих. (...) К сожалению, модернизирующее течение все еще слабо представлено в польской Церкви. В этой Церкви превалирует архаичная, традиционная точка зрения на собственную роль в государстве и выполняемую миссию. Именно отсюда призывы защитить «католицизм в его самой радикальной форме», даже вопреки Риму. (...) В результате неосармат предстает — как тот интернавт, виртуально нарядившийся в костюм шляхтича, — смешным, убогим, вызывающим жалость. Он смешон в своем анахронизме, убог в своих мечтаниях о могуществе и вызывает жалость, потому что, погрязнув в предубеждениях и поддавшись манипуляциям, он гласит агиографическую установку по отношению к шляхетской традиции и, словно слепой, не видит изменяющегося вокруг него мира. Но он также и потенциально опасен. Ибо за комизмом этой фигуры могут скрываться нетерпимость, ненависть, фанатизм и насилие».

С этой точки зрения очень интересными представляются исследования, проводящиеся социологом профессором Иренеушем Кшеминским, направленные на постижение феномена «Солидарности» как все еще невостребованного фактора, формирующего польскую идентичность. Профессор рассказывает об этом в опубликованном в журнале «Нове

ксёнжки» (№ 12/2013) интервью «Благородные идеалы и трудная действительность»: «Важнейшей чертой характерной для общественного движения, которым была «Солидарность», была одна совершенно новая для польской традиции, поразительная и очень существенная идея, а именно: личная свобода понимаемая как условие или составная часть свободы национальной. Право на независимое, суверенное государство оказалось интегрально связано с идеей свободы личности, с правом поступать в соответствии с собственной совестью, с собственным пониманием мира, то есть, если воспользоваться фразой из американской конституции, «строю свое собственное счастье». Каждый имел право на эту личную свободу. (...) Чрезвычайно важно, что следует особо подчеркнуть, оказалось то, что эти миллионы людей сумели организовать. А ведь они были, по сути дела, бессильны. У них не было примеров совместных действий. (...) Господствовавшая в Польше тоталитарная, а потом квазитоталитарная система делала все, чтобы уничтожить навыки самоорганизации, взаимопонимания, формирования собственных структур. (...) Тогдашний феномен основывался на умелом сочетании личных мотивов с общими организационными целями, на подчинении определенным правилам, которые вырабатывались „изнутри” и соблюдались беспрекословно. Это было что-то, чего в современной Польше уже нет. (...) Глубокая убежденность, что судьба стремящейся к успеху личности и забота об общественном благе взаимосвязаны, была необычайно важным элементом логической цепочки, следующим звеном которой было понимание того, что настоящие граждане своей страны, то есть деятельные, активные члены общества, должны между собою дискутировать. Что именно общественная дискуссия проясняет картину ситуации и определяет приоритеты, то есть то, что важнее всего, что следует срочно сделать, какого типа проблемы должны быть решены. (...) Мечтой поляков было подлинно независимое гражданское, то есть демократическое, государство. Было очевидно, что права человека и гражданина должны стать основой будущей свободной страны. Такая, по сути дела, либеральная установка пронизывала мышление «Солидарности», но истоки ее следует искать отнюдь не в либеральной традиции! Забота о гражданских правах исходила из идеи человеческого достоинства, а вдохновлял ее христианский персонализм. Права человека и гражданина как гарантия человеческого достоинства — это идея, связанная с Иоанном Павлом II, с мыслью, которую он высказал в самом, столь для нас важном, начале своего понтификата».

И что же от этих идей осталось? «Свобода, которая неожиданно наступила, показала, что можно делать все, что угодно, без оглядки на кого-либо, что можно комбинировать. Слово „комбинировать” здесь вполне уместно, поскольку, как часто говорят, поляки комбинировать любят. Поляк комбинирует, чтобы не остаться в дураках. Неожиданно оказалось, что идеал „Солидарности”, та глубокая убежденность, что мои собственные личные интересы могут в полной мере реализоваться только в том случае, если я буду одновременно думать о других, превратилась в то, что я называю „плохим индивидуализмом”. „Хороший эгоизм” переродился в „плохой индивидуализм”. (...) Уже в конце восьмидесятих годов у меня было ощущение, что скверный урок политического насилия, которым было военное положение, и искоренение „Солидарности”, то есть убийство больших общественных надежд, привело к изменению способа мышления поляков. (...) Настоящая политика — это не благородное гражданское дело, а умение распорядиться силой. (...) Исследования, которые я со своей группой проводил в течение последних лет, весьма явственно показывают соответствующие изменения. (...) Насилие в политике уже представляется вполне допустимым. (...) Повсеместно считается, что дискуссия перестала иметь какое-либо в общественной жизни, потому что те, кого мы избрали, все равно нас не слушают. Но, что еще хуже, повсеместной оказывается уверенность, что дискуссия — это действительно тупиковый путь, что важнее всего партикулярные интересы, а на них построить согласие невозможно. Все остаются при собственном мнении, каждый стремится победить и любой ценой настоять на своем. (...) Из вышесказанного следует, как мало идей сохранилось из живого наследия „Солидарности”. Опыт подсказывает, что важные события, в результате которых появлялись новые, отличные от традиции образцы (а именно таковым я считаю „Солидарность”), потом забывались. Они уходили куда-то в небытие, но неожиданно оказывалось, что оставили след, и память о них возвращалась. Я с большой радостью наблюдаю, как в течение буквально нескольких последних лет возрождается интерес к прошлому „Солидарности”. Люди значительно моложе меня начали спрашивать: чем, собственно говоря, было это движение? Возникло несколько университетских центров, которые пытаются обратиться к истокам „Солидарности”, описать все по-новому, дать собственные определения. Так что есть шанс, что кое-что удастся воссоздать».

Действительность, однако, полна диссонансов. В заключение интервью, описывая ситуацию в Польше, Кшеминский

говорит: «Именно предельно политизируемый общественный конфликт приобретает формы, исключая возможность соглашения. То, что влекут за собой лозунги «настоящих поляков», — это невозможность соглашения с теми, кого они называют «ненастоящими поляками». Противник здесь становится врагом, смертельным врагом, которого можно одолеть только устранив. (...) Более того, лишь эмоции влияют на то, что кажется нам истинным и правильным».

Таким образом благодаря «настоящим полякам» мы оказались в пространстве неосарматских, анахроничных воображений, которым поэт эпохи барокко Кшиштоф Опалинский дал краткую характеристику в двустишии: «Господь Бог нас держит за шутов. Очень похоже, / что поляк среди людей — игрушка Божия». Пример? Пожалуйста — окончание статьи Войцеха Венцеля «Польские цветы или сорняки» в еженедельнике «вСети» (№ 2 (52)/2014). Статья посвящена Юлиану Тувиму, который, по мысли автора, «объединял в себе три натуры: еврейскую, польскую и большевицкую»: «Вопреки общепринятому мнению, Тувим никогда не был большим поэтом. (...) В этом творчестве нет никакой метафизики, историософии, зрелой горечи. Разве что в поэзии для детей „сын Лодзи“ оказался виртуозом польского слова. И если уж заслуживает похвалы, то исключительно как автор „Репки“ или „Очков“. Вот какое место в польской культуре мы можем ему предоставить. А что сверх того — от лукавого».

ВОСТОЧНЫЕ И СОВЕТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. ОПЫТ КРАТКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ

Научные исследования межвоенного периода занимают весьма важное место в советской и современной белорусской историографии. Однако по сей день это по преимуществу узкие исследования, касающиеся почти исключительно белорусских организаций и деятелей, а также культурных достижений белорусов во Второй Речи Посполитой. Если в советский период внимание ученых практически полностью концентрировалось на белорусском коммунистическом (или шире — левом) движении, тогда как другие политические и мировоззренческие интересы элит белорусского общества игнорировались, то с 1990-х годов можно наблюдать постепенный отход от прежних тем и ментальных парадигм. Появляются труды, посвященные правому движению, образованию и просвещению, деятельности католических священников-белорусов, православной Церкви и протестантских реформаторов. Среди национальных групп исследуются разве что татары и евреи, в последнее время — русские. Тому есть много понятных причин. Представители отечественной науки работают, прежде всего, над собственным национальным наследием, однако, как нам кажется, без учета достижений других этнических групп едва ли можно создать объективную картину прошлого.

В современной белорусской историографии почти не уделяется внимания польской общине и ее культурным, организационным и хозяйственным достижениям на северо-восточных землях Второй Речи Посполитой (ныне это западные регионы Белоруссии и Восточной Литвы). Только на уровне краеведения появляются работы, касающиеся деятельности Юзефа Йодковского, Зофьи Налковской, Яна Кохановского или Станислава Живны. Однако польское присутствие главным образом связывается с административно-правовой системой, полицией, осадниками, репрессиями или деятельностью

римско-католической Церкви. Такая односторонняя картина доминирует в обобщающих трудах по истории Белоруссии и — что влияет на формирование взглядов следующего поколения — в учебниках истории для средних школ.^[1] Предвзятость, представление лишь одной точки зрения (обусловленной скорее политически, нежели научно), отсутствие сопоставительного анализа — таковы, за редкими исключениями, основные черты работ, касающихся тематики межвоенного периода.

Более объективные, широкие, всесторонние исследования достижений всех национальных общин на этих территориях в период 1919–1939 гг. будут способствовать формированию не столь тенденциозной картины истории нашей страны.

Польские научные исследования межвоенного периода известны лишь немногочисленной группе специалистов (например, этнографам или антропологам). В Белоруссии изданы труды об американской и английской советологии^[2], в то время как польская советология как таковая совершенно неизвестна.

В межвоенный период Польша, наряду с Германией, Францией и Великобританией, стала одним из центров исследования советской России и СССР. Политическая ситуация, само расположение между Германией и Россией определяло необходимость — по стратегическим, дипломатическим и экономическим соображениям — иметь действующую на постоянной основе группу специалистов и получать достоверную информацию о ближайших соседях. Двадцатые годы — это период развития исследовательских учреждений в Варшаве, а следующее десятилетие стало периодом формирования советологического центра в Вильно.

Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно играл ведущую роль среди занимавшихся восточными исследованиями (прежде всего, Россией, Украиной и Закавказьем) организаций, работавших в Варшаве (Восточный институт, Институт научного исследования коммунизма, Институт Юзефа Пилсудского, Украинский научный институт), Луцке (Украинский научный институт), Кременце (Волинский научный институт). Виленский институт отличала четкость научной и учебной программы, нацеленной на объективность исследований политических формаций и народов «Междуморья» — региона простирающегося от Балтики до Черного моря. В течение долгого времени деятельность

виленского центра оставалась неизвестной не только в соседних странах, но и в самой Польше.

Возникновение института связано с возрождением Виленского университета в 1919 году, а в особенности с расцветом факультета права и общественных наук, одного из самых сильных в межвоенной Польше. В 1930 году сотрудники этого факультета и других университетских центров основали Научно-исследовательский институт Восточной Европы работавший по принципам научного сообщества. В 1932–33 гг. в рамках института была создана частная Высшая школа политических наук, в которой готовили административные и военные кадры для государственной службы. «Отцом» виленского центра был выдающийся юрист, специалист в области истории польского и литовского права профессор Стефан Эренкрейц. Среди основателей и сотрудников следует назвать Януша Енджеевича, Леона Василевского, Станислава Арнольда, Иво Яворского, Яна Кухажевского, Владислава Вельгорского, Яна Пилсудского, Цезарию Бодуэн де Куртене Эренкрейц-Енджеевич. Значительное влияние на интеллектуальное формирование института оказали Ян Кухажевский (автор уникального для своего времени капитального труда по истории России «От белого до красного царизма») и философ Мариан Здзеховский (автор «Призрака будущего»).

Для основателей виленского института примером организационной структуры стали немецкие советологические центры в Кенигсберге и Вроцлаве.^[3] В составе института действовали отдельные секции, в рамках которых были организованы специализированные научные группы: экономики (руководитель Станислав Свяневич), политического строя СССР (Виктор Сукенницкий), «Balticoslavica» (проф. Эрвин Кошмидер), балтийская (Владислав Вельгорский), литовская (Януш Островский), национальных меньшинств (Северин Выслоух). Основные направления деятельности института — изучение СССР, балтийские страны и белорусский вопрос. Украинской и закавказской проблематикой занимался созданный в 1925 г. варшавский Восточный институт.

Начиная с 1931 года виленский институт собирал собственную библиотеку изданий, касающихся Советского Союза (большая часть поступлений выписывалась с помощью польского посольства непосредственно из Москвы). Результаты исследований публиковались в «Ежегоднике» института, международном бюллетене «Balticoslavica», в других изданиях,

а также направлялись министерству иностранных дел в виде экспертных заключений.

Серьезными достижениями в области советологии виленский институт обязан двум выдающимся ученым, воспитанникам Университета Стефана Батория — Виктору Сукенницкому и Станиславу Свяневичу.^[4]

Виктор Сукенницкий (1901–1983) был специалистом по конституционному праву. Выпускник Университета Стефана Батория и Сорбонны. Главный его труд в области советологии — это обширное исследование под заголовком «Эволюция строя СССР в свете официальных публикаций советской власти» (т. 1, 1938). В тексте не было какой-либо антисоветской риторики — лишь анализ фактов. Второй и третий том конфисковала цензура, усмотрев в книге коммунистическую пропаганду. Исследовательской задачей был анализ эволюции правовой системы советского государства с 1917 по 1936 г. Характеризуя СССР как «монопартийное тотальное государство», Сукенницкий обозначил основные черты тоталитарных систем, опередив западных мыслителей в работе над этой тематикой. Согласно Сукенницкому, в тоталитарной системе всё временно, в том числе юридическое устройство и государственные органы.^[5] Обязывающая правовая система служит воплощению революции, охране ее завоеваний. Эволюция советского строя основывалась, по Сукенницкому, на отходе от ленинской системы советов в пользу неограниченной власти бюрократического аппарата. Автор не оправдывал тоталитарное правление, но и не хотел выступать как заурядный антикоммунистический публицист.

Станислав Свяневич (1899–1997) был юристом и историком философии, учился в Московском университете и в Университете Стефана Батория. В круг его научных интересов входили экономические концепции тоталитарных систем и марксистская теория эксплуатации. Книга Свяневича «Ленин как экономист» (1930) оказала принципиальное воздействие на развитие польской советологии.^[6] Описывая теорию Ленина, автор подверг детальному анализу источники концепции российских большевиков. Помимо Маркса, здесь большую роль сыграла традиция русского коллективизма и деспотичная имперская традиция российской государственности. Согласно Свяневичу, Ленин понимал теорию Маркса совершенно мистически, как эквивалент основ религии.^[7] Однако концепция государства разнится у Ленина и Маркса. Перед окончательной победой социализма оно должно сыграть важную роль: «понятия «государство» и «организованный

пролетариат» — это, по Ленину, синонимы».^[8] Маркс же не придавал такого значения роли государства в будущем «коммунистическом раю». Одновременно Свяневич подчеркивал военный характер промышленного строительства в Советском Союзе, его динамичность и экспансионизм.

Витольд Станевич (1888–1966) — ректор Университета Стефана Батория, руководитель экономического сектора института — специализировался на сельском хозяйстве. Его статья «Коллективизация сельского хозяйства в Советской России» (1934) представляла собой попытку социального анализа этого явления.^[9] По мнению Станевича, коллективизация была огромным социальным экспериментом, практической попыткой создания «нового человека». В экономическом отношении ситуация кризиса сельского хозяйства может сопровождать большевиков перманентно.^[10]

Францишек Анцевич (1905–1964), эмигрант из Литвы, после 1926 года основавшийся в Вильно. Окончил юридический факультет Университета Стефана Батория, в 1938 году защитил диссертацию «Сталинская концепция государства на фоне эволюции государственного устройства в Союзе Советских Социалистических республик».^[11] Анцевич внимательно наблюдал за внешней политикой СССР и с конца 30-х годов в начинаниях Сталина на международной арене усматривал вполне логичную эволюцию в направлении сближения с гитлеровской Германией. Эту гипотезу Анцевич высказывал еще до заключения пакта Риббентропа–Молотова.^[12]

Среди исследований национальной проблематики значительное место занимает научное наследие юриста и социолога, уроженца Кобринского повета Северина Выслуха (1900–1968). Он был одним из немногих польских исследователей, занимавшихся белорусским вопросом, которому общественное мнение того периода не придавало особого значения. Выслух изучал влияние большевизма на белорусское общество. В работе «Роль коммунистической партии Западной Белоруссии в национальном движении белорусов в Польше» (1933) автор поднимает проблему эффективного противодействия коммунистической идеологии среди национальной белорусской интеллигенции. По его мнению, крестьянское население устойчиво к коммунистической агитации, однако, чтобы исключить угрозу земельного передела, следует предоставить белорусам культурную автономию и провести на Кресах реформы, направленные на экономическую модернизацию. Рассматривая положение белорусов в Польше и в СССР, ученый

утверждал, что «Рижский мир был для белорусов катастрофой». Такая концепция отвечала общим героико-альтруистическим позициям большинства деятелей виленского института и сближала позицию Выслуха со взглядами Ежи Гедройца, который был тогда редактором «Бунта Млодых».^[13] Кроме упомянутого труда, С.Выслух был автором целого ряда ценных исследований: «Белорусы на виленской земле» (1930), «Ошмянская земля на рубеже двух культур» (эта работа, изданная в 1931 г., по сей день остается основным источником знаний об Ошмянщине), «Национальное сознание православного населения восточных и северо-восточных районов Виленщины» (1939), «Замечания о причинах развития Могилева в XVI и XVII веке» (1938).^[14]

Видной фигурой виленского центра был также философ Богумил Ясиновский (1883–1969). Его размышления, собранные в труде «Восточное христианство и Россия на фоне размежевания цивилизационных начал Востока и Запада» (1933), позволяли сделать вывод, что политическую культуру и ментальность русского народа характеризует своеобразный максимализм в понимании политики. Такая коллективная психика русских проистекает из восточно-христианской религиозности и из византийской традиции.^[15]

Общими исследовательскими принципами виленского советологического центра были объективизм, точность анализа явлений и отказ от какой-либо политической оценки описываемых фактов. В атмосфере 30-х годов придерживаться таких принципов было очень трудно. Часть польского общественного мнения видела в институте «рассадник коммунистических идей», однако весьма взвешенная административная политика руководства и правительственная поддержка позволили сохранить институт и продолжать его деятельность.

Советские власти однозначно характеризовали институт и Высшую школу как «высшее виленское шпионское училище», но все же, несмотря на запланированный на 1940 год судебный процесс, суд так и не состоялся.

Важной составной частью института была Школа политических наук. В программе обучения основное место занимали курсы по истории, праву, экономике, национальным проблемам региона. Наряду с информацией общего характера, большое внимание уделялось проблематике СССР, балтийских стран (Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии), Белоруссии и Украины. Интересным элементом обязательной программы

для слушателей школы было изучение двух региональных языков, славянского и неславянского. Изучались следующие языки: русский, белорусский (до 1938/39 учебного года), украинский, литовский, латышский, турецкий и немецкий. Курс белорусского языка вел Винцентий Грышкевич, а лекции и семинары по теме «Белорусский вопрос как международная проблема» — Северин Выслоух.^[16]

После 17 сентября 1939 года институт и Школа политических наук не возобновили своей деятельности. Библиотека имени Врублевских — резиденция института была разграблена в 1939 и 1940 г. советскими войсками. В короткий период принадлежности Вильно независимой Литовской Республике правительство Японии предложило эвакуировать сотрудников и коллекции в Стокгольм с помощью японской дипломатической миссии в Ковно. Стефан Эренкрейц отверг это предложение, полагая, что после войны Польша сохранит Вильно и институт возобновит свою работу.

Как самостоятельный научный центр институт не был восстановлен после войны. В определенной мере продолжателем виленских традиций советологических исследований был лондонский центр «Редут».

Судьба создателя института, ректора Университета Стефана Батория Стефана Эренкрейца была трагической: он умер в тюрьме НКВД в Вильно в 1945 году от пыток и истощения. Станиславу Свяневичу в последний момент удалось избежать гибели в Катыни. НКВД использовал его обширные знания в области экономики гитлеровской Германии. После войны работал в канадских и американских университетах, опубликовал нашумевшие воспоминания «В тени Катыни» (1976). Витор Сукенницкий после войны работал в Лондоне и Стэнфорде (Калифорния) и продолжал изучение Советского Союза. Витольд Станевич после 1945 года вернулся в Польшу из Англии и работал в Познанском университете. Францишек Анцевич во время войны работал в литовской администрации в Жмуди, в 1944 г. бежал в Берлин, в 1948 году осел в Канаде, где пытался найти работу в кругу литовской эмиграции. Северин Выслоух после 1946 года работал во Вроцлавском университете, стал одним из создателей вроцлавской юридической школы, занимался исследованием Западных Земель. Богумил Ясиновский в 1940 году выехал в Южную Америку, преподавал в университетах Буэнос-Айреса и Сантьяго-де-Чили.

Научное и педагогическое наследие Научно-исследовательского института Восточной Европы в Вильно — это важное явление

истории польской науки межвоенного периода. Несмотря на короткий период деятельности и скромные материальные средства, институт стал центром польской советологии.

Источник: Tichomirow A. Badania wschodnie i sowietologiczne w Drugiej Rzeczypospolitej. Proba krotkiej prezentacji //Magazyn Polski. Grodno, 2003, Nr 3. S. 38-40.

1. См., напр.: Сідарцоў У.Н. і інш. Гісторыя Беларусі 1917-1996. Вучэб. дапам. для 9 кл. Мн., 1997; Гісторыя Беларусі: кан. XVIII ст.- 1999 г. Мн., 2000.
2. Меньковский В.И. Власть и советское общество в 1930-е годы: англо-американская историография проблемы. Мн., 2001; Его же. Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы. Мн., 2000.
3. Kornat M. Polska szkoła sowietologiczna 1930-1939. Kraków, 2003. S. 38-39.
4. Ibidem. S. 54.
5. Ibidem. S. 63.
6. Ibidem. S. 66.
7. Ibidem. S. 68.
8. Swianiewicz S. Lenin jako ekonomista //Kornat M. Op.cit. S. 510.
9. Kornat M. Op.cit. S. 71.
10. Ibidem. S. 72.
11. Ibidem. S. 74.
12. Ibidem. S. 76.
13. Ibidem. S. 78-79.
14. Ibidem. S. 574-575.
15. Ibidem. S. 85
16. Ibidem. S. 603-604.

МАЙДАН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БЕРЛИНА

Наблюдая за драматическими событиями на Украине, есть смысл взглянуть на них с точки зрения Германии, поскольку эта страна влияет на восточную политику всего Европейского Союза. Украина хочет в Европу; возникает, однако, вопрос, в какой степени Европа хочет Украину. Предложенные читателю заметки не претендуют на статус систематических исследований, однако они появились в результате продолжительного наблюдения за немецкой политической сценой, что позволило извлечь из происходящего некоторые достаточно общие выводы, выходящие за рамки сиюминутного описания. Невзирая на ежедневные репортажи с Майдана, подход немецкого общества к Украине, вероятно, не изменился. А уж в любом случае не изменился принципиальным образом. Выросла, однако, заинтересованность будущей судьбой Киева, что может найти выражение в различных формах помощи. Решения о том, какими будут эти формы, принимать, однако, политикам. Поэтому стоит внимательнее присмотреться к их мотивам и расчетам. Ведь эти соображения значительно сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Поэтому лучше, пожалуй, говорить о разных вариантах немецкой восточной политики, чем об одном отчетливом ее видении.

Германия по отношению к Восточному партнерству

Восточное партнерство возникло, как мы знаем, в результате польско-шведской инициативы, которой немецкая дипломатия поначалу противилась. В тот период Германия делала ставку на сближение с Россией, что, в частности, нашло свое выражение в продвижении проекта, названного синергией Черного моря. Это был проект регионального сотрудничества, сориентированный, однако, в большой мере на Россию, хотя официально его обосновывали перспективой принятия в ЕС Болгарии и Румынии. Как можно было прочесть в официальном заявлении Европейской комиссии, в результате принятия этих государств Европейский Союз становился частью черноморского региона. Ведущиеся на протяжении многих лет переговоры о вступлении в ЕС Турции, представляли собой дополнительный аргумент в пользу участия в мероприятии подобного рода.

Появление концепции Восточного партнерства в качестве независимой инициативы таких государств, как Швеция и Польша, поставило германскую дипломатию в затруднительное положение. Трудно было отрицать необходимость Восточного партнерства, тем более что эту идею с интересом встретили многие другие государства, ожидающие от Брюсселя большей активности на Востоке. Германия опасалась, однако, что Россия воспримет данный проект враждебно, рассматривая его как попытку вторжения в круг ее жизненных интересов, который обычно определялся понятием российской сферы влияния. Это означало бы, что под вопросом оказывается не только проект черноморской синергии, но также проект сотрудничества с самой Россией, названный «Партнерство для модернизации». С немецкой точки зрения он был более многообещающим, потому что создавал лучшие возможности действовать. Кстати говоря, в то время главным лозунгом внешней политики Германии был лозунг «Russia first» («Первым делом Россия»), другие варианты должны были ему подчиняться.

Попытки включить Россию в Восточное партнерство, к чему начали стремиться, чтобы ослабить ее явную недоверчивость, не принесли, однако, результата, вследствие чего немецкие политики встали перед необходимостью выбора. Они могли высказаться против Восточного партнерства, но в таком случае вошли бы в конфликт с некоторыми государствами Евросоюза: могли также поддержать указанный проект, но это грозило прямым столкновением с Россией. Из этой ситуации не было хорошего выхода, так как оба решения представлялись взаимоисключающими. Игнорировать Восточное партнерство тоже не представлялось возможным, поскольку это грозило маргинализацией Германии, если бы ставка на Россию не сработала.

Германская дипломатия пробовала на первых порах избежать дилеммы, которая была связана с одновременной поддержкой обоих проектов. На словах она высказывалась в поддержку польско-шведской инициативы, но на практике за этим не последовало никаких сколь-нибудь существенных инициатив; можно даже сказать, что Германия притормаживала все процессы. Дела обстояли таким образом еще совсем недавно, например, на состоявшейся в 2009 г. встрече Восточного партнерства на высшем уровне в Праге. Данный подход начал, однако, меняться, что следует связывать с растущим разочарованием в проводившейся Путиным политике. Эта политика начала восприниматься в Германии не только как политика, затрудняющая всякое экономическое

сотрудничество, но и как политика, которая угрожает демократии в лоне самого Евросоюза. Это привело к многочисленным принципиальным переоценкам, а также к новому взгляду немцев на взаимоотношения с Польшей, которым до недавнего времени не придавалось особого значения. Благодаря этому польская и германская точки зрения начали сближаться, создавая базу для гораздо более тесного сотрудничества, чем до сих пор. Разумеется, это не означает, что различия между польским и германским подходами исчезли без следа, — их отголоски по-прежнему слышны, особенно в кризисных ситуациях.

Германия по отношению к России Путина

Упомянутые здесь переоценки германской политики касались нескольких плоскостей одновременно, и здесь стоит хотя бы конспективно перечислить эти области, чтобы лучше отдавать себе отчет в их масштабности. Тем более что в польской публицистике по-прежнему нетрудно найти убеждение, что «можно говорить все что угодно, но Германия договорится с Россией». Отсюда уже совсем недалеко до тезиса о германо-российском кондоминиуме, который уже якобы возник. Первое бросающееся в глаза изменение — это трансформация парадигмы, которой пользовались в Германии, говоря о восточной политике. Если сразу после падения железного занавеса там по-прежнему была в ходу парадигма политики направленной на снятие напряженности «Изменения через контакты и сотрудничество», то позднее всё чаще использовалась парадигма «Сближение через модернизацию». Эти парадигмы похожи, но вместе с тем отчетливо видно, что акценты сместились и цели определены по-новому.

В первой парадигме главным приоритетом было сохранение мира и избежание ненужных напряжений, которые могли привести к войне. Такого рода высшая цель словно заранее оправдывала неудачи, с которыми повседневно сталкивалась политика разрядки напряженности, а также давала чувство участия в крайне важном политическом движении — ведь разве сохранение мира, а особенно мира во всём мире не является делом огромной важности? В этой парадигме главным партнером, расположения которого все добивались, была, разумеется, Москва, ей приписывали решающую роль в сохранении мира во всём мире, а также в... объединении Германии. Политика ослабления напряженности часто подвергалась критике за пределами Германии; кроме того, не все немецкие политики ее поддерживали. Однако появление Горбачева положило конец всем внутренним дискуссиям на

данную тему, поскольку ситуация перелома, а в особенности перелома успешного, благоприятствует пылким проявлениям коллективного воодушевления. А также возникновению всевозможных, трудных для понимания мифов и легенд. Особенно трудных для тех, кто наблюдал за процессом «снаружи».

Появление Горбачева интерпретировалось в этой связи не столько как счастливый случай, который с американской помощью удалось использовать, а скорее как результат германской политики разрядки напряженности. Именно благодаря этой политике, о чем неоднократно писалось, Горбачев решился пойти на такой большой политический риск. В такой трактовке генеральный секретарь КПСС чуть ли не за один день сделался политиком... немецким, ну и, само собой, европейским, который словно лишь по странному капризу судьбы оказался во главе советского политбюро. Политические мифы и легенды не являются специальностью исключительно немецкой; поэтому не следует особенно удивляться, что они могли появиться так же и в этой стране. Важно лишь, что парадигма политики разрядки напряженности (Изменения через контакты и сотрудничество) на протяжении многих лет считалась в Германии основной политической парадигмой, что и позволяет объяснить, почему с ней было так трудно расстаться.

В заменившей ее модернизационной парадигме исходной точкой было то же самое экономическое сотрудничество, но в качестве базы предполагалось не общее стремление к миру (он казался гарантированным), а скорее применение общих для всех юридических правил, что должно было привести к долговременному экономическому сотрудничеству, которое, в свою очередь, делало возможным стратегическое партнерство. При этом выдвигался аргумент, что в мире глобальной конкуренции необходимо искать постоянных партнеров, вместе с которыми можно будет справиться с проблемами будущего. Россия представлялась именно таким стратегическим партнером — вместе с ней можно было бы противостоять растущей мощи Китая. Препятствия, выросшие на пути к модернизационному партнерству с Россией Путина, оказались, однако, большими, чем предполагалось. Президент России не намеревался ни открывать собственный рынок для немецких предпринимателей, ни подчиняться единым принципам, регулирующим экономическое сотрудничество, поскольку это ограничило бы его собственные возможности. И еще одно, последнее, но немаловажное обстоятельство, — это размеры вездесущей коррупции, которая тем временем стала

прочной частью российской системы управления. А вот совместное строительство газопроводов тут же вызвало подозрение, что Германия, говоря о модернизации России, в действительности стремится занять доминирующее положение в Европе. Предпринятая германской дипломатией попытка спасти идею «Партнерства для модернизации», основанная на стремлении создать общеевропейский проект, особым успехом не увенчалась, поскольку не удалось развеять сомнений других государств, в их числе Польши. А президент России, — что, впрочем, можно было предвидеть, — своей позиции не изменил.

После такого холодного душа Германия провела переоценку ценностей и направила свой неиспользованный экономический потенциал в Индию, Китай и Бразилию. Германское сотрудничество с этими государствами началось уже давно, однако его ускорение наступило в последние годы, когда блокирование, лежащее в основе политики Путина, стало более наглядным. В данный момент доля германской торговли со странами так наз. БРИКС составляет свыше 13%. Стоит, однако, помнить, что данный показатель растет, и это, кстати говоря, дает германской экономике некоторую независимость от ситуации в зоне евро. Таким способом Германия компенсировала для себя те убытки, которые понесла, когда ей не удалось широким фронтом вступить на российский рынок.

Другой формой переориентации было активное подключение Берлина к действиям в пользу Восточного партнерства. Это, впрочем, не столь уж и удивительно, так как сама идея партнерства содержит в себе элементы близкие политике ослабления напряженности. Здесь тоже делается ставка на постепенное сближение посредством экономического сотрудничества. Новым и в некоторой степени неожиданным элементом является, однако, тесное сотрудничество Германии с Польшей, которая к Восточному партнерству относится весьма подозрительно и эмоционально. Причем Германия — во всяком случае, до сих пор — относится с пониманием к этой «особенности» польского восприятия. Польша со своей стороны старается всячески подчеркивать, что, хотя и делает ставку на Украину, антироссийской политики не проводит. Это согласуется с линией Ежи Гедройца и одновременно представляет собой своеобразный реверанс в сторону германского подхода, который по убеждению большинства немецких политиков не является подходом геополитическим. Эта вынужденная переориентация сопровождается, впрочем, в Германии углубляющейся неприязнью к Путину, которая объединяет представителей всего политического класса и не

столь уж сильно отличается от отношения, распространенного в Польше. Следовательно, тот германо-российский кондоминиум, о котором иногда говорят польские правые, — это типичная политическая фантазия, призванная служить избирательной борьбе, но не имеющая, однако, точек соприкосновения с реальностью.

Данные заметки можно подытожить более общей рефлексией: если говорить о восточной политике, то у Германии нет одной четкой стратегии, она одновременно пользуется сразу несколькими нарративами, или — как кто предпочитает — парадигмами. Что позволяет сделать вывод о непостоянном, временном характере конструкций, которые, словно элементы мозаичного пазла лего, можно менять местами и переключивать, чтобы подогнать их к новой ситуации. Концепция Партнерства для модернизации выглядит наиболее близкой немецкому подходу к политике; кроме того, она в значительно большей степени, чем участие в Восточном партнерстве, способствовала бы процессу активизации немецкого экономического потенциала. Однако пока она неактуальна, а значит остается только ждать. По этой же причине сегодняшнее сочувствие Германии Украине не идет так далеко, как польская вовлеченность, что явственно следует из реакции немецкой прессы на события на Майдане. Есть смысл в завершение этих заметок задержать свое внимание на них.

Майдан на немецком телевидении и в печатных средствах информации

События украинского Майдана освещаются, правда, на немецком телевидении, но совсем по-другому, чем на телевидении польском. Все это немного напоминает показ товара, вытащенного из-под прилавка, — им можно похвастаться, но не совсем официально и как бы никого ни к чему не обязывая. Добросовестное немецкое телевидение, придерживающееся, как правило, принципа, что важные политические события обсуждаются в ходе кратких дискуссий с экспертами непосредственно после новостей, в случае Украины отказалось от этого обычая. словно было не очень-то известно, как, собственно говоря, — несмотря на явную симпатию к протестующим — следует данное явление понимать. Поэтому первые дебаты на тему Майдана и его возможных последствий, состоялись две недели спустя после первых сообщений. Это были дискуссии в стиле предыдущей эпохи. В них принимали участие независимые журналисты и эксперты, но в каждой из таких полемик принимал участие кто-нибудь, защищающий

либо позицию России, либо позицию Януковича. В польской «мятежной» парадигме такой подбор гостей сложно себе представить. В немецкой — он служил доказательством непредвзятости, поскольку в дискуссии были представлены разные точки зрения. Однако не исключено, что дисциплинированные немецкие журналисты просто не были уверены, каким ключом следует воспользоваться, чтобы не зайти в своих дебатах слишком далеко? Может быть, имея возможность выбора, они просто решили воспользоваться вариантом наименее рискованным?

Несмотря на предосторожности подобного рода, тема Украины все-таки пробила на публичное телевидение, а в прессе появились значительно более смелые комментарии и даже слова поддержки под адресом Виталия Кличко, пользующегося в Германии большой популярностью. Ставка на Кличко, который в беседах с журналистами, впрочем, довольно скован, не имеет почти ничего общего с его спортивной славой. Программа Кличко, воспитанного на немецких политических образцах, весьма умеренна и, что важно для берлинских политиков, носит отчетливо выраженный проевропейский характер. Многие немцы такую Украину готовы принять без особых оговорок. В связи с этим подчеркивается явная поддержка Кличко со стороны канцлера Меркель, а он сам часто дает в Германии интервью.

Однако симпатия к «нашему» Кличко, который сделал большую карьеру на немецких рингах, имеет свои границы. Когда украинский политик обратился к руководителю германского МИДа Штайнмайеру с просьбой о посредничестве между оппозицией и властью, он столкнулся с явным отказом. Видимо, это означает, что немецкие политики, а особенно лица из высших эшелонов власти, не хотят прямо вмешиваться в конфликт. Правда, в поддержку украинского варианта решительным образом высказывается Йошка Фишер, но он уже не является активным политиком, к тому же всегда считался ярко выраженным оригиналом. Невзирая на это, члены партии УДАР приезжают, вернее, приезжали в Германию на учебу и дискуссии. Таким образом, общая картина не столь однозначна, как могло бы показаться на первый взгляд.

Значительно меньше радуют комментарии, размещаемые читателями в интернете. В них звучит голос скрытой неприязни к Украине, но речь при этом идет не о конкретной стране на карте, а скорее, о так называемых дополнительных проблемах. Между строк там можно прочесть, что у нас и без того хватает хлопот с евро, с наглой Грецией или с абсолютно

ненужными нам иностранцами. Так зачем же нам еще далекая Украина?! Да и вообще Германия старается ограничивать свое участие в международных конфликтах; к примеру, она не внесла лепту при вторжении коалиции западных государств в Ливию. Некоторые журналисты сочли это скандалом, но большинство средств массовой информации данное решение не особенно беспокоило. Посему никого, пожалуй, не удивило, что в ходе последней избирательной кампании международная политика не стала предметом дискуссии. Похоже, нынешние избиратели говорят: никаких экспериментов, экономика — да, но международная политика — необязательно! Таким образом, сторонникам Евромайдана господствующие в Германии настроения не очень-то благоприятствуют.

Немецкие политики, однако, показали, что время от времени, если возникает такая необходимость, они способны пересмотреть собственные взгляды. В связи с этим не стоит заранее перечеркивать возможность поддержки с их стороны. Чтобы это произошло, Майдан должен говорить еще громче и сильнее, чем до сих пор. Время покажет, выйдет из этого что-нибудь или нет. Однако судьба Украины решится прежде всего в самой Украине. Европейский Союз, так же, как и Германия, избегает однозначной позиции, предпочитая использовать несколько разных нарративов, вместо одного стратегического проекта.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Заклинания

Снова ожили тени моего прошлого,
то пожалеют меня, то начнут злорадно высмеивать.

— Раз выбрал, — говорят, — одиночество, можешь
положиться теперь на нас.

Когда заболеешь от скуки или отчаяния,
в любую минуту покажем тебе дом твой бывший
и тех, кого ты любил.

И даже дотронуться до них сможешь
через мокрые ткани воздуха.

Признайся — немногого тебе в жизни хотелось?

Места, конечно, здесь маловато, но хватит,
чтобы ты встал на колени или упал,
и кричал, и ругался, и плакал.

Перо твое мы забрали — ведь ты умеешь писать
пальцем на мокром песке или собственным стоном
сквозь сон.

Впрочем, как только сгустеют сумерки
и опустится медленно тьма,
можешь просто отбарабанить свои слова на каждом
покрове туч.

Ну, что ж, еще кто-то услышит твой плач и смех
на седьмом берегу, на седьмой звезде,
еще сможет их повторить?

Пейзажи из сна

1.

Пространство я взял в ладони и осыпал глаза лазурью,
словно слезами.

Грудь — ивовая корзинка на вдохе.

Ясь Кемпа принес тебе лилии, Розка —

чего ради идешь ты в лес,

погружать венок своих кос в огонь распустившейся
бури?

За окном Рута пьет затяжной восторг звезд —

а повсюду сирень

словно губы твои...

И —

шелест пальцев крадется в разбитые двери.

Протянул дальше взгляд, как ветер — всполошенную
ветку.

2.

Мама, не говори больше мне об отце.

В небо, как из воронки, разлетаются птицы бурным
потокм фиалок,

а здесь, ниже, шмелиная ветвь и сердце на нитке —

это я.

Та, что вся в черном, выплачет линию ив,

станут огромны ее глаза в зеркале бело-синем.

Нагой месяц всё не уходит, перекрывает воздух своим
запахом,

сверкает над ручьем слитками серебра.

И нет у меня рук,

остались шепот волос и дыхание глаз,
и дыхание это не вернется бабочкой с неба.
Зенки, как хрупкие камушки, потеряешь
в цветущих волосах звезд —
Рута —
а там ведь Розка,
которую подтолкнули плечом, снова стоит в тишине.
О! очи, словно мокрые анютины глазки, прямо на
меня смотрят.
Скажи:
здесь тихо, как скрипка, шумит моя кровь
в ладони, и звук отступает в белесую даль.
Лепестки лилии, лазурь, светло-голубые разводы,
серебряный молодой месяц отплывает от твоего лба.
Слоги на губах превратились в голубое стекло,
и я не могу связать эти слог в слова.
Останься, останься!...
Должны были мы напоить коров.

Воспоминание об эпоее

Брату

Каждое утро он задыхается в тугих простынях
неотчетливых снов.
За окном спозаранку дымятся вросшие в солнце
очертания предметов:
глаза матери, всё еще молодые, словно сирень,
баюкающий ритм ладони бледной сестры.
Во дворе рыжий пес, а вот и морда коровья со
вчерашним запахом лунным.

Еще немного, и мысли, как желтые пчелы, дыша
тенью, повылазят

из омутов и болот: голодные норы, втоптанные вглубь
улицами белых берез.

Стороной пробегает время, как небо — небо
прекрасно, когда улетаются звезды —

горизонт в мягких тканях, из-за спин одиноких
деревьев выходит

потерявшийся вечером ветер.

О, как горек отцовский кашель, что поминутно режет
зеленое пространство своими ножницами!

Несколько лет тому — серая униформа... винтовку ты
нес в заглубивших руках.

Небо истекало кровью, как мозг:

в дыму снарядов и ты, и любой другой — жалкое
насекомое.

Дом озарялся огнем то и дело. Сны были горькими,
словно жгучее слово.

Мать всё смотрела на Запад. И из рук ее белых гребень
тайком выпадал.

Розы в небе росли. Вжавшись в свой серый угол,
искали мы Бога,

и было нам худо, хотя ветер целыми днями нагонял
нам в глаза пепельные облака.

Солдат в красных штанах из дверей швырял нам
печенье, словно мышатам.

Временами темнело. Солдат подходил ближе и тихо
садился перед спящими образами.

На другой день мать была бледной и всё смотрела на
далекую стену.

Дым полевых кухонь повисал на розовых вершинах.

Солдаты играли в карты либо на шумном лугу
гонялись за девушками.

А у тех набухшие груди мощно дышали любовью,
взгляд туманился, как у телок.

На краю деревни, возле леса, уже второй раз на
чердаке вешался из-за жены старый крестьянин.
Жена его, словно кобыла, каждый вечер голосила
игриво в сенях или у забора.

Вынюхивали любовь при луне одинокие пары
одичавших собак.

Осенью крестьянин в конце концов удавился. Жена,
раздирая воплями потолок, родила двойню.

Всю неделю терялся взгляд в пугающе мглистой
слякоти,

падал и рос дикий обитатель полей: ветер. И то же
самое ночью — за ветром убегали прочь сны и было
тяжко. Тянулись вдоль чахлых бедер бесконечно
одинокие белые ладони.

С утра глаза затянуты мглой. Горечь со злобой
показывает клыки.

Вдалеке рвалась на части, как полотно, земля. Солдаты
падали навзничь.

Небо было красным от крови. Ты шел одинокий, как
пес — в руках стальная винтовка.

Слишком долго надо ждать смерти. Смерть может
быть здесь, может быть там, в повязке павлиньих туч.

Слышен жуткий свист. Пространство, словно глухая
вода, отвечает: заряжай!

В черном кружке зрачка — взорванный гранатами
дом. Окопы дышат, как люди —

и нет даже времени крикнуть: ребята, так, мол, и так,
— и назвать им фамилию жены.

Примет в себя бурая почва, позволит расти сорнякам в
серых застекленных рамках.

Если хочешь снегу, снег будет. Принесет его ветер с
далеких гор.

Это было очень давно. Ночь была скверная, плохие вести приносила она с твоей, отец, неизвестной нам стороны.

Однажды днем на небе вырос солдат. Такой же, как ты — в сером кителе, с винтовкой.

Брат заплакал и сказал, что нужно встать на колени, склониться лицом к земле. Как раз с севера тянулись косяки диких гусей.

На полях пожар. Слепой барин поджог сноп пшеницы высотой с огромное дерево.

Я знал уж тогда, что даже время этой алой ненависти не потушит.

Вскоре началось отступление. Мать опять была бледная и всё смотрела на далекую стену.

За околицей глазели на идущих солдат сорванцы на деревьях, девчонки в кустах, похожие на ягоду-малину: мятые горячие груди, глаза серьезные, как у собак.

Нетерпеливо ржали кони. В старых усадьбах им тихо отвечали слепые старые клячи.

Раздался приказ, короткий, как выстрел.

Солдат в красных штанах вскочил еще раз и взял под козырек.

С белых берез сыпался пух золотой, словно с перьев, белые березы провожали их до последнего поворота.

Ночью кто-то плакал. В одиночестве слушал я жалобное пение сов.

Во влажных рвах, как среди мхов, ты искал нас, стеная, но сон был жестокий, как и вчера.

Никто не знает, что вновь пришла пора кровоточащих воспоминаний.

Меня по-прежнему мучает тот крик, что я слышал когда-то. Приходит барин поджечь новый стог, солдат в красных штанах превращается в пса.

Для меня важно то, что прошло. Каждый вечер
смотришь в окно, утопающее в сирени,

знай, что я тоже страдаю.

Меня душит сон, и опаленными глазами я вновь
припадаю к земле.

Через всю страну

Поезд шел уже несколько часов,
минуя деревни, солнечные листья, леса и города.

Тени таяли в поднимающейся жаре,
кусты и тоненькие березки превращались в столбики
пыли.

И только большие сосны, мощные буки
не трясли ладонями веток,
тучнели от пудры света и тяжести воздуха.

Но вдруг обрывались леса и взгорья,
и видно было, как к надвигающемуся морю
идут полуодетые женщины, неся на закорках детей,
как беззаботно бегут девушки, свободные от тел и
платьев,

как старики ковыляют, с трудом подчиняя землю.

Гомон, крик вспугнул корабли.

Повернувшись к солнцу, они отплыли от берега,
выходя прямо в море.

— Такое чудесное лето, хоть плачь, —
сказал кто-то. И я тогда закрыл глаза,
чтобы не видеть, не тосковать по потерянному раю.

Сквозь толкающий меня в окне воздух
я видел, однако, широкий простор овса и ржи,

слипшиеся от смолы и пота стены лесов,
исчезающие во мгле полустанки, похожие на
скворечники.

— Свадьба в такую жару! —

Фраза была обращена не ко мне,
но я встрепенулся и осмотрелся вокруг.

Песчаная дорогая, обрамленная рожью,
плыла прямо перед нами к белой часовне,
к ивам, тихо склонившимся над высыхающим
прудом,

а по дороге шли музыканты и играли,

дети бежали, пуляя из пистолетов,

и невеста стояла впереди всех

с отброшенной назад вуалью, похожей на сломанное
крыло.

И я подумал, что, возможно, жених

споткнулся по пьяному делу и уснул в саду-огороде,

иначе зачем она подняла руку и кого-то зовет, словно
плачет?

— Природа любит противоречия, —

кто-то сказал за меня. На другом конце деревни,

где дорога сужалась в мягких объятиях зелени

и тянулась, как перекладина, под неподвижным
небом,

плелась кляча, запряженная в повозку с черным
гробом,

шла, спотыкаясь, в пыли, а сзади — пять человек.

И потом я подумал, что, наверное, умерший им
ничего не оставил,

раз так их немного идет,
и некому плакать, и ни единого стога ни на минуту
не задержится в воздухе.

От грусти и разочарования я отодвинулся от окна
и много часов шел от весны до весны,
от слова, которого еще не было, к слову, которое уже
знал,
и даже склонился над речью, что была лишь моей.

— Я люблю, — вспоминал я, — внезапную смену
полей и дорог,
когда так вот прямо ныряешь в Польшу,
которая больше, чем сад и вечернее небо,
и, словно будущее, над лугом, над лесом стоит.

Мы как раз проезжали вдоль Вислы,
где бодрствовали небосклоны и тополя,
где мужчины спали, прикрывшись газетой,
или гоняли мяч либо до упаду плясали с женщинами
на песке и траве —
где детвора, прячась в зарослях,
забывала о голоде и усталости.

И под конец я подумал,
что гармония есть даже в том,
как ребенок пускает солнечных зайчиков
в глаза псу, притаившемуся под ивой.

ОДИНОКИЙ ПОЭТ

Начало XX века в польской поэзии, как и во всей Европе, а также в России, ознаменовалось зарождением авангардистского направления — возникли футуризм, экспрессионизм, кубизм, сюрреализм и другие формы языковых экспериментов. Одним из отцов-основателей этого движения был Тадеуш Пейпер, а в числе его соратников — такие выдающиеся поэты, как Юлиан Пшибось, Адам Важик, Ян Шпевак, Бруно Ясенский и Александр Ват. Они проторили дорогу для своих последователей, представителей так называемого Второго авангарда, большинство авторов которого были связаны либо с Вильнюсом, тогдашним Вильно (группа «Жагары», ярчайшим поэтом которой по праву считается Чеслав Милош), либо с Люблином, где объединяющей фигурой выступал Юзеф Чехович. Второй авангард чаще всего называют «поэзией катастрофы».

Одним из самых интересных поэтов авангардистского направления был Станислав Пентак (1909 — 1964), хотя это не тот автор, которого можно ассоциировать с какой-то конкретной группой либо определенной программой. Если бы удалось выделить категорию поэтов, стоящих особняком, не принадлежащих ни к одному течению или школе и демонстрирующих абсолютную независимость благодаря своеобразной, самобытной фантазии, Станислав Пентак занял бы в такой галерее важное место. О специфике его авторского воображения можно судить по первой же строчке, открывающей дебютный сборник «Алфавит глаз», выпущенный в 1935 году:

Пространство я взял в ладони и осыпал глаза лазурью,
словно слезами.

В принципе, всё его позднейшее творчество — своего рода комментарий к этой строчке, полный лирических отступлений, экспрессивных, динамичных, переменчивых, неуловимых образов, в которых доминирует голубой цвет и все его возможные оттенки. Поэтому неудивительно, что поэт уже в первом стихотворении подчеркивает: «Слоги на губах превратились в голубое стекло».

Это абсолютно индивидуальный мир, а его главным конструирующим материалом, основным и нередуцируемым

принципом выступает свет, позволяющий увидеть различные оттенки белизны, которая, как в обращении к женщине, появляющейся в стихотворении «Галлюцинации» — «О, сияющая самой лазурной белизной» — представляет собой неизменный первоэлемент. Цвета являются здесь объектом неустанного внимания, создают напряжение, за счет которого и достигается динамика образа:

Скажи:

здесь тихо, как скрипка, шумит моя кровь

в ладони, и звук отступает в белесую даль.

Эта «белесая даль» из открывающего «Алфавит глаз» стихотворения «Пейзажи из сна» становится фоном для дальнейшей раскрутки лирического повествования:

Лепестки лилии, лазурь, светло-голубые разводы,
серебряный молодой месяц отплывает от твоего лба.

Слоги на губах превратились в голубое стекло,

и я не могу связать эти слог в слова.

«Голубое стекло» слогов своим звуком рассеивает слова, которые, с одной стороны, анархически упиваются своей свободой, но в то же время, будучи обреченными на самих себя, не могут создавать адекватного пространства понимания. В какой-то степени здесь мы имеем дело с ситуацией, о которой в одном из своих эссе писал Болеслав Лесьмян — «магия слов» противопоставлена «магии предложений». Дело в том, что Пентак интуитивно чувствует (и передает это в стихах): такое положение вещей обрекает человека на одиночество. А это несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты: с одной стороны, демонстрирует трудности понимания, а с другой — делает возможным безудержную игру воображения, разрушающую механические ассоциации, навязываемые «логической» языковой практикой.

В этих стихах основным средством экспрессии становится метафора, все эти «птицы лилий» и «молнии вдохновения». Сконцентрированная в слове сила — как это предметно выражено в стихотворении «О поэзии»: «Сегодня ты подвластна мне, о Сила» — позволяет лирическому герою этих текстов, как и в стихотворении «Для поэмы», чувствовать себя проводником тех, кто еще не знает дорогу:

В ореоле дубов и золотистых туч горит для вас моя поэзия.

Я первый пускаюсь в путь —

за мной, словно облако, дымится пыль широких дорог.

Пространство, в которое погружают читателя стихи Пентака — это сфера, насквозь просвеченная солнцем, и в то же время возникающая из тумана сновидения, крепко вплетенная в сельские реалии богатой, буйной природы, поражающей своей многоплановостью, хотя уже и тронутый дыханием индустриальной унификации. Сюрреалистическая, магическая природа создает область бытия этой поэзии, такую близкую, но при этом словно бы уже потерянную — герой этих стихов постоянно возвращается туда, о чем свидетельствует стихотворение «Назад в детство» из последнего, вышедшего в 1963 году сборника «Заклинания»:

Я поверил, что это земля моего избавления,

что здесь уж никто не унизит меня, не обидит,

и я захотел туда сразу пробраться, проникнуть.

ПОЛЬСКИЙ ПОЭТ И РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ

Они очень быстро почувствовали в нем своего. И почувствовали — иного. Своего — поэта, гениального переводчика русской поэзии, польского автора, который не боится «миазмов востока» и мужских рифм. Иного — отщепенца, чужого среди своих, открытого, готового нести помощь изгнанникам и беженцам, в том числе, как он сам говорил, «русской пишущей братии»^[1].

В Польше, особенно в первые годы независимости, такая позиция не была чем-то само собой разумеющимся. Лишь немногие польские интеллигенты водили знакомство с русскими эмигрантами. Скорее, это русские стремились к общению, изучали польскую культуру, писали о ней. Так, как советовал дальновидный Дмитрий Филосовов — редактор, критик, эссеист, который прожил в Польше до смерти, до 1940 года. Филосовов считал, что русская литература в эмиграции должна сохранить высочайший художественный и идейный уровень, но не может развиваться в изоляции от культурного окружения — в данном случае польского.

Пожалуй, первым на Тувима обратил внимание Евгений Шевченко^[2], написавший в 1922 году о представителях новой польской поэзии: об их отваге, порывах, стремлении к общечеловеческому и космическому — в редактируемой Филосововым газете «За свободу!» «Им что-то сказал Уитман»^[3] — верно заметил Шевченко. И назвал имя Тувима.

Несколько месяцев спустя он опубликовал очерк о польском поэте по случаю выхода «Четвертой книги стихов». «Он не ищет Бога. Он требует его к себе. Он подкарауливает его. Но он верит в его пришествие, в него, в эту вездесущую, очевидную Великую Действительность, ибо он чувствует действительность самого себя, а в себе он не сомневается... Поэзия — это прыжок дикаря, почуявшего Бога. Всё, всякий предмет, всякая вещь — это существование. А существование — это Бог. И ширится всеобщая, всеобъемлющая песнь „соборности“. Тувим своим декретом объявил равноправье всем и всему». Но революционности поэта, отзвуков «Марсельезы» не следует опасаться; «на самом деле — это еще

не страшно», это пройдет, «Тувим не пойдет маршировать под красно-барабанный бой Маяковского...». Впрочем, «есть Ю. Тувим другой, есть, пожалуй, и третий, и четвертый. Он бесконечно разнообразен». Тему бесконечности Шевченко развивает ниже: «Тувим видит бесконечность в малом. И в тусклой обыденности величье трагедии». Тут рецензент цитирует фрагмент «Петра Плаксина», восхищаясь не только его версификацией, но и чеховским отношением к миру. (Кстати, существует несколько конкурирующих переводов на русский язык этого написанного еще в 1914 году стихотворения.) Необычайно точное замечание. Чеховский подход проявляется как в поэзии Тувима, так и в самом выборе произведений, переведенных им на русский язык; достаточно назвать, из числа важнейших, «Медного всадника» и «Шинель».

Шевченко пытается установить ближайшие родственные связи Тувима в поэзии. Кроме Уитмена он упоминает Бодлера, Бальмонта, Брюсова и Есенина^[4].

Ряд суждений Шевченко поддержал через несколько лет критик и историк литературы Сергей Кулаковский, автор антологии «Современные польские поэты», выпущенной в 1929 году в Берлине издательством «Петрополис». Стихи всех авторов — от Тадеуша Мицинского и Лесьмяна до Галчинского и Пшибося — перевел Михал Хороманский, поэт тогда еще русскоязычный. С сегодняшней перспективы антология выглядит весьма солидно, подбор текстов на удивление точен, кстати, как и большая часть характеристик отдельных авторов (каждая — объемом в несколько страниц). Хотя посвященный творчеству Тувима текст кажется не самым удачным, поиск влияний заслонил Кулаковскому поэзию как таковую. Однако и это заслуживает внимания, так как позволяет понять, почему русские читатели так любили и ценили польского поэта. Кулаковский сравнивает демонизм Тувима с демонизмом Сологуба. В образе города, особенно в стихотворении «Весна», он замечает и тувимовское увлечение Рембо, и риторику Маяковского. А далее — набор имен тот же, что у Шевченко: Бодлер, Бальмонт, Чехов в связи с «Петром Плаксиным». Лишь анализируя «Чернолесскую речь», Кулаковский делает любопытное замечание, утверждая, что в этой книге автор, «сохраняя власть над словом, более „человек“, нежели „поэт“»^[5], — но, к сожалению, не пытается развить эту мысль.

Уже в двадцатые годы русские оценили Тувима как переводчика. Сам Дмитрий Философов в 1927 году авторитетно заявил, что Тувимовский перевод «Слова о полку Игореве»

совершенен, что он лучше, чем все существующие русские переводы^[6].

Через несколько лет Тувим привел в восторг русскую публику Варшавы своим переводом «Медного всадника».

Леон Гомолицкий подробно описал публичное чтение поэтом только что изданного перевода. Вечер состоялся 31 января 1932 года. «Я сидел в зале, он был на сцене, возле классического графина с водой, застывший в позе лектора, еще более неподвижный в силу своей худобы. Но то, что он читал^[7] и как читал, застывшим не было.

Пушкин, от которого меня отвадили еще в школьные годы, когда я до восьмого класса пребывал в русской стихии, был воскрешен подобно Лазарю. Это чудо произошло или, точнее, этот магический трюк, был продемонстрирован в рамках сеанса-зрелища. [Тут следует заметить, что Гомолицкого как поэта формировало внешкольное чтение, он с ранней юности читал поэзию русского авангарда XX века, кроме того, увлекался Уитменом — что тоже сближает его с Тувимом. ПМ]. Мумифицированная учителями поэзия, нечто из области археологии стилей — перенесенная в несуществующие сферы польского рифмованного стиха — *ожил*! Она была прокомментирована и переведена вдвойне: не только на другой язык; то, что я, начиная с подготовительного класса, принимал в ней механически, как уже устоявшееся, не требующее усилий для понимания, вдруг подействовало своим обаянием, напевностью, показалось родным. А добавьте к этому открытие, что нечто такое вообще может существовать; прежде я считал всякий стихотворный перевод унылой графоманией. Кроме того, это была поэма, о которой я как раз написал работу, как мне казалось, оригинальную. В ней я доказывал, что не поэзия Пушкина, которая лишь множит эпигонов, но его проза положила начало *основным течениям* (так я писал) русской литературы. «Медный всадник» был нервным узлом (тоже термин того времени) этих рождающихся течений — поэма-новелла, еще не проза, но уже произведение, имеющее черты прозы. (...)

Статья моя была опубликована, и Тувим ее прочел»^[8].

Стоп! Статьи такой не было. Быть может, по прошествии лет Гомолицкий ошибся, а может, и выдумал ее на потребу автофикции^[9], каковой были некоторые из его книг, написанные во второй половине жизни. Зато визит в квартиру Тувима безусловно состоялся.

«Я старательно прятал под креслом ботинок, на котором в ту пору замазывал чернилами (как можно более черными) ужасные трещины. Но он все заметил своим взглядом ворона: наклонив набок голову, он словно попробовал клювом этот мой постыдный изъяс, а потом взглянул на меня и нащупал мою тему: Пушкин.

— Вот оно как, да угощайтесь же, берите кекс, а сами переводить не пробовали? У меня тут уже много этого, видите ли (...), набралось, хочу, наконец, привести в порядок, как-то отобрать, ищу название, к примеру — „Лютня Пушкина”... как вы полагаете?

А когда через несколько лет „Лютня” созрела для печати^[10], и я снова — в который уже раз — сидел у него, а он потчевал меня чаем и вдруг процитировал: „У лукоморья дуб зеленый”, — и дальше, без перехода: „А знаете, я пригласил вас не без задней мысли, в надежде, что вы согласитесь помочь... собственно, всю подготовительную работу я сделаю сам, загвоздка в основном в новой орфографии, у вас это свежо в сознании, а мне пришлось бы учиться заново, вам дадут корректуру, согласны? Ну да, я знал, даже немного уже рассчитывал на вас, если вас не затруднит — зайдите к Пшеворскому^[11] и подпишете договор на эту работу, пустяк, но пустяк необходимый, как-никак получите за это пару грошей, пригодятся, а они без формальностей не могут. Сейчас черкну им пару слов и дам вам бумажку”.

Я пришел в ужасное смятение от неожиданно свалившейся на меня ответственности. На другой день подписал договор и через какое-то время получил гранки „Лютни”. Ночами я корпел над корректурой, в паническом страхе, что пропущу ошибку, читал каждую строчку раз по десять, пока не догадался, что Тувим имел в виду деликатную форму помощи (не моей — а мне). Он любил быть меценатом, поддерживать начинающих. Корректуру „Лютни” он, разумеется, сделал сам»^[12].

Гомолицкий вспоминает об участии Тувима в пушкинских торжествах в 1937 году^[13]. «Я стоял на подиуме рядом с профессором [Тадеушем] Зелинским, с кем-то еще; перед нами пространство зала, оккупированного толпой; Тувима не было — мы ждали его, чтоб начать, а его всё не было, оказалось, он забыл дома приглашение и его не хотели пускать, в конце концов он как-то прорвался, появился в распахнутом пальто, с развешивающимся шарфом, как на наброске Черманского^[14]»^[15].

Философов ценил Тувима как переводчика думающего, хвалил его эссе «Четверостишие в работе», посвященное безнадежным и будоражащим воображение попыткам перевода первых строф «Руслана и Людмилы». Ценил его языковые эксперименты и размышления об асемантической поэзии — «Атули мироглады». Судя по письму Философова к Тувиму^[16], русский редактор считал внелогические, «заумные» опыты чрезвычайно ценными, особенно в Польше, где при восприятии литературного произведения содержание возносятся над формой, а потом вообще отходят от текста, сводя дело к полемике между литературоведами. К сожалению, мы не знаем, что ответил Тувим и как продолжился разговор на эту тему.

И на другие темы. Философов милостиво прощал Тувиму тот революционный пыл, о котором писал Шевченко, его левые (в чем-то даже просоветские) наклонности. В печати он лишь однажды легонько его уколол — в рецензии на «Птиц» Аристофана, поставленных в обработку поэта. «Что если бы Тувим, отказавшись от остроумья, от искусственного освещения театральных кулис и „кавярен“, перешел к подлинной сцене жизни!»^[17] Это пожелание показывает, что Философов, подобно Кулаковскому (несколькими годами раньше писавшему о Тувиме-человеке, который в «Чернолесской речи» победил виртуоза), осознавал подлинное, еще не реализованное величие польского поэта.

Тувим нисколько не обиделся и был гостем первого собрания «Домика в Коломне», русско-польского дискуссионного клуба, действовавшего в редакции газеты «Меч» в 1934—1936 годах. Это было 3 ноября 1934 года. Юзеф Чапский прочитал тогда доклад «Башня из слоновой кости и улица».

В отчете об этом вечере Гомолицкий писал: «Чапский, как всегда, читал горячо, трепетно, заражая слушателей своим увлечением, но тема и без того была достаточно злободневна и вызвала во второй части собрания — за чаем — интереснейшую беседу. (Юлиан Тувим выразил, кажется, очень верную мысль: между художником и темой становится его творческая индивидуальность — формальная сторона его произведений... — сообщая это в скобках)»^[18].

Более подробно о выступлении поэта вспоминает Ежи Стемповский: «Однажды, году в 1936, я встретил Юлиана Тувима в каком-то литературном клубе, где как раз шла речь об общественном положении писателя. Тувим взял слово в дискуссии и сказал, что более всего писателя отдаляет от

других, давая ему чувство отдельности и одиночества, — исключительность его поэтического ремесла и власти над словом. Свою мысль он сформулировал кратко и ясно. Так говорят о вещах очевидных. Меня поразила тогда классическая отточенность его высказывания, близость веку Августа»^[19].

Такая декларация автономии литературного произведения была понятна и Стемповскому, и Философову — несмотря на характерное для них (и для самого поэта) внимание к общественным процессам и политической жизни. В соответствии с таким ходом мыслей, форма была не демонстрацией художественных возможностей, а постоянным мостом, связывающим традицию, настоящее и будущее.

В письме к поэту Философов возвращается к его выступлению: «Насколько же Ваше живое слово доходит до слушателей, я убедился на первом собрании „Домика в Коломне“. До сих пор еще Ваше краткое, но столь значительное выступление служит предметом обсуждений среди участников собрания.

Искренне Вам предан

Д. Философов

P.S. Пользуюсь случаем напомнить Вам, что в эту субботу (17. XI.) состоится второе собрание „Домика“. Тема — Лермонтов. По секрету Вам скажу, что, в качестве пушкиниста, я отношусь к Лермонтову довольно хладнокровно. Но в эмиграции нашей его акции стоят очень высоко. Д.Ф.»^[20]

Неизвестно, появлялся ли Тувим еще когда-нибудь в «Домике в Коломне», но он бывал на различных встречах, которые русские организовывали в Варшаве — в частности, на упомянутом уже праздновании столетнего юбилея со дня смерти Пушкина. Его часто можно было встретить в книжной лавке «Россика» в Варшаве, на улице Хмельной.

Он помогал Гомолицкому. «Я делаю для него, что могу, но, увы, могу немного. (...) Трагедия, дорогой господин профессор, в том, что голодает не Гомолицкий-русский, а просто Гомолицкий-поэт, потому что польская творческая молодежь находится в той же ситуации»^[21], — писал он жившему в Праге филологу Альфреду Бему, которого знал, возможно, еще со времен его пребывания в Варшаве в начале двадцатых годов^[22]. Благодаря протекции Тувима в «Скамандре» было опубликовано эссе Гомолицкого — расширенный вариант доклада, прочитанного в «Домике в Коломне». В первом абзаце он писал: «Статья Юлиана Тувима о заумном языке „Атули

мироглады” напомнила мне о годах, предшествовавших революции, которая непреодолимой пропастью легла между прежней и современной Россией. Именно тогда московские кубофутуристы со свойственным им воодушевлением начали пропагандировать заумь... Среди них нашелся один настоящий поэт „божьей милостью”, не имеющий, впрочем, никакого отношения к рекламе течения; монах или, скорее, юродивый от поэзии — Хлебников, на творчестве которого лежал отпечаток гениальности»^[23].

В 1936 году Тувим опубликовал в «Скамандре» великолепный перевод одного из ранних стихотворений Гомолицкого «Предгрозовые электрические травы...»^[24].

Обстоятельства возникновения перевода и его дальнейшую судьбу Гомолицкий описал так: «Вскоре после моего первого визита к Тувиму — письмо от него, в конверте, на сложенном листке почтовой бумаги — черновик, испещренный поправками, перевод моего старого русского стихотворения, написанного в 1925 году (вырванное из контекста и где-то опубликованное завершение лирического дневника, попавшееся на глаза Тувиму, о чем я даже не знал). Эта поэтическая тетрадь разделила судьбу всех моих книг и рукописей предвоенных лет — сгорела во время варшавского восстания. Опубликованный в „Скамандре” (1936, № 75) перевод уцелел. С этим номером „Скамандра” к нам на Лешно (ну да, мы жили тогда на Лешно) приехал Чехович и со своей двойственной улыбкой сказал:

— Еду в трамвае, никогда не был в этом районе, так что с любопытством наблюдаю, и где-то совсем близко, над парикмахерской, вижу вывеску: Тувим — причесываю стихи. И вот, пожалуйста, читаю ваше стихотворение, а оно прямиком из этого заведения. Я переведу это по-настоящему.

Жаль, что я стал вроде как причиной этого поединка. Я думал, Чехович забудет, но через два года его перевод вышел в „Камене” (1938, № 7). Теперь, после стольких лет оба перевода вошли в собрания сочинений — многотомник Тувима и скромный томик Чеховича»^[25].

После издания «Лютни Пушкина» Гомолицкий писал в «Мече»: «Тувим на своем „станке” переводчика (так он сам определил, не без смирения, свое дело в статье, где объяснял свое бессилие перевести первое четверостишие „У лукоморья дуб зеленый”; к этой теме он возвращается и в предисловии к „Лютне”, где пишет: «Заглавие „Лютня Пушкина” предрешиено было давно,

когда, не рассчитав своих сил, я самонадеянно думал, что оно будет оправдано содержанием книжки; тогда я хотел, не ограничиваясь, как в этой антологии, лирикой, дать понятие о творчестве Пушкина во всем его целом: отрывками из поэм, драм, сказок, романов и так далее. Но после опыта с четверостишьем пролога „Руслана и Людмилы”, после многих недель тщетной борьбы только с одной строфой „Онегина”, после многолетних, окончившихся неудачей попыток перевести „Я помню чудное мгновенье” и „Жил на свете рыцарь бедный”, а также еще другие совершеннейшие перлы пушкинской поэзии, я должен был, смирившись, остановиться на выборе одних стихотворений, прибавив к ним лишь отрывки раньше переведенного „Медного Всадника”, часть „Полтавы” да эпилог „Цыган”»... Далее Тувим перечисляет любимые им стихотворения, не поддавшиеся переводу). Итак, Тувим на своем «станке переводчика» ищет труда, а не вдохновения. Вдохновение приходит само. Избегая соблазнительной легкости схожего в родных языках построения строк и рифм, он направляет весь свой большой опыт поэта и стихотворца на создание со-равного оригиналу звучания, „являя его дух и силу точно” (как учил нас, русских, Сумароков). В большинстве случаев он выдерживает виртуозную для польской версификации русскую форму стиха (с такими трудными в польском языке односложными рифмами), сохраняя и как будто даже крепя, возвышая чистоту своего поэтического голоса. Так он достигает (не всюду, но во многих местах, звучащих в книжке лейтмотивом) иллюзии пушкинской стиховой мелодии, пушкинского ритма — распева. И странная вещь, когда, русский, читаешь эти переводы, — пушкинская речь звучит вновь очищенная, полномерная, точно вся эта пыль полувнимания, осевшая с детства на страницы хрестоматий и полных собраний сочинений, слетела с них от прикосновения польского поэта. Слова, мимо которых стократно проходили, звуко сочетания, ставшие „дарвалдаем” (Белый), внезапно возвращаются из прошлого, полные глубины и значения. Мы слишком долго смотрели в мир Пушкина, так долго, что перестали замечать его явления и красóты. Тувим, как волшебник, показывает нам его снова во всей начальной неожиданности, найдя для того вторые слова на другом языке»^[26].

Тувим, в свою очередь, высоко ценил переводы польской романтической поэзии на русский, сделанные жителем Вильно Дорофеем Боханом. Они должны были выйти в приложении к «Русскому слову» с предисловием Тувима, но до издания дело не дошло. Осевшая в Вильно русская диаспора сильно пострадала во второй половине тридцатых годов в результате

направленной против национальных меньшинств политики воеводы Людвика Боцянского.

Из интервью, данного «Русскому слову», известно, что Тувим хорошо знал новейшую поэзию эмигрантов. «Я знаком с вашей варшавской молодежью. Это трагическое поколение людей, потерявших связь со своей Родиной. Но среди них — если только они не заглохнут в обстановке захолустья — есть несомненно люди с огоньком. Из них может что-то получиться^[27]». Речь идет, несомненно, о Льве Гомолицком и Георгии (Ежи) Клингере, блестяще начинавшем русском поэте, который после войны стал выдающимся православным богословом.

Тувим получал от Бема из Праги и стихи поэтов группы «Скиф». «Во всех произведениях, — писал он, — видно большое влияние Пастернака, но это вовсе не упрек: кто читал этого необыкновенного поэта, не может устоять перед обаянием его стихов. Весьма примечательная вещь: как сильно и прекрасно пишут представленные в „Скифе“ женщины!»^[28] А в другом письме: «Очень Вас прошу передать привет поэте Черинцевой! Гомолицкий прислал мне два ее стихотворения: „Болезнь“ и „Скульптор“ — они прекрасны! С нетерпением ожидаю, когда же вы пришлете обещанный томик ее стихов. Думаю, что я выберу несколько из них и переведу»^[29].

Тувим давал добрые советы не только молодым русским поэтам. Он был одним из двоих поляков, которые оценили творчество своего ровесника, замечательного поэта Соломона Барта, жившего тогда в Варшаве (о его стихах лишь несколько лет назад напомнил нам Лазарь Флейшман). Барт был нелюдим, он перессорился почти со всей «русской пишущей братией». Письмо Тувима к нему сохранилось в виде цитаты в письме самого Барта к Альфреду Бему. «Мое мнение о них [стихах С.Б.] самое лучшее. Другое дело — что они далеки от так называемой „жизни“. Но кто знает, а вдруг эта „вневременность“ и есть их достоинство... Прекрасней всего, по-моему, Ваши стихотворения на стр. 13, 19, 21, 24. Особенно первое. Но и в других (с немногими исключениями) вы превосходно служите „общему досмысленному делу“ (это цитата из моего стихотворения). Трудно глубже заглянуть в суть поэтических ощущений»^[30].

*

«Вневременность»... Можно ли интерпретировать Тувима через идеологические и политические категории XX века? На

первый взгляд — кощунство, однако нечто и некто (попросту сам поэт) к этому побуждает — ведь порой «политичность», как он писал, была ему «к лицу».

Так же трудно однозначно определить его отношение к России. Тут недостаточно частой в польском мышлении банальной формулы, согласно которой мы отделяем русскую культуру от империи, Пушкина от царя, а Маяковского от Ленина.

В ранних стихах Тувима, написанных во время первой мировой войны и большевистской революции, предстает двойной лик «матушки-Рассеи» — ужасающей и чарующей. В «Похоронной рапсодии на смерть полковника Николая Романова» нет торжественности, а есть скорее сочувствие. В свою очередь, в сценах диких плясок революционного сброда в «Большой Федоре» (эти стихи вместе с «Иваном Грозным», «Красной амазонкой» и «Матушкой-Рассеей» явно складываются в цикл о революции) есть не только ужас, но и варварский экстаз. Тут видения Тувима близки видениям Александра Блока — автора «Скифов», «Двенадцати», очерка «Последние дни царизма». Но тут можно говорить лишь о близости, не о зависимости, ибо видения эти рождались одновременно.

Быть может, их роднит «музыкальность». Блок делил явления этого мира на «музыкальные» (существенные) и «немзыкальные», революцию он поначалу причислял к «музыкальным». Музыкальность поэтического мира Тувима подчеркивали его интерпретаторы — Шевченко и Кулаковский, последний из них утверждал, что поэт пребывает в «необычайном музыкальном восторге от своей власти над словом»^[31].

Это правда: временами Тувим повышал голос, агитировал, восторгался или протестовал. Между этими взлетами он отзывался о политических делах и о России, о двух Россиях — советской и эмигрантской — весьма взвешенно, или, точнее, неопределенно. Борковский вспоминает: «Юлиан Тувим был прекрасным собеседником, хотя и очень осторожным в своих высказываниях. Свои суждения он формулировал чрезвычайно мягко, как бы в форме полувопроса, иногда прикрывая тот или иной затруднительный момент разговора шуткой»^[32].

Осторожность Тувима проистекала также из того, что он имел дело с очень разобщенной и конфликтной — и политически, и в смысле амбиций, и художественно — средой русских эмигрантов. Ближе всего ему была варшавская среда, но он не

хотел обидеть и русских, живущих в Вильно, среди которых замечал талантливых писателей. Ценил он и украинского поэта-эмигранта Евгена Маланюка, который, хоть и бывал на встречах в кругу Философова, в частном общении дружески упрекал Тувима в русофильстве.

*

Как переводчик русской литературы Тувим сохранял равновесие между красной и белой, эмигрантской Россией. Взглянем на это хронологически.

В разговоре с Борковским поэт утверждал, что его первый перевод с русского возник в 1911 году. Тогда он, ученик лодзинской гимназии, перевел на польский стихотворение своего школьного товарища. Еще до революции Тувим переводил стихи Вячеслава Иванова, Игоря Северянина, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, драму Дмитрия Мережковского «Царь Павел I».

В 1919-ом он переводит «Облако в штанах» Владимира Маяковского.

В 1920—1924 гг. — стихотворения Бальмонта, Блока, Брюсова, Сологуба, Городецкого.

В 1925-ом — драму Николая Евреинова «Корабль праведников». Евреинов, выдающийся реформатор театра, бежал из России, но столкнулся с исключительно неблагоприятным приемом со стороны эмиграции, в том числе Философова, который считал его циником. Философов не мог простить Евреинову дореволюционных пародий на религиозно-философские диспуты, в организации которых Философов принимал живое участие, а Евреинов высмеивал их на сцене театра малых форм «Кривое зеркало».

С конца двадцатых годов Тувим уделяет все больше внимания переводам русской классики (Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, а прежде всего — Пушкин). Иногда появляются переводы стихов поэтов XIX века (Фет, Некрасов, Тютчев), эмигрантов (Ходасевич, Гомолицкий) и поэтов из России (Пастернак, Безыменский, Светлов).

Несомненно, это было начало задуманной Тувимом большой антологии русской поэзии.

Как известно, советская публицистика дезавуировала эмигрантскую литературу, а эмигрантская — советскую. Тувим искал хорошую поэзию по обе стороны баррикады. Его читали и

ценили обе России — и белая, и красная. Его популярность в Советском Союзе была огромна, она сохраняется и сегодня. Обилие переводов стихотворений Тувима на русский, возможно, подтверждает предположение Лехоня и Заводзинского, которые считали, что среди польских поэтов он глубже всего связан с традицией русского стиха.

Тут отступление, о котором просил меня Ежи Помяновский. Во время войны, после выхода из шахты, он поступил в Москве в медицинский институт. В 1946 году ему пришлось прервать обучение, чтобы вернуться в Польшу. Но институт он намеревался окончить. Тогда он получил от Тувима доверенность, по которой в советских издательствах мог получать не востребуемые гонорары польского поэта. Благодаря чему Помяновский мог еще два года изучать медицину в Москве.

*

Карту довоенных литературных контактов Тувима можно составить на основе его переписки. К сожалению, сохранились лишь ее обрывки. В архиве поэта уцелели отдельные письма от Бальмонта, Философова, Ходасевича, Эренбурга и Шаяпина. Удалось найти три письма Тувима к Альфреду Бему. Несколько лет назад в варшавском букинистическом магазине была выставлена на продажу — по огромной цене — «Пылающая суть» с собственноручным авторским посвящением Владиславу Ходасевичу. Как она вернулась в Варшаву и кто ее купил?

Дорого бы мы дали сегодня за возможность послушать беседы Юлиана Тувима с Романом Якобсоном. Сначала в Польше, а позднее, во время войны — в Нью-Йорке. После пражской встречи Тувим писал Бему: «А милейшего Якобсона будьте любезны приветствовать от меня самым сердечным и дружеским образом! Странное дело: я виделся с ним всего раз в жизни, каких-то полчаса (мы пили вино в Праге, перед самым моим отъездом), но этот человек меня очаровал! И до чего же ученый! Какой „слововед“! Я, правда, дилетант лингвологии, но „запоем“ читаю языковедческие сочинения. Из книг Якобсона я знаю, увы, только две: о Хлебникове и о чешском стихе»^[33]. В Нью-Йорке у них было друг для друга больше времени: «Глубокий знаток поэзии — а при этом какой компаньон и собутыльник!»^[34] — писал Тувим сестре.

Можно сказать, что и во время войны Гомолицкий не терял контакта с Тувимом. Важным для него чтением были тогда «отрывки „Цветов Польши“, которые как-то попадали к нам во

время оккупации. Через океан, через фронты. Я перепечатывал их на машинке, они действовали как листовки»^[35]. Следует обратить внимание, что перепечатка эта могла иметь конкретную цель. Известно, что переброской в варшавское гетто литературных текстов, в том числе «Цветов Польши», занимался Стефан Жулкевский, после войны ставший покровителем Гомолицкого. Они могли быть знакомы еще до войны, хотя бы через Северина Полляка.

«Тогда [то есть в период оккупации], — вспоминал Леон Гомолицкий, — я прочитал в машинописной копии «Бал в Опере» — восхитительно!»^[36] Можно предположить, что «Цветы Польши» в каком-то смысле повлияли на форму его автобиографической поэмы, написанной в 1940—1941 годах. О самом Тувиме он упомянул в цикле, подаренном Дмитрию Философову на Рождество 1939 года:

Охотно верю — предкам было скушно
в российском Домике в Коломне. Нам же в нем
всё милым помнится. Мы русским калачом
гостей иноплеменных прямодушно
готовы потчевать и здесь, в краю чужом.
Вот самовар картонный вьет послушно
бумажный пар, и Пушкина за ним,
одушевясь, цитирует Тувим...^[37]

Вновь они встретились в 1946 году в Лодзи. «Я стоял перед витриной книжного магазина, и — кто-то обнимает сзади. Впервые после многих лет я увидел вблизи его лицо, внимательный, дружелюбно внимательный взгляд: вы живы, как же это хорошо! Смысл этих слов — как это хорошо, что мы вообще еще живы. Вернувшись на родину, он разыскивал людей, которых знал до (потопа войны). В ту первую встречу он пожаловался мне, что не может издать «Бал» [в Опере]»^[38].

Учитывая свою прежнюю журналистскую деятельность в эмигрантских газетах, Леон (уже не Лев) Гомолицкий старается после войны жить тише воды, ниже травы. Вступает в Польскую рабочую партию, участвует в работе Общества польско-советской дружбы, пытается даже сменить фамилию на «Гомулицкий» (что ему отсоветовали, поскольку один

Гомулицкий — Юлиуш Виктор — уже был), но все равно в конце 1947 года появился донос, направленный, видимо, в партийную организацию.

Между 3 и 5 января Тувим телеграфирует Гомолицкому: «Я сделаю все, о чем Вы просите, будьте спокойны»^[39]. Вскоре он написал письмо в защиту Гомолицкого. Письмо не сохранилось полностью, мы знаем только его первую страницу. Адресовано оно было, по-видимому, председателю Комиссии партийного контроля Городского комитета ППР в Лодзи:

«Уважаемый гражданин!

В письме от 31 декабря 1947 г. Вы просите меня охарактеризовать политический облик гр. Леона Гомолицкого в период 1932—1939 гг. Просьбу эту Вы направили мне в связи с тем, что гр. Гомолицкий ссылался на знакомство со мной в этот период времени. Из Вашего письма я узнал, что против гр. Гомолицкого, члена Польской рабочей партии, выдвинуты обвинения в антисоветской деятельности и деятельности, направленной против левых организаций, на территории Варшавы до 1939 г.

Я могу сообщить следующее:

Охарактеризовать политический облик гр. Гомолицкого в тот период я не могу, поскольку разговоры наши касались скорее вопросов литературных, художественных, переводов русских писателей на польский язык. Гр. Гомолицкий был — и остается — глубоким знатоком этих вопросов, он не раз оказывал мне значительную помощь своими профессиональными замечаниями — и уже тогда он с пользой для дела работал на благо углубления в польском обществе знаний о русской литературе. Ни о какой антисоветской деятельности гр. Гомолицкого и его деятельности, направленной против левых организаций, мне ничего не известно. Свои поэтические и литературные произведения, насколько я помню, Гомолицкий публиковал в русских эмигрантских газетах, но других на территории Польши и не было. Он писал тогда исключительно на русском языке и не имел доступа в польские периодические издания.

Мне трудно представить себе, чтобы антидемократическую (то есть фашистскую) деятельность вел человек, который во времена максимального усиления в Польше реакционных — антисемитских, национально-демократичных, национально-радикальных и т.п. — течений всегда относился ко мне с большой доброжелательностью и никогда не избегал контактов

со мной, напротив: на каждом шагу подчеркивал дружеские чувства, которые ко мне испытывал. А было это во времена, когда польские фашисты призывали меня повесить (в буквальном смысле)»^[40]. Следует добавить, что окружению Философова, к которому принадлежал Гомолицкий, был чужд любого рода шовинизм, а значит — и антисемитизм.

Не исключено, что дело Гомолицкого было закрыто благодаря вмешательству Тувима.

В один из приездов Гомолицкого в Варшаву имела место хорошо запомнившаяся ему — последняя — встреча с Тувимом. «В варшавской „Золушке”^[41], когда я зашел туда отдохнуть и стал искать место, — он поднялся из-за дальнего столика, стоявшего у стены неопределенно-белого цвета, и костлявой рукой подал знак. Волосы поразили меня арктической сединой. Заботливый тон — он знал о моих проблемах, в решении которых принимал участие. (...) Мой первый роман вышел через шесть лет после его смерти. Я остался для него только русистом»^[42].

Отголоски предвоенных контактов с русскими эмигрантами доходили до Тувима разными путями. Возможно, по встрече в Литературном содружестве он мог помнить поэта Владимира Чихачева, склочника и чудака, известного своими публичными выступлениями. После войны Чихачев жил в нищете. Он отыскал Тувима. Писал длинные письма, непрошенным являлся в дом Тувима в Анине. Пытался убедить поэта, что он — обладатель (сохраненных в памяти) неизвестных стихотворений Лермонтова. На самом деле это были его собственные сочинения. Терпеливый Тувим читал, отвечал, некоторые стихи счел хорошими и помог Чихачеву получить в 1952 году стипендию Министерства культуры и искусства.

Ранней весной 1953 года, словно гость с того света, у Тувима появился Борковский, которому до войны он давал интервью для виленского «Русского слова» (не исключено, что под этим псевдонимом скрывался один из русских довоенных журналистов из Вильно — Сергей Поволоцкий или Георгий Соргонин-Розвадовский).

На этот раз он был посланцем только что организованного ежемесячника русского национального меньшинства «Звено». На основе беседы с Тувимом он опубликовал (анонимно)^[43] статью и восемь стихотворений поэта, в том числе, на первом месте, «К простому человеку» — это было единственное

стихотворение, которое, на всякий случай, датировали 1929 годом.

Посреди колонки стихов виднелось факсимиле кириллической подписи, взятой у поэта специально на этот случай:

Юлиан Тувим.

В последние годы жизни польский поэт вновь, теперь в гораздо более сложных обстоятельствах, видит и чувствует две России. С одной стороны — народ, который победил Гитлера. С другой — эмигранты, еще более чужие в Польше, чем до войны, вынужденные скрывать свою идентичность либо сохранившие ее ценой болезненных компромиссов.

-
1. Цит по: В. Борковский, Юлиан Тувим, «Русский голос», 1964, № 7/8.
 2. Евгений Шевченко (1877–1932) — до революции работал на юге России как профессиональный юрист. В 1924–1932 сотрудник редакции «За свободу!», автор литературных обзоров и театральных рецензий.
 3. Е. Шевченко, Литературная хроника. Созвучие, «За свободу!» 1922, № 321
 4. Е. Шевченко, Литературная хроника. «Радуна», «За свободу!» 1923, № 100.
 5. Современные польские поэты. В очерках С. Кулаковского и в переводах М. Хороманского. Берлин, 1929, с. 107.
 6. ДФ [Д. Философов], «Слово о полку Игореве» в переводе Юлиана Тувима, «За свободу!» 1927, № 253.
 7. Первое чтение перевода «Медного всадника» Александра Пушкина. Вечер литературного содружества в зале Антропософского общества 31 I 1932. Тувим читал переводы: А. Пушкина, А. К. Толстого и Ф. Сологуба. (Информация: „Express Poranny” 28 I 1932, s. 3). Первая публикация перевода: A. Puszkina, *Jezdziec miedziany. Opowiesc petersburska. Przeklad J. Tuwima. Studium W. Lednickiego. Warszawa [1932]*.
 8. L. Gomolicki, *Dzikie muzy*, in: L. Gomolicki, *Proza. Łódź 1977, t. 2, s. 270–271*.
 9. Термин, использованный Исааком Башевисом Зингером для определения собственного творчества.
 10. Aleksander Puszkina: *Lutnia Puszkina. Wiersze i poematy. Wybor i tłumaczenie J. Tuwim. Warszawa 1937*.
 11. Марек Пшеворский (1875–1935) — издатель и книготорговец.

12. L. Gomolicki, *Dzikie muzy...*, s. 272.
13. Торжественное собрание варшавского Пушкинского комитета 11 II 1937 в зале Гражданского клуба (Ресурса обывательска) с участием 1000 человек. Торжества организовал комитет, секретарем которого был Лев Гомолицкий. См.: Пушкинские дни, «Меч», 1937, № 7.
14. Здислав Черманский (1890 или 1896–1970) – художник, карикатурист.
15. L. Gomolicki, *Dzikie muzy...*, s. 272–274.
16. Д. Философов – Ю. Тувиму. Варшава, 15 XI 1934. Публикация Джона Стюарта Даррента: Неизданные письма Д. В. Философова, «Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры», т. III, № 1. Санкт-Петербург, 1999, с. 74–75.
17. Д. Философов, Посейдон, Прометей и Юлиан Тувим, «Молва». 1933, № 127.
18. Л. Гомолицкий, «Осенние листья», «Новь», 1934, № 7; то же в кн.: Л. Гомолицкий, Собрание сочинений русского периода. Издание подготовили Л. Белошевская, П. Мицнер, Л. Флейшман под общей редакцией Л. Флейшмана. Москва 2011, т. III, с. 292.
19. J. Stempowski, O pewnej tradycji klasycznej, in: J. Stempowski, *Notatnik niespiesznego przechodnia. Zebral i nota wstepna opatrzył J. Timoszewicz. Opracowała D. Szczerba. Warszawa 2012, t. I, s. 22. Первая публикация: „Kultura” 1954, nr 4.*
20. Д. Философов – Ю. Тувиму. Варшава, 15 XI 1934, в: Неизданные письма Д. В. Философова... с. 75.
21. J. Tuwim do A. Bema. Warszawa 20 X 1936. Archiwum Alfreda Bema. *Literarni Archiv Pamatniku Narodniho Pisemnictvi, Praha. Все цитируемые письма Ю. Тувима были написаны по-польски.*
22. Альфред Бем был тогда главой группы «Таверна поэтов». В 1934 году они с Тувимом встретились в Варшаве на II Международном съезде славистов. Юлиан Тувим регулярно читал рецензии и эссе Бема в выходивших в Варшаве русских газетах.
23. L. Gomolickij, *Od pozarozumowosci, poprzez milczenie...*, „Skamander” nr LVII / 1935.
24. L. Gomolicki, «Przedpiorunowe elektryczne trawy...», „Skamander”, nr LXXV / 1936.
25. L. Gomolicki, *Dzikie muzy...* s. 336.
26. Л. Гомолицкий, Лютня Пушкина. Юлиан Тувим. Варшава 1937, «Меч», 1937, № 7; то же в кн.: Л. Гомолицкий,

- Собрание сочинений русского периода..., т. III, с. 449–450.
27. W. Borkowski, Julian Tuwim...
 28. J. Tuwim do A. Bema, Warszawa 30 V 1933. Archiwum Alfreda Bema. *Literarni Archiv Pamatniku Narodniho Pisemnictvi, Praha*.
 29. J. Tuwim do A. Bema, Warszawa 20 X 1936. Archiwum Alfreda Bema. *Literarni Archiv Pamatniku Narodniho Pisemnictvi, Praha*.
 30. Цит по: С. Барт – А. Бему, [Варшава] 30 XI 1934, в кн: С. Барт, Стихотворения. 1915–1940. Подготовили Д. Гессен и Л. Флейшман. Изд. II. Москва 2008, с. 259.
 31. Современные польские поэты... с. 107.
 32. В. Борковский, Юлиан Тувим...
 33. J. Tuwim do A. Bema. Warszawa 20 X 1936. Archiwum Alfreda Bema. *Literarni Archiv Pamatniku Narodniho Pisemnictvi, Praha*.
 34. J. Tuwim do Ireny Tuwim, 1943. Cyt. za: J. Tuwim, *Listy do przyjaciol – pisarzy. Opracowal T. Januszewski. Warszawa 1979, s. 438*.
 35. L. Gomolicki, *Dzikie muzy...* s. 274.
 36. Там же.
 37. Л. Гомолицкий, Святочные октавы, в кн.: Л. Гомолицкий, Собрание сочинений русского периода..., т. I, с. 89.
 38. L. Gomolicki, *Dzikie muzy...* s. 274.
 39. Julian Tuwim, *Listy do przyjaciol – pisarzy...* s. 440.
 40. Музей литературы в Варшаве (Sygn. 3050). Леон Гомолицкий не согласился на публикацию этого письма в томе переписки Юлиана Тувима *Listy do przyjaciol – pisarzy* (1979).
 41. Известная после войны кофейня на аллеях Ерозолимских.
 42. L. Gomolicki, *Dzikie muzy...* s. 275.
 43. [В. Борковский], Юлиан Тувим, «Звено» 1953, № 4/5. III 1953.

ПОЭТ, КОТОРЫЙ БРОДИТ ...

«Христианин продаст брюки. Ул. Круча, 38.

Еврей купит брюки. Ул. Круча, 38».

Антоний Слонимский, Юлиан Тувим. *«В парах абсурда»*

1. Похождения поэта

С самого начала своей поэтической карьеры тувимовский лирический герой бродил по городу в поисках неожиданных приключений. Праздношатающийся, лениво бредущий поэт XX века, идущий «вперед», когда «ветер прямо в лицо», иногда проходящий «поступью Гулливера», — располагал неограниченным свободным временем. Порой, однако, его «идиллическая прогулка» или уитменовский бодрый шаг переходят в «печальные и безумные» путешествия, оставляя после себя следы бессилия.

Тувимовским персонажам, сумасбродным поэтам-бродягам-шельмам — как Сократу или черту, мечущемуся по ватиканским покоем, случается и бочком протиснуться, и «наискосок» пройти, и «собачьей трусцой» пробежаться. В результате визита некоего «неприятного гостя» походка поэта в очередной раз меняется: он идет по миру «шагами над пропастью».

Тувим любил представлять своего литературного двойника как человека с улицы, не принадлежащего ни к какой определенной среде, одинокого и свободного наблюдателя жизни метрополии, иной раз восторженного, а иной раз — критически настроенного к окружающему. Это очередная маска — поэт принимал иногда позу шута и буффона, — которая позволяла ему подчеркнуть собственную позицию по отношению к окружающему и в то же время — дать сатирическую картину эпохи.

Можно интерпретировать это как знак добровольного «эквилибристического» бытия вне и «между». Между польской литературной традицией и миром европейского авангарда. Между возвышенностью и тривиальностью. Между польским и еврейским обществом (причем ни то, ни другое не признавало его своим, поскольку ни к одному из них он не желал

принадлежать полностью). Можно еще долго продолжать с том же духе.

2. Self-fashioning^[1]

Все деятели польской культуры еврейского происхождения были вынуждены бороться с собственным национальным самосознанием. Таковы были последствия сильного давления общества, отказывающего личности в праве определять себя как мультиэтническое единство (как называл это Януш Корчак, «быть в клеточку» — к этой гениальной метафоре я еще вернусь). В те времена на территории II Речи Посполитой преимущества многонациональности не слишком ценились: культурный вклад национальных меньшинств — особенно еврейского — в польскую культуру обычно воспринимался как опасная контаминация.

Одним из немногих поляков, яростно пропагандировавших культурный и языковой плюрализм, чувство солидарности и единства народов, живущих на общей земле, был Януш Корчак. Его «смелый план переустройства мира» изначально был нацелен на принятие разных культур и языков и на создание новой, плюралистической формы, позволяющей быть поляком.

Я хотела бы напомнить об одном весьма интересном — к сожалению, не слишком известном — рассказе Корчака, на который я только что ссылалась. «Весенняя песнь» была опубликована на страницах «Герольда польского» в 1906 году. Появляющиеся в ней мотивы значительно опережают провокационное поведение героев Гомбровича. В один прекрасный весенний день анонимный герой-повествователь, расцвечивая свою речь риторическими призывами к взаимной любви в семье и обществе, пристает к разным людям, сидящим на скамейке «в Аллеях». Когда его спрашивают, «красный» он или «белый», герой неожиданно заявляет, что он «в клеточку», в ответ его собеседник признается, что боится именно таких «людей в клеточку»^[2].

Этот нетрадиционный герой — тоже человек «извне». Думаю, что искусство «быть в клеточку», которое «пропагандировал» Корчак, то есть умение гармонично совмещать в себе очень разные элементы двойной (этнической, культурной, подчас языковой) идентичности, было заданием исключительно сложным и поэтому так редко практиковалось в Польше в XX веке. От писателей еврейского происхождения ожидалось, с одной стороны, полной полонизации и отречения от еврейской идентичности, с другой же — во имя «санации культуры» им

— по расовому принципу или из-за стилистических и языковых особенностей — отказывалось в месте среди «польских творцов».

Согласно невероятно глубоко укоренившемуся убеждению значительной части польского общества, еврейство признавалось чем-то вроде увечья, попрекать которым неприлично (даже самого себя). Поэтому польские писатели еврейского происхождения, стремившиеся к объединению еврейского и польского миров, вынуждены были создавать себе определенную общественную репутацию, так наз. Self-fashioning.

Однако это не значит, что они отказались от важных аспектов собственной двойной идентичности. В «отчизне [где] к чужим по вере / Бог не нисходит», где антисемиты строчат доносы на «исконно еврейские (...) литературные бастардизмы», а националисты из противоположного лагеря ставят в вину соплеменникам отречение от «принадлежности к еврейскому народу», всякое «подчеркивание собственного своеобразия», даже сам интерес к еврейской культуре могли стать объектом травли и манипуляции (идуций против течения Корчак — благородное исключение). Думаю, у каждого из них была своя личная «стратегия выживания», работала внутренняя цензура — ибо кондичия польско-еврейского писателя, не принадлежащего к лагерю еврейских националистов или не симпатизирующего культуре идиш, предполагала абсолютно индивидуальное сведение счетов со своей идентичностью, тут никогда не было никаких групповых деклараций (отсюда факт, что формой первого лица множественного числа пользовались так редко).

Если принять во внимание замалчивание еврейского вопроса (особенно в случае Тувима или Слонимского), то видно, что такие понятия как Selbsthass, то есть ненависть к самому себе, или же автодемонизация, которую Тувиму приписывал Сандауэр, не очень помогают в интерпретации позиции поэта.

Одной из реакций была радикальная идентификация с космополитизмом и протест против всякой националистической риторики. Антоний Слонимский декларировал в 1932 году:

«Закон и конституция позволяют не придерживаться никакого вероисповедания. Так неужели нельзя не занимать никакой позиции также в вопросе национальности? Неужели непременно надо обожать лишь один из двух избранных

народов — либо поляков, либо евреев? Слишком маленький выбор, господа!»^[3]

Тувим, однако, от такой позиции был довольно далек. Он не только подчеркивал свою принадлежность к польской культуре, но не боялся указать и на то, что важной частью его самоидентификации было еврейское начало. Тем не менее, также как и Слонимский, в том, что он — польский еврей, Тувим видел повод не только для гордости, но и для самокритики: и за то, что евреи не считаются с мнением народа, среди которого им выпало жить, и за то, что пассивно подражают полякам.

Из появлявшихся в интервью высказываний межвоенного периода, а также из текста «Мы, польские евреи» следует, что для Тувима принадлежность к еврейскому народу часто ассоциировалась с кровью и страданием. Поначалу кровь, как пульсирующий в жилах стихийный элемент темперамента, связывала поэта с Израилем благодаря «мистическим рефлексам», потом она означала клятву на крови: «кровавое, горячее, мученическое братство с евреями». Другая метафора, использованная Тувимом в интервью, которое он дал С. Лебену, связана с амбивалентным и полным самоиронии образом клина, поскольку отсылает к польскому фразеологизму «zabić komuś klina», т.е. задать кому-либо трудную задачу, заставить думать:

«У меня (...) еврейский вопрос в крови, он составная часть моей психики. Он, словно мощный клин, врезается в мое мировоззрение, в мои личные, глубочайшие переживания».

Может именно с этим клином связаны некоторые стихи, не имеющие на первый взгляд ничего общего с темой дискриминации? Вспоминается одно из стихотворений, к которому Тувим был очень привязан, а именно опубликованный на страницах «Скамандра» в 1922 году «Горбун» написанный в шутливом тоне кабарежной песенки:

Красивые галстуки, выбор богатый,

Но мне ни к чему — я горбатый.

Мне был бы к лицу этот красный

Или тот полосатый,

Но напрасно:

Кто заметит их на горбатом!

Хотя бы радугой переливался,
Пестрее пестрого был узор, —
Никто не скажет: «Прекрасный галстук!»
Каждый скажет: «Ужасный горб!»
Мне бы шарф подлинней, нарядный на диво,
Я сумею его завязать
Так ловко и так красиво,
Что вам меня не узнать.
«Ах, ах, — зашепчетесь торопливо, —
Ужасный горб, но скажите, —
Этот шарф... Почему вы на нем висите?..

(Перевод М. Живова)

Намекает ли поэт в этом стихотворении на родимое пятно на своем лице? Или же касается еврейской темы как проблемы драматической отстраненности и ущербности?

Разумеется, Тувим не мог вытеснить из памяти ни еврейского происхождения, ни трагедии своего народа. Как он сам заявил С. Лебену, он постоянно раздумывал над собственной позицией по еврейскому вопросу^[4]. Об этом же свидетельствует прекрасное стихотворение «Жиденок», в котором внутреннее отчаяние обретает двойное воплощение — опояченного Господина со второго этажа и маленького полоумного оборвыша, танцующего во дворе. На это же указывают и остроумная стихотворная полемика Тувима с Пеньковским и Василевским, и «каталог» антисемитской чуши в «Анонимной державе», и некоторые не опубликованные при жизни стихи, которые можно найти как в «ювенилиях» поэта, так и в коллекции Томаша Неводничанского. Все это гораздо важнее, чем факт, что — по словам Артура Сандауэра и Александра Герца — о сложной внутренней структуре польского еврейского сообщества Тувим «знал очень немного», да и не особо этим вопросом интересовался.

Польско-еврейские писатели и художники обычно не только отказывались от проявления своего еврейства: они отрекались и от своих — дальних и близких — ортодоксальных предков.

Семейные воспоминания охватывали лишь историю, которая начиналась вместе с ассимиляцией предков (или даже, как в случае Адольфа Рудницкого, от момента собственной ассимиляции). Исключением были, пожалуй, позиции Александра Вата и Януша Корчака, который так чудесно рассказал о судьбе своего деда Герша Гольдшмидта в новеллах «Гершеле» и «Три экспедиции Гершека» (1939). Для других все, что происходило до выхода из так называемого «гетто», все, что предшествовало «нулевому году», почти всегда игнорировалось и обесценивалось.

В польском обществе, где шляхта была одержима принадлежностью к данному роду, человек, не располагающий своей генеалогией, был *ipso facto* подозрителен. В польской литературе «человек без имени, без предков, без ангела-хранителя — тот, что пробился из небытия», — революционер и союзник евреев-выкрестов, Панкраций, герой «Небожественной комедии» Красинского. Отсутствие корней оказывает значительное влияние на ощущение пустоты. Как известно, положение современного еврея — это положение аутсайдера и отчужденного парвеню: в «Дневниках» Кафки есть упоминание о таком состоянии: «Без предков, без супружества, без потомков, с неистовой жаждой предков, супружества, потомков. Все протягивают мне руки: предки, супружество, потомки, — но слишком далеко от меня»^[5].

Парадоксально: чувство отчуждения может усиливаться при виде так сильно отличающихся от основной массы евреев в традиционном одеянии, напоминающих нелюбимых и «вытесненных» предков... Возможно, именно это лежит в основе острой тувимовской сатиры на долгополые халаты и пейсы, на «иудейско-немецкий бигос», на «черный хасидский сброд» и коверкание польской речи...

Однако не вся еврейская традиция была Тувиму чужда. Если Антоний Слонимский — выходец из того же Грубешова, откуда были родом и Гольдшмидты, — открыл поэзию Штетла только после его уничтожения (в частности, благодаря лондонскому знакомству со знаменитым еврейским поэтом Ициком Мангером, который до войны жил в Варшаве, но со скамандритами никогда не встречался), то Тувим воспевал эту традицию, хотя и несколько шутливо, повествуя о судьбе скрипача Янкеля Вассерштейна, «первого хулигана» с бендзинского рынка, эмигрировавшего в Варшаву, а потом в Нью-Йорк и преобразившегося в «короля джаз-банда» и чарльстона. В песне «Местечко Бендзин» (1930) этот символический герой (имеющий некоторые общие черты с

чудесным музыкантом Менухиным из романа Йозефа Рота «Иов», опубликованного, кстати, в том же году) дважды меняет имя и фамилию, став сначала Яном Водницким, а потом Джоном Уотерстоном, но несмотря на блестящую карьеру не забывает о золотой цепи, связывающей его с предками. Янкель-Янек-Джон, которому автор явно симпатизирует, передает сыну фамильную скрипку и говорит так:

«Не бойся!

Если еврейчик умеет играть, он в мире не пропадет,

На той же скрипке и ты

Будешь детям своим играть.

Звуки старинной песни

Пойдут за тобою в мир,

Скрипку возьмешь и сыграешь

То, что играл твой дед.

Не важно, Ротшильд или я,

У всех евреев слезы на глазах

От звуков старинной песни».

Однако в творчестве Тувима смыслы такого рода остаются на втором плане, так же, как второстепенными являются идущие в сторону чистого нонсенса издевательства над антисемитскими нападками.

Следовало скорее верить в будущее и в возможность некой реформы мира. Поэтому «звуков мира имитатор» и «престижитатор» Тувим, «внимательный и зачарованный (...) ловец слов» обдумывал собственный «смелый план переустройства мира», действуя в сфере наиболее ему близкой: как новый Знахарь и Алхимик Слова он мечтал, что новый поэтический язык станет общим домом и родиной для всех читателей... Не следует также забывать о том, как упорно он пропагандировал эсперанто, и о том, как часто и с какой акробатической ловкостью вводил в свой текст цитаты и фразеологизмы из всех известных ему европейских языков.

Кстати, сам создатель эсперанто Людвик Заменгоф считал, что «никто так не ощущает печали, вытекающей из разделения

людей, как еврей». Стоит напомнить его слова, сказанные в 1905 году: «Если б я не был евреем из гетто, мысль об объединении человечества либо вовсе не пришла бы мне в голову, либо не владела бы мной так упорно в течение всей жизни».

Георг Штайнер также вспоминает: «Искусственные языки, предложенные со времен волапюка И. М. Шлейера (1879) и эсперанто Л. Л. Заменгофа (1887), имели вид вспомогательных интерлингв, сформированных таким образом, чтобы (...) противостоять угрозе шовинизма и изоляционизма в мире, отягощенном растущим национализмом»^[6].

Еврейский народ выжил в ходе своей тысячелетней истории благодаря тому, что был верен языку своей Книги, но он всегда впитывал языковые элементы, с которыми встречался. В XX веке, после «выхода из гетто», несколько поколений выдающихся культурных деятелей еврейского происхождения, от лингвистов до журналистов, от поэтов до прозаиков, от философов до историков идеи, будут пытаться придать особое, почти сакральное, значение устному и письменному языку, заботясь о его правильности либо, наоборот, превращая его в предмет деформации и деструкции.

Тувим был одним из них. В тексте «Там я остался. Воспоминания юности» он писал об эсперанто: «(...) Конструкция этого языка, по-моему, гениальна, восхищение его достоинствами во мне не иссякло, любовь же к нему была столь горячей и искренней, что вопросу международного языка, в частности эсперанто, я посвящу когда-нибудь особую статью».

Очень жаль, что он не успел написать эту статью. Думаю, вся его поэзия — не только смелые эксперименты «Слопевней» или «Атули мироглады» — стремилась к созданию свободной территории, чего-то вроде универсального поэтического интерлингвы...

3. Как говорить о состоянии ассимилированного еврея, не говоря о евреях...

Цитируя рассказ Корчака о том, что значит «быть в клеточку», и стихотворение «Горбун», я хотела подчеркнуть определенную метафоризацию ощущения этнической обособленности. Думаю, что многие писавшие по-польски писатели еврейского происхождения использовали подобную тактику, особенно в межвоенном двадцатилетии. В их текстах спрятаны свидетельствующие о дискриминации аллюзии или же

зашифрованные (в надежде, что часть читателей все же их поймет) призывы к универсализации. Думаю, что в некоторых тувимовских стихотворениях можно заметить этот замаскированный в процессе Self-fashioning «клин, врезавшийся в [его] мировоззрение», в его «личные, глубочайшие переживания», «клин», который так болезненно проявился в его поэзии.

Я хотела бы обратить внимание на стихотворение «Псы», которое неоднократно подвергалось нападкам в межвоенное двадцатилетие. Цитирую несколько строф:

«Долго-долго плутал я собакой бездомной,

Одичавший, брюзгливый и злой,

И завыл у порога в тоске неумной,

И на зов мой откликнулся вой. (...)

То не вор разгуливает в полночь!

Что ж вы рветесь, ошалев, с цепей?

Это человек зовет на помощь,

С провиденья не сводя очей. (...)

Мы уснем, измученные плачем,

Может, легче станет вам и мне, —

Нам приснится Смутный сон собачий,

Призрак смутный явится во сне.

Мы собачий бедный рай отыщем,

Мы чутьем найдем его порог,

И, как встарь, униженным и нищим,

Принесет нам избавленье Бог.

(Перевод М. Ландмана)

Это стихотворение часто интерпретируют как знак солидарности поэта с миром животных. Совершенно иначе можно его прочесть, если вспомнить об ином «страшном чуде», а именно — о «собачьей метаморфозе» из прекрасной «Иудейской мелодии» Генриха Гейне, о «Принцессе Шабаш», в

которой рассказывается о сказочной судьбе «заколдованного принца» превращенного в пса.

*«Всю неделю по-собачьи
Он и чувствует и мыслит,
Грязный шляется и смрадный,
На позор и смех мальчишкам.
Но лишь пятница минует,
Принц становится, как прежде,
Человеком и выходит
Из своей собачьей шкуры.
Мыслит, чувствует, как люди;
Гордо, с поднятой главою
И разряженный, вступает
Он в отцовские чертоги».*
(Перевод А.Н. Майкова)

Гейне в шутливом тоне описывает драматический разлад, о котором писали также Сандауэр и Герц: расхождение между представлением о евреях как о «святом народе» и образом проклятого народа – Люцифера, между «гордостью» и «стыдом», между самосознанием еврея – «избранника», «члена харизматического сообщества» и отведенной ему в христианской среде ролью парии и «пархатого». Тувим ценил Гейне уже на заре своего творчества, сходны были их драматические переживания, начиная с шока от пережитого в детстве погрома. Его нередко сравнивали с Гейне, и он многим был ему обязан, к традиции Гейне он обращался в сатирах на Пеньковского и Василевского, но никогда не цитировал цикла остроумных и печальных «Еврейских мелодий», так прекрасно переведенного на польский Марией Конопницкой...

«На позор и смех мальчишкам...» — увы, в Европе в XX веке это было по-прежнему актуально; было ясно, что открыто жаловаться нельзя...

Да и сам Тувим об этом говорит... Вот следующие, потрясающие строфы стихотворения «Псы»:

Опустился наземь возле дома,
Ясным звездам плачется, как вы...
Не поведать никому другому
О тоске средь черной синевы.
Не от холода и голода мы воем, —
Оттого, что сад серебряный спокоен,
Оттого, что сад серебряный спокоен
И огромный мир не знает ничего.
Ах, кому же смертную тревогу
Выплакать в горчайшие часы?..
Этого собаки знать не могут,
Да и я не знаю, братья псы.

Автор «Четвертой книги стихов» выражал солидарность со страдающими евреями и в других текстах.

Полагаю, не совсем верно мнение, будто он не интересовался еврейской культурой. Примем во внимание, к примеру, «Жиденка», стихотворение, где выступает положительный образ, словно живьем взятый из еврейского фольклора и литературы идиш: титульный юноша-мешугене (столь доброжелательно описанные традиционные евреи появятся у Тувима только в «Цветах Польши»). Само название, по-моему, скорее восходит к ласкательному еврейскому слову *Jidl*, чем к уничижительному польскому деминутиву *Żydek*. Стоит отметить, что в последней строфе поэт впервые говорит о евреях в первом лице множественного числа (за исключением энигматического стихотворения «Псы», к этой форме поэт обратится вновь только во время войны, в драматическом памфлете «Мы, польские евреи»). Последняя строфа «Жиденка» звучит так:

И пойдем по свету, корчась в переплясе,
По чужим дорогам, каждый восвояси.
Не найдем нигде мы крова и свободы.
Певчие евреи, вечные юроды...

(Перевод А. Гелескула)

Не исключено, что это полемическое эхо символического танца и пения хасидов из первого акта шедевра Ицхока Лейбуша Переца «Золотая цепь» («Di goldene kejt», 1909). По свидетельству Хоне Шмерука, начиная с первоначального варианта («Разрушение дома праведника») Перец неустанно работал над текстом пьесы: он хотел показать метафорическое крушение в XIX веке трех главных течений восточного иудаизма: хасидизма, учений ортодоксальных миснагидов и маскилов (сторонников хаскалы). В последнем варианте пьесы — в «Золотой цепи» — он создал мистический образ старого цадика ребе Шлойме, который стремился отменить Время. Падению хасидского дома писатель противопоставил новую культурную тенденцию младшего поколения (в образе правнука цадика) — течение, связанное золотой цепью с прошлым, основывающееся на древней поэтической традиции хасидизма.

Не забудем, Тувим в интервью сказал, что «знает и ценит» тип «старого еврея в халате, еще не зараженного европейской культурой» и олицетворяющего «некие оригинальные ценности»^[7]. А старый цадик ребе Шлойме как раз и призывает к танцу и общей песне:

*«К Нему! Песней и танцем идем мы к НЕМУ. Пойте,
танцуйте со мной (танцует и поет):*

Так мы идем, припевая и танцуя...

Мы, великие, великие евреи (...) и не просим,

Не побираемся, мы великие, гордые евреи».

У евреев Перец был объектом настоящего культа. Поляки тоже ценили его как автора, находящегося под сильным влиянием Выспянского; его пьесы ставились — полностью или во фрагментах — в Лодзи, Варшаве и других польских городах. Слова раввина Шлойме из «Золотой цепи» высечены на его надгробии в мавзолее, где покоятся также Шимон Ан-ский и Якуб Динезон, на кладбище на улице Окоповой в Варшаве. Так что не исключено, что пьеса была Тувиму частично или полностью известна, тем более, что когда ему читали текст на идиш, он был в состоянии понять основной смысл благодаря знанию немецкого.

Разумеется, поэт, не признававший древних хасидских традиций, не мог согласиться с предложенной Перцем

картиной еврейской гордости. Сохранив личное местоимение «мы», он превратил общий хасидский танец в одинокую пляску двух евреев — вечных скитальцев, весьма отличных друг от друга: ассимилированного поэта и маленького ортодокса-безумца. Таким образом, если эти персонажи символизируют две разные группы польского еврейства в XX веке, значит в этом стихотворении мы имеем дело с чем-то вроде зашифрованного диалога с незадолго до того умершим отцом современной литературы идиш...

4. Ботаническая этнография: тувимовская «книга цветов»

В этом смысле интересно отношение Тувима к еврейскому вопросу в написанных во время и после войны «Цветах Польши».

Один из главных мотивов поэмы — национальные предубеждения и расовые недоразумения. Игнаций Дзеверский предубежден против русских, его внучка — против большевиков-евреев, Вицек Яловецкий — против еврейско-большевистского искусства, юный Казик ненавидит неизвестную ему дочь русского офицера. Эпilog подтверждает бессмысленность такой позиции, ставшей причиной убийства ни в чем не повинной Анели. Это сатира на тему маниакального стремления к расовой чистоте, что проявляется, кстати, и в говорящей фамилии семитского аристократа — Фольблута.

Поэт из Лодзи начинает мечтает о толерантности и спокойном сосуществовании народов, различных вер и традиций тогда, когда такое сосуществование оказывается невозможным. Однако в «Цветах Польши» он не отказывается от мечты, показывая, что чувство толерантности заложено в самой христианской традиции и в культуре старой, шляхетской Речи Посполитой. Он ссылается на неоспоримые общие авторитеты. Когда он пишет в «Молитве» «ни элина, ни иудея», это отсылка к «Посланию к Галатам» (III,28) «выкреста» св. Павла. Приведем эту строчку вместе с последующей:

«Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники».

Об универсальном послании Библии предпочли забыть многие современные поляки («Уже “католики” что надо, / Но до сих пор не христиане», — как выразился в своей поэме Тувим), так

же, как предпочитали не знать, что и они — «семя Авраамово». Им гораздо легче было обратиться к стереотипам.

Еврей ест лук, а я, католик,

Люблю капусту. Кому что.

(Один у них есть недостаток:

Святых не чтут они, вот что).

Поэт тем временем призывает к согласию:

Татарин ты, иль негр, иль греком

Ты родился – будь человеком.

По-человечески с людьми считайся

за счет чужой не наживайся.

Еще один текст, к которому отсылают «Цветы Польши», это, конечно, глубоко укорененный в польской традиции «Пан Тадеуш» (в котором опять-таки стремление к единству и согласию прочитывалось далеко не всегда; вспомним, что, сравнивая Тувима с Янкелем, Новачинский снисходительно насмехался над ним). Вместо шляхетского хозяйства перед нами сад — «Убогий, редкий и поникший, / С глухим садовником-евреем», вместо янкелевой корчмы (у Мицкевича похожей на «еврея, бьющего поклоны») — бедный еврейский дом, где обитает «старьевщик в халате».

С тридцатых годов Тувим — как он писал в неопубликованном при жизни стихотворении «Рифма» — перестал втыкать «иглы, иголки и иголочки» в традиционных иудеев, направив острие своей сатиры против «выкрестов». В «Цветах Польши» он смотрит на люмпенпролетариат промышленного города Лодзи совершенно иначе, чем прежде: взглядом одухотворяющим, словно бы шагаловским. Возвращается воспоминаниями к многодетной «вдове тряпичника», судорожно пытающейся уберечь от болезней и погромов своих семерых кинделах. Создает образ садовника-сапожника, «латающего нищету». Эта натуралистическая, на первый взгляд, картина приобретает метафизическую окраску, воспроизводя (даже ритмически) образы хорошо знакомые нам по поэзии Лесьмяна: хромого сапожника, шьющего башмаки «по мерке божьих стоп», и горбуна, даже смерть которого «горбата».

Нетерпимости и расизму Тувим противопоставляет экуменизм и метафорические картины «Цветов Польши». Не случайно несколько персонажей поэмы носят «ботанические» клички. Я бы назвала это «ботанической этнографией», воспроизводящей этническое богатство II Речи Посполитой. Поэт составляет идеальный, синкретический букет из трех народов, к которым он был привязан, но которые не сумели мирно сосуществовать в реальном мире (поначалу поэма так и называлась — «Букет»). И нас не удивит, когда такой «деревенский букет, если он красив», придется по вкусу самому Аполлону.

Мне кажется, что эту гипотезу подтверждают также повторяющиеся в поэме аллюзии на «Песнь песней». Вспомним, что «доморощенный художник» Дзеверский каллиграфически переписывает именно ее, что его внучка Анеля читает «Песнь песней» в костеле в пику мессианской проповеди ксендза-националиста, вызывая тем самым скандал, что эхо «Песни песней» звучит в описании садовника-еврея и его семьи. Эта книга входит в канон как иудейской, так и христианской Библии, в ней появляется мотив мира-вертограда, присутствующий и в поэме Тувима (садовод Дзеверский, садовник-еврей и т. д.). «Песнь песней» символизирует единство и примирение, ибо союз возлюбленного и возлюбленной всегда интерпретировался как аллегория связи Израиля с Богом (в еврейской традиции) или Церкви с Христом (у христиан). Кроме того, не следует забывать, что в антисемитской травле Тувима и вызванной ею полемике звучали расистские аллюзии на «Песнь песней». Цитирую памфлет «Тузы чистой расы» Самуэля Якуба Имбера, защищавшего Тувима от Ростворовского:

«Об «искренности» г-на Р[остворовского] в реабилитации «Песни песней» свидетельствует факт, что он не может устоять перед искушением, чтоб невзначай не заметить, будто природное начало в «Песни песней» — это скорее «начало товарно-садовое». Итак, *numerus clausus* применен даже к природе! Огород, где выращивают овощи, — это арийско-христианская «натура», сад же — природа вторичная, низшего сорта, ибо сад приводит на мысль еврея-арендатора... (...) Надо будет обязательно расширить *numerus clausus*, господин граф!»^[8]

Этому безумию Тувим мог противопоставить только свой специфический, близкий по духу творчеству Гейне, юмор.

Перевод Андрея Базилевского

-
1. Self-fashioning – процесс формирования своего образа в глазах общественности в соответствии с социальными стандартами своего времени. — Прим. ред.
 2. J. Korczak, *Pieśń wiosenna*, [w:] tenże, *Koszałki opałki: Humoreski i felietony*, Warszawa, Latona, 1998, s. 19.
 3. A. Słonimski, *Moje walki nad Bzdurą*, Warszawa, Rój 1932, s. 141.
 4. S. Leben, *Luminarze literatury i nauki polskiej o kwestii żydowskiej* (1924), [w:] Tadeusz Januszewski (ed.), *Rozmowy z Tuwimem*, Semper, Warszawa, s. 14.
 5. Ф. Кафка, *Дневники 1913—1923 гг.*, перевод Е.А. Кацевой, Москва 2001 (21 января 1922).
 6. List L. Zamenhofa z 1905, cyt. [w:] Aleksander Korzhenkov, *The life of Zamenhof*, Mondial, New York, 2010, s. 5; G. Steiner, *Po wieży Babel: problemy języka i przekładu*, Universitas, Kraków, 2000, s. 285.
 7. Wywiady z pisarzami polskimi pochodzenia żydowskiego, *Rozmowa z Julianem Tuwimem* (1927), przedr. [w:] T. Januszewski (ed.), *Rozmowy z Tuwimem*, Semper, Warszawa, s. 25.
 8. J. Imber, *Rekapitulacja czy kapitulacja*, [w:] tenże, *Asy z czystej rasy*, cyt., s. 58.

“JA TIEBIA LIUBLIU”

После шести с лишним лет нелегких трудов я, наконец, отдал в печать двухтомную «Книгу польских стихотворений XIX века» — антологию, посвященную, прежде всего, поэтам забытым, при этом, памяти заслуживающим. Свыше ста сорока имен насчитывает перечень авторов, представленных в «Книге», а у меня нет сомнений: огромное большинство будущих ее читателей подтвердит, что впервые слышит о... ста, по меньшей мере. Я бы даже без колебаний увеличил это число до ста двадцати... Но знать поэта лишь по имени, только слышать о нем, это то же самое, что вовсе его не знать. А если взять статистику читателей нашей старинной поэзии (в данном случае XIX века), результаты были бы еще плачевнее...

Среди поэтов, несправедливейшим образом забытых, одно из первых мест занимает Виктор Гомулицкий (1848–1919). Это была необыкновенная в нашей литературе личность, изумляющая уже самим масштабом своего писательства, интересов и обширных знаний: лирик, романист, новеллист, фельетонист, сатирик, переводчик, историк, первый (до Ор-Ота^[1]) певец «старой Варшавы», критик, публицист, издатель, библиофил, архивист (более 150 папок в собраниях рукописей в «Оссолинеуме») — нет, пожалуй, ни одной области литературы, в которой бы Гомулицкий не работал, а что самое главное — в каждой из них был прекрасным специалистом. Это не значит, что после него остались одни шедевры; среди его романов и новелл есть лучшие и худшие, есть у него сильные стихи, есть и послабее, случаются вещи мелкие и глубокие — но в любом из жанров, которыми занимался Гомулицкий, найдется произведение — великолепное.

Не место здесь даже для беглого биографического очерка Виктора Гомулицкого. Творчество его достойно обширной монографии историка литературы, либо — пока она не появится — диссертации молодого литературоведа. Сколько же прекрасных, мудрых, благородных, пропитанных гуманистическим духом стихов создал этот чуткий и восприимчивый поэт! Как же совершенны по форме, просты, «доходчивы», реалистичны его строфы! Конечно, поэзия его в целом, во всей полноте, не выдержала испытания временем и великими переменами, участниками и творцами которых мы являемся. Гомулицкий, как всякий поэт, был сыном своего века

— так что мы, дети нового века, свидетели целой переломной эпохи — мы, и поэты, и любители поэзии в Польской Народной Республике, останемся равнодушными ко многим тонам и мотивам многострунной лиры Гомулицкого, иные будут нам чужды, в иных же услышим мы фальшиво звучащие ноты — но такова судьба подавляющего большинства поэтов прошлого. Задача наша и обязанность — извлечь из их наследия все те элементы и мелодии, которые гармонично, сами собой вливаются в песнь нашей современности и усиливают мощь ее звучания.

Ведь этому одиночке, почти отшельнику, сломленному превратностями судьбы и семейной трагедией, которая подстерегла его на сороковом году жизни (почти одновременная смерть двоих детей и любимой жены), неспособному найти себе место в атмосфере буржуазно-мещанской, салонно-кабацкой, праздной, разгульной «Варшавки» того времени, удалось настолько приблизиться в своих произведениях к жизни и людям — людям простым, серым, обездоленным... С волнением я вспоминаю стихотворение о «Француженке», которое было одним из «коронных номеров» моего декламаторского репертуара в детские годы — стихотворение о старой, бедной учительнице, которой польская земля дала нелегкий хлеб и вечное пристанище. Среди стихов этого «националиста» (но не эндека! ^[2]) мы найдем столь же прекрасные, реалистичные стихи о еврейской бедноте (знаменитое «Эль молэ рахмим»), о жалких Евах тогдашнего мещанского рая («На качелях»), о тяжелой доле варшавского пролетария («Голодного накормить»)... Ведь этому «социальному солидаристу» (но опять же не эндеку!) удалось уяснить и столь лапидарно охарактеризовать ужасную суть капитализма XIX века. Послушаем «Вопрос Павла»:

— Век наш, славен и хорош он

По сравненью с темным прошлым:

Вспомни, как в средневековье

Правил меч, залитый кровью!

Нынче ж все равны мы, то бишь

Грубой силой нас не сломишь,

И разбойники-бароны

Не пограбят беспардонно;

Инквизиторы не могут
Жечь людей во имя Бога;
Есть для слабых щит надежный —
Свод законов непреложный;
Нет ни пыток, ни распятья, —
Молвил Петр, — а люди братья...
Павел, выслушав, сказал:
— Ну а капитал? ^[3]

Какой пронзительной актуальностью дышит, например,
«Проклятие», в котором, в частности, мы читаем:

Будь проклят разум, чье предназначенье —
Улучшить смерти орудья!
Его грехам бесславным искупленье
Вымерят Высшие Судьи.

.....

Настанет час, народ швырнет на землю
Кровавую робу ката;
Стервятников смердящих не приемля,
В голубе встретит он брата.
А кто придет, оружием бряцая
И планы резни взлелеяв,
Того позор навеки ожидает
И место среди злодеев.

В таких стихах Виктор Гомулицкий нам близок, созвучен,
современен — как будто шагает и сражается в одном строю с
нами.

Все, написанное мною выше, было лишь вступлением, которое
должно привлечь внимание Читателей на приведенное ниже

стихотворное обращение к русским:

РУССКИМ, КОТОРЫЕ ПРИЗНАЮТ

БРАТСТВО С ПОЛЯКАМИ

Пенье кочета на зорьке,

Солнечный простор;

Чтобы дня почтить рожденье,

Наши песни и свершенья

В общий сложим хор!

Братство кровное вспомняем,

Мы ж крещеный люд...

Дай мне руку, россиянин —

JA TIEBIA LIUBLIU!

Кто нас разделил когда-то?

Царедворцы да солдаты

В темной старине.

Но падет стена гнилая,

Если, братство возрождая,

Подпоешь ты мне.

Растворятся дни страданий,

Будто сон в хмелю...

Дай мне руку, россиянин —

JA TIEBIA LIUBLIU!

В том, что жили мы враждою,

Обвинять меня с тобою

Вряд ли будет толк.

Здесь — гнет царского посланца,

Там — бесчинства Самозванца:

С псом сцепился волк!

Долго был я одурманен,

Больше не стерплю...

Дай мне руку, россиянин —

JA TIEBIA LIUBLIU!

Треснет лёд, проснутся реки,

Рухнет бес во тьму навеки,

Сгинет ложь в умах.

Ирод пал пред Иисусом —

Это со свободным Русом

Вольный дружит Лях!

В каждой мысли и деянье

Близость узнаю...

Дай мне руку, россиянин —

JA TIEBIA LIUBLIU!

Не будет преувеличением сказать, что со времен «К друзьям-москалям» Мицкевича в нашей поэзии не было произведения, которое бы так решительно и однозначно выражало искренние и горячие чувства польского поэта, жаждавшего согласия и дружбы с русским народом. Это стихотворение, нигде прежде не печатавшееся, нашлось среди семейных бумаг, сохранившихся в Голкуве под Варшавой у Вацлава, старшего сына поэта. Невозможно определить дату, когда появилось стихотворение. Это вполне может быть как 1905, так и 1918 год, в котором было создано другое, утерянное теперь произведение Гомулицкого, вдохновленное той же идеей. В этом втором звучали уже не оставлявшие никаких сомнений акценты симпатии к Великой октябрьской революции. Оно находилось в рукописном томе «Рифм» поэта от 1916–1918 г.г., хранившемся у его младшего сына — Юлиуша — и сгоревшем в его доме в 1944 году.

Свою симпатию — это “ja tiebia liubliu”, адресованное русскому народу, поэт неоднократно выражал в различных работах и литературных высказываниях. Он перевел (и как превосходно!) фрагмент из «Евгения Онегина», затем «Бахчисарайский фонтан» и «Бориса Годунова» — оба эти перевода, к сожалению, не сохранились — и несколько лирических стихотворений Пушкина. Кроме того, из-под пера Гомулицкого вышли не менее замечательные переводы из Некрасова («Железная дорога» и др.) и Полонского («Казимир Великий»). В пятидесятую годовщину трагической гибели Лермонтова Гомулицкий посвятил ему стихотворение, которое никто тогда не хотел печатать. Стихотворение пропало, но история его известна из статьи Гомулицкого, напечатанной в 1895 г. в петербургском «Крае» ^[4].

Мне кажется, что лучшим завершением этой заметки будут слова Гомулицкого, написанные им в телеграмме Союзу русских писателей, отправленной в сотую годовщину со дня рождения Александра Пушкина («Край», 1899, №22):

«Как все великие поэты, Пушкин подает одну руку своему народу, а другую протягивает человечеству; как все великие поэты, он — одно из звеньев, соединяющих народы и приближающих всеобщий мир и гармонию. Слава великому поэту! Слава Пушкину!».

Перевод Владимира Окуня

-
1. Ор-От (Or-Ot) — польский поэт-патриот, автор цикла стихотворений «Варшавские легенды». Его настоящее имя Артур Опман (1867–1931). Прим. пер.
 2. Эндек — сокращенное название члена правой Национально-демократической партии Польши, существовавшей в 1897—1947 годах. Прим. ред.
 3. Здесь и далее стихи В. Гомулицкого даны в моем переводе. Прим. пер.
 4. «Край» (“Kraj”) — польский общественно-политический еженедельник, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1882 по 1909 год. Прим. пер.

УМЕРЛА СУСАННА СОЛОМОНОВНА ПЕЧУРО

Новый год для общества "Мемориал" начался с тяжелейшей утраты. Днем 1 января 2014 в Москве после тяжелой болезни умерла историк, член общества "Мемориал", политзаключенная и сооснователь московской молодежной подпольной антисталинской группы 1950–1951 годов Сусанна Соломоновна Печуро (родилась в Москве 22 июля 1933).

Никогда смерть не может быть ожидаемой. Ты знаешь о тяжелой, неизлечимой болезни, из-за которой человек уже не встает, и всё равно смерть — всегда неожиданный удар.

У всех у нас есть свой "миф о Сусанне" (выражение принадлежит Анатолию Якобсону). Но при ней он не оформлялся словесно. Лишь люди, издали её узнававшие через тексты и интервью, могли, как Ежи Помяновский, назвать её "живой святой" и попросить распечатать ее фотографию для своего письменного стола. Или как сам Анатолий Якобсон уже в эмиграции, на большом расстоянии от Сусанны Печуро и в пространстве, и во времени, вспоминал о своей влюбленности в неё как в "Прекрасную Даму", "почти святую", которую он готовил для поступления на истфак и для которой добывал в Явасе справку о её работе в лагере.

Сусанна Соломоновна Печуро стала живым доказательством двух процессов — существования в стране сопротивления сталинскому режиму и осмысления и понимания опыта Гулага как «горнила для личностной трансформации» и «выхода в пространство свободы» [1].

Были не только невинные жертвы, есть такие, как Сусанна Печуро. В 1950 году она семнадцатилетней московской школьницей стала организатором подпольного "Союза борьбы за дело революции" — реальной, а не выдуманной органами антисталинской организации с манифестом, программой и началом формирования сети членов.

До сих пор о таких подпольных группах «мы располагаем только обрывочными сведениями»[2]. Как писал в 1981 году Вениамин Иофе в самиздатском историческом сборнике «Память», «их было не так уж мало, но деятельность их, как

правило, пресекалась в самом начале, зачастую еще до того, как таким группам удавалось окончательно сформироваться. По мере выявления они изымались в полном составе, включая всех прикосновенных (в количествах до нескольких десятков человек), а затем растворялись в многолюдных зонах Гулага»[3]. Как правило, целью этих групп было, «идеологически мотивированное изменение всего политического курса страны: задача, явно несопоставимая с их наличными силами и средствами»[4].

В феврале 1952 трое юношей, руководителей этой организации — ее возлюбленный, «названный брат» Борис Слуцкий, Владилен Фурман и Евгений Гуревич — были приговорены к расстрелу. Сусанна Печуро и еще девять участников — к 25 годам лагеря, пяти годам «поражения в правах» и конфискации всего имущества. Вскоре следователи признались в фальсификациях: в разгар антисемитской государственной кампании «Союзу борьбы за дело революции» приписали терроризм и связи с другими «сионистскими» группами, «делом врачей». Сусанна Печуро не верила в расстрел своих мальчиков до освобождения в апреле 1956 года.

Реабилитация «за отсутствием состава преступления» для Сусанны Печуро была оскорбительна, потому что она-то сидела «за дело». «Менталитет населения, которое попало под каток истории», был ей чужд, она «отвечала за свои поступки и за свое прошлое». «Сопротивленцев не жалко — знали, что делаем. Можно сказать, что мы — люди счастливые» — говорила она в одном интервью.

Её опыт стал «примером преодоления очередной ловушки на путях развития цивилизации»[5]. Она обладала редким знанием того, как «зэк превращался в свободнорожденного», «прошедшего Гулаг и сохранившего себя»[6]. И стала уникальным свидетелем, живо и с интересом рассказывающим об этом, человеком-источником.

Но не только источником понимания, осмысления и личной ответственности за происходящее в нашей стране. Даже не знаю, где именно — над всем этим, перед или в глубине — была любовь. «Жизнь человека зависит от того, сколько его любили в детстве. Из детства человек уносит или любовь, или страх. Отсутствие страха — гарантия жизни» — часто говорила Сусанна Соломоновна.

Она любила нас, вообще людей, всё живое, жизнь. К этому источнику чаще всего припадали, понятно, дети. Ещё коты, вдруг обнаруживающие несамодостаточность. В разное время

разные одинокие, потерявшиеся, запутавшиеся, брошенные существа находили у Сусанны Соломоновны Печуро тепло, покой, понимание и участие.

Она обладала даром мгновенного понимания людей и ситуаций: всё сразу видела, умела о самом главном дать понять не буквально, часто без слов. Излучала интерес, радушие, изначальную эмпатию и готовность к участию в редком сочетании с невероятной деликатностью и тонким чутьём. Умела слушать: многие приходили выговориться, и дверь в квартиру оставалась открытой.

Она нас объединяла: «Мемориал», людей вообще, регионы, страны. Москву и Абезь, Россию и Польшу, евреев и католиков. Те, кто хотел разобщать и делить, получали мгновенный отпор, как Жириновский. Он назвал Сусанну Соломоновну «жидовкой», она молча ударила его своей палкой, без которой не ходила. Жириновский с позором бежал, обещая включить ее в список тех, кого он повесит или расстреляет, когда придет к власти.

Как написала Аня, невестка Сусанны Соломоновны, жена старшего внука, *«она как никто другой умела наполнять жизнь смыслами, создавала их из ничего, из воздуха, из того, что под рукой. Она оставалась свободной в сталинских лагерях, умела видеть прежде всего людей в малолетних уголовниках, звала гостей и устраивала скрипичные концерты, будучи практически прикованной к дивану, и очень-очень любила жить».*

Мы будем помнить и любить.

Примечания:

[1] Вениамин Иофе «Осмысление Гулага».

[2] С.Д.Рожественский [Вениамин Иофе]. Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года. // Память. Исторический сборник. Выпуск 5. Москва, 1981 — Париж, 1982. С. 227.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Вениамин Иофе. Осмысление Гулага.

[6] Там же.

НАША СУСАННА

ЭВА ВУЙЦЯК

Сусанна Печуро была у нас в гостях, когда в 1992 г. мы организовали в Театре большой семинар на тему России. Мы тогда познакомились с ней и другими деятелями «Мемориала». У многих из них за спиной были длительные тюремные сроки, лагеря либо заключения в психбольницах — однако, вокруг Сусанны, которая девочкой-подростком отсидела несколько лет в лагере, а четверых ее ближайших друзей, тогда 19-летних, расстреляли, царилла какая-то особая аура. Потребность в единении со всеми и вся. Аура мягкости и всепрощения, какая-то неземная — хотелось бы сказать — воля к умиротворению. Потом, через некоторое время, Сусанна вновь приехала в Познань. Я старалась принять ее как можно лучше — готовила обеды, покупала хорошее вино. Сусанна подсмеивалась надо мной: «Эва, нам в России хватает хлеба и чая, к тому же есть еще музыка и разговоры».

Два года тому назад я посетила Сусанну в Москве. Мы были там со своими спектаклями, которые, однако, ей не довелось увидеть — она уже не ходила — прогрессирующий диабет, связанная с этим полнота и проблемы с сердцем... Она жила в скверной советской многоэтажке, в малюсенькой квартирке у самой земли и с решетками на окнах. Внутри стайка красивых кошек, а за Сусанной, правда, прикованной к постели, заботливо ухаживали ее родные.

На полке, напротив ее кровати, стояли четыре фотографии мальчиков с тонкими лицами, высокими лбами и умными глазами. Я догадалась, что это те ее друзья, которых расстреляли несколько десятков лет тому назад. Тем временем, Сусанна с гордостью показала мне снимок из местной газеты, на котором было видно, как омоновцы разгоняют какую-то демонстрацию молодежи. «Видишь, — показала она пальцем на худенького бледного парнишку, которому как раз достался удар по голове, — это Алеша, мой внук». Во мне что-то оборвалось, руки опустились, и я умоляюще спросила: «Сусанна, разве не достаточно жертв, разве ты не боишься за своего внука? Разве тебе не хотелось бы, чтобы он был свободным, счастливым, чтобы он мог чувствовать себя гражданином мира? Чтобы был жив?». И тогда эта старая женщина с красивым лицом, благородными чертами и

горящими глазами твердо сказала мне: «Эва, он должен бороться за свободу. Он должен».

Тогда в Познани она была ангелом единения, через двадцать лет в Москве, перед лицами своих расстрелянных школьных друзей, она обозначила четкую границу этого единения. Он должен.

МАРТИН КЕНШИЦКИЙ

Сначала на метро, потом по бесконечному Ленинскому проспекту, мимо памятника Гагарину, затем узким проходом среди сталинских многоэтажек, направо, по лестнице вниз и там, в тесной квартирке жила Сусанна Печуро. Комната, заполненная книгами, которые уже не умещались на полках, на стене фотографии Сергея Ковалева, Сахарова, за стеклом шкафчика потертые и пожелтевшие снимки друзей из молодежной антисталинской организации. На другой фотографии, наверное, еще до лагеря, — она сама — красивая, с густыми, иссиня-черными волосами. Теперь, страдая от серьезной болезни, она уже не вставала с постели, но улыбка и глаза оставались теми же. К кровати была прислонена трость, без которой она уже много лет не могла передвигаться — наверняка, та самая знаменитая трость, которой она какое-то время тому назад огрела Жириновского. А тот рычал: «Я тебя, сука, повешу...». Тогда она занималась правами человека, говорила о варварской войне в Чечне. Кричала русским женщинам: «Не отдавайте детей на призыв, не отдавайте своих сыновей в армию палачей!». Казалось невероятным, что эта физически слабая женщина в состоянии столько вынести.

В Москву на театральный фестиваль мы приехали с чувством долга. Мы знали, что, прежде всего, после стольких лет хотим увидеть ее и обнять. «Ковчег» — спектакль, который мы привезли в Москву, был близок тому, о чем мы беседовали во время ее визитов в наш театр в Познани. Помню, Сусанна тогда прочитала нам потрясающее обращение Сергея Ковалева «Матерям России», которое очень сильно вдохновляло нас при работе над следующим спектаклем «Время матерей».

Она была очень теплой, казалась воплощенной добротой, и в то же время решительной, бескомпромиссной и необыкновенно точной в оценках. Вне всякого сомнения, она была гражданкой архипелага свободы.

МЕСТЬ ЧИНОВНИКОВ

Ограничение свободы частных предприятий это результат стремления чиновников контролировать людей, что, в свою очередь, создает им благоприятные условия для взяточничества — говорит Мечислав Вильчек.

— Больше ли сейчас экономической свободы, чем 25 лет назад, когда вы ввели закон, названный по вашему имени «законом Вильчека»?

— После введения этого закона, когда он начал действовать, свободы было больше, чем теперь. Хотя, справедливости ради замечу, что нынешняя ситуация обусловлена совсем другими обстоятельствами, наступили другие времена — экономика стала сложнее, мы ведь уже часть Евросоюза. Но в любом случае Польше очень бы пригодилось побольше экономической свободы.

— Экономические проблемы, которые стояли перед вами в 1988 году, были огромными. Вы не боялись «импровизировать»?

— Экономика разваливалась, проблемой был также неизбежный при либерализации экономики рост безработицы. Но именно благодаря свободной экономике нам удалось пройти через эти испытания без особых потерь.

— Именно тогда произошло польское экономическое чудо.

— Да. Вы только представьте, в течение всего нескольких месяцев появилось 2 миллиона предприятий. Без какой-либо помощи, без программ поддержки, без всяких льготных периодов. Более того, эти люди создали шесть миллионов (!) новых рабочих мест. Это был феномен, это было просто потрясающе.

— Было ли это следствием вашего закона?

— Не будем приписывать всех заслуг исключительно этому закону, но он «открыл двери», стал катализатором трансформации. Люди подняли головы. Например, ремесленники могли, наконец, оборудовать свои мастерские так, как хотели, могли конкурировать на рынке, продавать свои услуги или продукты в нормальных условиях. Это был перелом.

— *Закон Вильчека насчитывал немногим больше 50 статей. В действующем законе о свободной экономической деятельности их более 110. Почему?*

— Это месть чиновников. Именно они в результате либерализации экономики оказались в самом большом проигрыше. Чиновники обожают контролировать людей. Они не любят, когда люди свободны и независимы. Поэтому ограничивают свободу. Чиновники управляли рынком, руководили мелкими предпринимателями, им не нравились несущие свободу перемены. Это явление зашло так далеко, что официальная политика по отношению к частному сектору базировалась на двух принципах: ограничивать и вытеснять.

— *А зачем чиновникам контроль, или они просто хотят иметь влияние на фирмы?*

— Не просто. Имея власть над экономикой и предпринимателями, чиновники могут брать взятки.

— *Есть ли шансы, что в Польше опять появятся большие свободы?*

— Конечно. В принципе я оптимист и считаю, что Польша избрала правильную дорогу и справляется очень хорошо. Это происходит благодаря предприимчивым людям, благодаря тому, что когда-то возникли те два миллиона новых фирм, о которых уже была речь. Более того, в нашей экономике улучшается структура собственности.

— *В каком смысле?*

— Во всем мире, например в США или в Англии, именно мелкие предприниматели являются силой национальных экономик. Это они наиболее устойчивы к кризисам, наиболее эластичны, инновационны. Именно малые и средние фирмы составляют соль экономики. Потому мы должны беречь их, как зеницу ока. Нельзя их преследовать. В Польше сложилось неправильное отношение к частным предприятиям. К счастью, их не обвиняют во всех наших бедах, но атмосфера вокруг них нехорошая: в воздухе словно висит мысль – было бы лучше, если их было как можно меньше.

— *Наше государство относится к ним враждебно?*

— Да, но ведь это глупо. Опасения чиновников, что большинство фирм хотят обмануть государство, обойти право, что они просто недобросовестны, не имеют никаких оснований. Также безосновательны претензии, что весь сектор предпринимательства в 80-х и 90-х годах был приватизирован

за счет публичной собственности. Назовите мне хотя бы 10 таких фирм.

— *Вы гордитесь законом, который ввели в жизнь?*

— Я никогда не утверждал, что это была исключительно моя заслуга. Не стоит забывать, что закон принимал Сейм, а перед этим его утвердило правительство премьера Мечислава Раковского, которого я считаю прогрессивным политическим деятелем. Таким образом, это был результат коллективной работы, хотя, действительно, мое участие в этом процессе было очень велико. Меня удивило, как быстро этот закон прошел через Сейм. Он шел как лавина. Я был финансово независим, остр на язык и использовал тогда все свое влияние.

Мечислав Вильчек — предприниматель, юрист и химик, инициатор и автор многих патентов в области химии. Был министром промышленности ПНР в 1988–1989 годах, благодаря его инициативе 23 декабря 1988 года был принят закон либерализации экономики. Лауреат Премии Киселя 1990 года.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Наступивший 2014 год, согласно решению польских парламентариев, обрел нескольких почетных покровителей. Решением Сейма патронами года стали Оскар Кольберг, Ян Карский и св. Ян из Дуклы; а благодаря постановлению Сената — Ян Новак-Езёранский.

Ян Карский (1914—2000), курьер Польского подпольного государства, «человек, который хотел остановить Холокост», историк и дипломат, родился сто лет назад, как и Ян Новак-Езёранский (1914—2005), легендарный курьер из Варшавы, солдат Армии Крайовой, политик, первый шеф радио «Свободная Европа». Двести лет назад родился Оскар Кольберг (1814—1890), выдающийся этнограф, фольклорист и композитор. Эти фигуры и их несомненные заслуги не вызвали споров среди парламентариев. В отличие от св. Яна из Дуклы (ок. 1414—1484), францисканца, которому приписывается спасение Львова во время осады в 1648 году. Согласно историку XIX века, «неожиданное отступление противника и спасение города приписывают чуду, когда Хмельницкий и Тугай-бей увидели в вечерних облаках над монастырем бернардинцев коленопреклоненную фигуру монаха с воздетыми вверх руками и перед страшным этим видением отдали приказ к отступлению. Отцы бернардинцы признали в нем блаженного Яна из Дуклы». Решение было принято 390 голосами при 42 голосах против и 18 воздержавшихся. «Сейм принимает слишком много постановлений, касающихся святых», — прокомментировал решение Тадеуш Ивинский из Союза демократических левых сил.

Сенаторы постановили считать 2014-й также Годом Большого юбилея Ягеллонского университета. Единодушно. Решение Сената напоминает, что «на протяжении веков университет был кузницей элит, настоящим покровителем и подлинной альма-матер для всего польского образования». Акт о создании учебного заведения, которое первоначально называлось Краковской академией, датируется 12 мая 1364 года, то есть университету исполняется 650 лет. Сегодня в Ягеллонском университете получают знания около 50 тысяч студентов, здесь работают свыше 540 профессоров, 730 докторов наук и 2600 преподавателей. С университетом связаны такие, например, личности, как Николай Коперник, Ян Длугош, Марцин Кромер,

Анджей Фрич-Моджевский, Ян Кохановский, Петр Скарга, Ян Собеский, Гуго Коллонтай, Станислав Выспянский, Кароль Войтыла.

В 2014 году отмечается также 150-летие Стефана Жеромского, 100-летие Станислава Дыгата, автора романов «Боденское озеро», «Прощания», «Диснейленд», и полувековая годовщина смерти Станислава Пентака, выдающегося поэта межвоенного периода, чье творчество было связано с деревенским направлением польской литературы.

Как и каждый год, в январе вручены Паспорта «Политики», на сей раз во время торжественной церемонии в здании Большого театра — Национальной оперы. Премии присуждаются молодым талантливым творцам. В категории «Кино» лауреатом стал актер Давид Огородник за роль больного поражением мозга в фильме «Хочется жить» режиссера Мацея Пепшицы. В категории «Литература» премию завоевал Земовит Щерек, автор книги об Украине «Придет Мордор и нас съест, или тайная история славян». В категории «Популярная музыка» — пианист, композитор и аранжировщик Марцин Масецкий, руководитель Варшавского оркестра легкой музыки, объединившего представителей молодого поколения джазовых музыкантов Варшавы и окрестностей. В категории «Академическая музыка» премией отмечен «Apollon Musagete Quartett» за выдающийся альбом «Multitude». В категории «Визуальные искусства» премию получила Аннета Гжешиковская, автор выставки «Смерть и девушка» в галерее «Захента». В категории «Театр» лауреатами стали драматург Иоланта Яничак и режиссер Виктор Рубин за отважные постановки, в том числе за спектакль «Царица Екатерина» в Театре Стефана Жеромского в Кельце.

Специальную премию «Политики» — титул «Творец культуры» — получил знаменитый джазовый трубач Томаш Станько.

Лауреатом «Gilmore Artist Award 2014» — престижной премии, присуждаемой наиболее талантливым пианистам со всего мира, — стал Рафал Блехач. Он был избран более чем из ста других претендентов. Премия, присуждаемая раз в четыре года, составляет 300 тыс. долларов, из которых 50 тыс. лауреат получает наличными, а 250 тыс. предназначаются на развитие его карьеры. Эксперты наблюдают за кандидатами в течение нескольких лет. Они инкогнито ездят на концерты, оценивают также звукозаписи.

Рафал Блехач прославился в 2005 году, когда всего в двадцатилетнем возрасте победил на конкурсе Шопена. Записал несколько прекрасно принятых пластинок с произведениями Шопена, Дебюсси, Гайдна, Бетховена, Моцарта и Шимановского. Это уже второй пианист из Польши, отмеченный данной премией, ранее ее получил Петр Андершевский.

Актриса Йоанна Моро, сыгравшая главную роль в телевизионном сериале об Анне Герман, и российский режиссер и драматург Иван Вырыпаев получили дипломы министров иностранных дел Польши и России за выдающиеся заслуги в деле взаимного сближения и понимания обществ обеих стран. Дипломы вручили министры Радослав Сикорский и Сергей Лавров.

С речью в честь лауреатов выступил шеф польского Министерства иностранных дел. «Данные дипломы получили люди, которые создают марку России в Польше и марку Польши в России», — отметил Сикорский и напомнил, что творчество Вырыпаева хорошо известно в Польше, а он сам исключительно часто награждается польскими премиями и является лауреатом Паспорта «Политики». Министр подчеркнул, что поляки всегда ценили русскую культуру и искусство, прежде всего, за смелость, с которой русские творцы обращаются к самым важным темам. Вырыпаев, сказал Сикорский, посредством искусства позволяет полякам «понять тайники русской души».

Мариуш Щигел собрал в последнее время все возможные журналистские премии. В конце прошлого года за репортаж «Красивый и послушный», опубликованный в 2013 году в «Газете Выборчей», он был отмечен премией имени Анджея Войцеховского, премией «Журналист года 2013» на конкурсе «Grand Press» и премией «DetonaTor» по результатам плебисцита Студенческих журналистских премий «MediaTory». В январе Щигел стал лауреатом почетной премии объединения «Польский клуб репортажа» по итогам 2013 года. Премия присуждена «за совокупность писательских достижений в сфере литературы факта с особым учетом книг «Готтленд», «Łaska niebeská» [чешск. «небесная любовь»], «Создай себе рай», а также репортажа «Красивый и послушный»».

Премию имени Казимежа Выки получила Малгожата Шпаковская за книгу «Литературные известия почти для всех». Это не только монография, посвященная знаменитому довоенному журналу, но и интеллектуальная, литературная, бытовая панорама Польши межвоенного двадцатилетия.

Профессор Малгожата Шпаковская — культуролог, литературный критик, историк литературы, автор книг об истории культуры, быта, об антропологии тела. В 1968 году она собирала материалы о репрессиях против участников мартовских событий, была арестована и по так называемому «делу альпинистов» приговорена к полутора годам тюрьмы.

Премия имени Казимежа Выки составляет 20 тыс. злотых, которые обеспечиваются бюджетом Малопольского воеводства и городским бюджетом Кракова.

Год назад премию получил Анджей Франашек за книгу о Чеславе Милоше.

Окончилось безвластие в Музее истории польских евреев в Варшаве. Музей, официально открывшийся в апреле 2013 года, многие месяцы оставался без директора. С марта им будет Дариуш Столя, профессор Института политических исследований Польской Академии наук и «Collegium Civitas». Он занимается историей ПНР, историей международных миграций и польско-еврейских отношений. Опубликовал свыше 100 научных статей и 9 книг. Его работа «Страна без выхода? Миграция из Польши 1949—1989» получила в 2011 году премию по истории еженедельника «Политика».

Итальянская живопись и изделия художественного ремесла из собрания Фонда князей Чарторыйских в Кракове представлены в Национальном музее в Гданьске на выставке под названием «Virtus et splendor. Искусство в жизни Италии XIV—XVII веков». В экспозиции несколько десятков картин, преимущественно флорентийской школы, а также работы венецианских и сиенских мастеров. Наряду с живописью показаны также изделия из золота, слоновой кости, бронзовое литье. Можно увидеть чашу Кара Мустафы, которую король Ян III Собеский захватил в шатре турецкого командующего во время битвы под Веной, а также диптих из слоновой кости, перед которым, по всей вероятности, молилась королева Ядвига.

Выставка в Гданьске открыта до 30 марта.

10 января на экраны вышел фильм «Беги, мальчик, беги», основанный на подлинной трогательной истории еврейского ребенка, который убежал из Варшавского гетто и пережил кошмар оккупации.

Фильм, в создании которого принимали участие поляки, поставил лауреат «Оскара» немец Пепе Данкварт. В главной роли, сыгранной совместно с братом-близнецом Анджеем,

выступил Камиль Ткач. В фильме снимались Збигнев Замаховский, Изабеля Куна, Гражина Шаполовская, Мирослав Бака, Ольгерд Лукашевич, а также актеры из Германии и Израиля.

«Мне было тяжело смотреть этот фильм. Иногда казалось, что меня забросили на 70 лет назад, все воспоминания вернулись», — сказал после показа фильма в Музее истории польских евреев Йорам Фридман, прототип главного героя.

Одновременно в книжных магазинах появилась книга, ставшая основой сценария, — история Йорама Фридмана, написанная израильским прозаиком Ури Орлевым, автором книг для детей и юношества. Писатель, родившийся в Варшаве как Ежи Генрик Орловский, сам ребенком пережил Холокост. Его книга «Беги, мальчик, беги» выпущена на польском языке издательством W.A.B.

Еще одна заметная кинопремьера января — экранизация романа Ежи Пильха «Песни пьющих» в постановке режиссера Войцеха Смажовского, с Робертом Венцкевичем в главной роли. По мнению рецензента «Политики» Януша Врублевского, этот провокационный, прекрасно поставленный, с отличной игрой актеров фильм о лечении алкоголика, в сущности, — драма бессилия: «Смажовский не знает жалости. Он издевается над героем и его слабостями. Страшно его компрометирует. Захватывает зрителя шокирующими картинками морального распада, обеспечивая сильнейшее похмелье».

Тадеуш Соболевский в «Газете Выборчей» пишет: «В фильме Смажовского есть что-то, что можно назвать роскошью отвращения. Шоковая терапия для поляков, которые всегда найдут какое-нибудь оправдание своим порокам: история, мол, виновата, государственный строй, судьба».

Анна Полоны и Ежи Треля покинули краковский «Старый театр», с которым были связаны полвека. Со зрителями они попрощались после спектакля «Парни» по пьесе Станислава Гроховяка в постановке Адама Налепы. Решение знаменитых актеров связано с начинаниями директора Яна Кляты, подвергшегося критике не только со стороны краковских консервативных и правых кругов, но и со стороны коллектива театра. Актеры не разделяют радикальных взглядов Кляты на искусство.

— Мне не нравится новый стиль театра, я плохо себя в таком театре чувствую и поэтому прощаюсь уже со сценой, с которой была связана 50 лет, — сказала Полоны в одном из интервью.

Актеры, однако, не уходят из профессии. Анна Полоны будет выступать на подмостках Театра имени Юлиуша Словацкого, а Ежи Треля вернется в Театр STU.

Национальный «Старый театр» в Кракове — второй старейший театр в Польше. Это одна из трех национальных драматических сцен (наряду с «Театром народowym» в Варшаве и Театром «Выбжеже» в Гданьске), подчиняющихся непосредственно министру культуры.

Прощания

29 декабря в Катовицах скончался Войцех Кильяр, выдающийся композитор, признанный мастер музыки для кино. Среди режиссеров, с которым он сотрудничал, — Роман Полянский, Казимеж Куц, Кшиштоф Занусси, Анджей Вайда, Кшиштоф Кеслёвский, Френсис Форд Коппола. В 60-е годы Кильяр, вместе с Кшиштофом Пендрецким и Генриком Миколаем Гурецким, создавал польскую школу музыкального авангарда. В 1974 году написал свою знаменитую симфоническую поэму «Кшесаны». С того времени считался ведущим представителем польского авангарда.

Кильяр написал музыку к нескольким десяткам значительных польских фильмов, таких, например, как «Соль черной земли» и «Смерть как краюшка хлеба» Казимежа Куца, «Сальто» Тадеуша Конвицкого, «Рейс» Марека Пивовского, «Земля обетованная», «Хроника любовных происшествий» и «Пан Тадеуш» Анджея Вайды. За музыку к «Пианисту» Романа Полянского получил французскую премию «Сезар», а за музыку к «Дракуле» Копполы — премию Объединения американских композиторов.

Войцеху Кильяру был 81 год.

31 декабря умерла Ванда Крушевская, многие годы служившая в краковском «Старом театре», выступать в котором начала в первом послевоенном сезоне. Актрисе было 92 года. Профессию она осваивала во время оккупации, на подпольных театральных занятиях. Дебютировала в 1945 году, вместе с Тадеушем Ломницким. Играла Дездемону в «Отелло», Елену в «Сне в летнюю ночь», выступала также в «Свадьбе», «Дзядях», «Небожественной комедии». Из-за броской красоты она долго не могла преодолеть амплу героини-любовницы. Крушевская играла у самых выдающихся польских режиссеров: Яроцкого, Свинарского, Вайды, Люпы.

Счастье общаться с живой легендой польского театра выпало не только зрителям, но и студентам Краковской высшей театральной школы, где она с 1975 года вела занятия по сценической речи.

5 января в Жешуве в возрасте 79 лет умер профессор Владислав Анджей Серчик — историк, исследователь новейшей истории и польско-российских и польско-украинских отношений. Его наследие составляют свыше 300 научных работ, в том числе более 30 книг, среди которых «История Украины» и «Русская культура XVIII века», «На далекой Украине. История казачества до 1648 года», «Гайдамаки», «Полтава 1709», «Галерея властелинов России», биографии русских царей «Иван IV Грозный», «Петр Великий», «Екатерина II». Профессор Серчик входил в состав многих научных сообществ и институций, в качестве исторического консультанта выступил в фильме Ежи Гоффмана «Огнем и мечом».

18 января умер Войцех Круковский, многолетний директор Центра современного искусства в Варшаве, историк искусства, заслуженный деятель культуры. Он окончил искусствоведение Варшавского университета; еще во время учебы, в 1973 году, основал группу «Академия Руху» — междисциплинарное творческое объединение, действующее на стыке театра, пластических искусств и кино. В восьмидесятые годы участвовал в движении независимой культуры. В 1987 году основал художественный журнал «Обег» («Вращенье») и был поначалу одним из его редакторов. В 1990 году стал директором Центра современного искусства «Замок Уяздовский». Центр достиг под его руководством невиданного расцвета. Круковский был куратором многих выставок, например, международной выставки современного искусства. Как сказала куратор Миляда Слижинская: «Интердисциплинарность стала силой этого места. (...) Войтек создал безумно интересную вещь. Создал совершенно новый тип культурного учреждения, где под одной крышей говорится о разных областях современного искусства: об изобразительном искусстве, перформансе, кино, литературе».

Войцеху Круковскому было 70 лет, многие годы он боролся с лейкозом.

О МИЛОШЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

3–4 декабря 2013 в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме в Петербурге состоялась первая международная научная конференция «Чеслав Милош и Россия».

Конференция стала продолжением идей «Года Милоша в России». В 2011–2012 году были впервые изданы на русском «Родная Европа» (пер. К. Старосельской и Б. Дубина), «Долина Иссы» (пер. Н. Кузнецова), «Поиск отчизны» (пер. А. Нехая), вышли новые переводы стихов (например, «Второе пространство», «Орфей и Эвридика» в пер. А. Ройтмана и др.), были проведены первый конкурс переводов Милоша и переводческие мастер-классы, состоялись встречи и презентации в Москве, Петербурге, Перми, Иркутске и Новосибирске. К заметному удивлению польской стороны всё это выявило интерес россиян к творчеству и судьбе Чеслава Милоша и вдохновило министерство культуры Польши и польский Институт книги продолжить интеракцию. Тогда было решено провести в Петербурге двухдневную конференцию и собрать на ней, по возможности, всех ведущих исследователей творчества и биографии Чеслава Милоша. Работу по ее организации взял на себя недавно созданный вроцлавский фонд «За вашу и нашу свободу», к которому позднее присоединились фонд «Российско-польский центр диалога и согласия» (Москва) и Польский институт в Санкт-Петербурге.

Не все планы организаторов удалось осуществить. Например, не смогли приехать в Петербург Томас Венцлова, Ксения Старосельская, Адам Михник, Владимир Британишский, Виктор Ерофеев... Однако главной потерей милошеведения в целом и декабрьской конференции в Петербурге, в частности, стала скоропостижная смерть Натальи Горбаневской. В воскресенье, 1 декабря 2013, она должна была прилететь в Петербург, но днем 29 ноября скоропостижно, во сне умерла в своей квартире в Париже. За несколько часов до смерти она отправила файл со своим текстом Николаю Иванову во Вроцлав с просьбой распечатать его и привезти в Петербург. Так случайная поломка принтера в ее парижской квартире или ее предсмертные предчувствия дали конференции один из ключевых докладов и ее последний прижизненный текст — «Мой Милош. Продолжение следует». Во многом он объяснял необходимость продолжения разговора о Милоше по-русски.

Наталья Горбаневская подводила итог своей работы последних трех лет (2011–2013): конкурс переводов Милоша, переводческие семинары во Вроцлаве и издание фундаментального труда — книги «Мой Милош», в которой она собрала всё, что перевела, исследовала и посвятила Милошу, с начала 1980-х (Москва, «Новое издательство», 2012). Точку ставить она не собиралась — в этом весь пафос доклада — наоборот, как пишет, «одним махом» продолжала переводить. Виктор Куллэ привёз на конференцию из Москвы гранки декабрьского номера журнала «Новый мир» с ее последними переводами Милоша.

В докладе Наталья Горбаневская продолжила свой спор с Милошем о ритмике стиха на примере его последних стихотворений и его анализа метрики и ритмики Иосифа Бродского (в предисловии к вышедшей в 1988 году в Париже книге стихов Бродского, которое Горбаневская перевела для НП №11, 2013). Она с удовольствием отмечает появление «поэтики хулиганства», «поэтики дерзости» у позднего Милоша. По ее мнению, Милош в книге «Последние стихотворения» «совсем другой». «...Он, хулиганствуя, эпатируя, поразительным образом раскрывается с малоизвестной нам стороны — горя, беды, слабости. Как будто весь расстегивается перед смертью. И удивительно, что, для того чтобы особенно, нараспашку расстегнуться, ему в ряде стихотворений понадобилась метрика, иногда умышленно хромающая, и рифмовка, иногда — тоже думаю, умышленно — слабая, неточная. Метрика и рифмовка — то, что, на его взгляд, не отвечало природе польского языка и польской версификации». Текст доклада Натальи Горбаневской был зачитан 3 декабря на конференции целиком и сразу же опубликован (в сокращении в «Российской газете», целиком — в разделе «Польский Петербург» на www.cogita.ru), а ее портрет стоял все два дня в музее Ахматовой.

«Приятным сюрпризом — к месту и вовремя — стал выход из печати двух книг, которые были доставлены прямо из типографии и вручены всем участникам конференции. Книга «Милош по-русски», изданная при финансовой поддержке польского Института книги и министерства культуры Польши, вобрала в себя работы победителей конкурса переводов стихов и прозы Чеслава Милоша», — пишет в своем отчёте о конференции Валерий Мастерov^[1]. Эта малоформатная книжечка стала последней составительской и редакторской работой Натальи Горбаневской.

«Совсем другого» Чеслава Милоша представил в Петербурге его старший сын Антоний Милош, переводчик произведений отца

на английский язык. Он был в России впервые в жизни и стал специальным гостем конференции. Его презентация была самой большой по времени. У Антония Милоша с Россией прежде всего было связано чувство страха. Он рассказывал о страхе отца перед спецслужбами («УБ, КГБ»), которым было пронизано всё парижское детство Антония. Особенно пагубно эти страхи сказались на здоровье младшего сына Чеслава Милоша — Джона-Пола (р. 1951). Антоний Милош показывал редкие видеокадры бесед отца с Анджеем Милошем (1917–2002), его младшим братом. 16 часовая видеозапись была сделана в Беркли в 1983–1984 годах самим Анджеем Милошем, польским документалистом и журналистом, но никогда не была использована целиком. В Петербурге были показаны фрагменты разговоров двух братьев о родине, семье, языке, детстве. Антоний Милош дополнял видеокадры своими комментариями.

Честь выступить первым со вступительным рефератом «Милош и Россия: в кругу проблематики» выпала профессору Ягеллонского университета Александру Фьюту. Лекция этого ведущего с 1970-х годов милошеведа задала тон и академический формат конференции. Профессор Фьют известен в России благодаря переводу на русский язык его книги «Беседы с Милошем» (Москва, «Новое издательство», 2006, пер. Анатолия Ройтмана) и выступлениям в Москве, Петербурге и Новосибирске на мероприятиях «Года Милоша» (2011).

Иную парадигму и следующее поколение исследователей Чеслава Милоша представлял на конференции второй наиболее известный знаток его творчества и публикатор, варшавский профессор Марек Залеский. В своем докладе «Родная Европа Чеслава Милоша» он говорил о милошевских «кодах» и его понимании значения Восточной Европы.

Как пишет Анатолий Нехай в заметках участника конференции для «Польского Петербурга» (www.cogita.ru), «проблематика «Милош и Россия» действительно весьма обширна». «В 2010–2011 годах варшавское издательство «Зешиты литерацке» («Литературные тетради») выпустило огромный — более 700 страниц — двухтомник эссе и статей Чеслава Милоша, касающихся этой темы: «Россия: трансокеанские видения». Его первый том «Достоевский — наш современник» почти полностью посвящен трактовке Милошем творчества Достоевского, а второй — «Воздушные мосты» — после обширных реминисценций, касающихся встреч поэта с имперской Россией, рассказывает об отношениях Милоша с

«другой Россией»: Солженицыным, Пастернаком, Мандельштамом, и более всего — о его дружбе с Иосифом Бродским. Составительница обоих томов, главный редактор «Зешитов литерацких» Барбара Торунчик выступила на конференции с докладом «Россия Милоша», в котором рассказала об этой огромной издательской работе». В конце своего доклада Барбара Торунчик представила перечень тем для будущих исследований. «Если будет возможность продолжить разговор о Милоше и России, необходимо вовлечь в дискуссию специалистов по Достоевскому и русской философии» — считает директор Музея Анны Ахматовой Нина Попова.

О докладе единственной литовской исследовательницы Валерий Матеров написал в отчёте фонда «Российско-польский центр диалога и согласия»: «Профессор из Каунаса Асия Ковтун отправной точкой своего реферата выбрала эссе Чеслава Милоша «Придорожная собачонка», что дало повод остановиться на концептах разума и сознания. Приводя другие произведения Милоша и его реакцию на высказывания некоторых философов, профессор Ковтун замечает интересные нам и сейчас этические моменты: «Добро и зло для Милоша — не только категории этики, в очень общей форме показывающие мотивации поступков или отношений человека. Исходя из текстов книги «Придорожная собачонка», можно понять добро и зло в представлении Милоша как экзистенциальную категорию, как дуализм бытия. Наши поступки, связывающие нас с другими людьми, всегда имеют определенные последствия. Милош предполагает, что в этом мире ничего не происходит случайно. Человек всегда отвечает за зло, даже совершенное против его воли»^[2].

Сам Валерий Мастеров, который вместе с Николаем Ивановым выступал куратором конференции, теперь является сотрудником фонда «Российско-польский центр диалога и согласия». Он рассказал об интервью с Чеславом Милошем, записанном им в 1999 г., в период работы в Варшаве собкором «Московских новостей», для книги «Рубежи веков». Из польских интервью в нее вошли также беседы со Станиславом Лемом и Анджеем Вайдой. Опрашиваемые отвечали на десять вопросов о страхе и жестокостях, о зле и его личинах, вере в знания, диктатуре и диктаторах... Милоша эти вопросы заинтересовали. В своих ответах он сумел, к примеру, предвидеть появление «уводящих от скуки движений, в том числе религиозных»; до событий 11 сентября 2001 г. сегодняшние «изошренные и непредсказуемые» предлоги убивать людей, «жестокое и кровавое столкновения <...>

между иноверцами, «волны терроризма» «против религиозных врагов».

Как известно, наиболее продуктивный центр российского милошеведения находится близ Уральских гор, в Перми. Его представляла профессор Пермского государственного педагогического университета Елена Бразговская вместе со своими студентами и аспирантами. Монография Е. Бразговской «Чеслав Милош: язык как персонаж» была опубликована в Москве в 2012 году. В Петербург профессор приехала со своей аспиранткой Светланой Ивановой. Светлана в июне защитила в Перми кандидатскую диссертацию «Репрезентация абстрактных объектов в философском и философско-художественном дискурсах (на материале польскоязычных текстов Лешека Колаковского, Барбары Скарги, Чеслава Милоша)». Самая юная участница выступила с самым сложным докладом «Знаки (имена) абстрактных объектов в структуре текстов Чеслава Милоша: аспекты интерпретации».

Треть времени конференции была отдана переводчикам.

Выступление Анатолия Нехая для меня было одним из самых интересных на конференции. Свой путь к Милошу этот поэт, переводчик с польского и руководитель поэтического клуба имени Агнешки Осецкой назвал «дорогой к самому себе». Оказалось, что Анатолий Петрович еще в 1970-х переводил Милоша. «В ленинградских библиотеках его книг тогда не было совсем (возможно, они были в спецхранах). Единственное место, где можно было прочесть стихи Милоша — это московская Библиотека иностранной литературы, носящая ныне имя ее создательницы Маргариты Рудомино. Вот там-то и нашлись томики двух первых книг поэта, вышедших еще до его эмиграции. Других поступлений уже не было. Я работал тогда в «закрытой» организации, без права переписки с заграницей, и вынужден был подчиняться общим правилам. Мои стихи и переводы шли «в стол». Был среди них и «Вальс» Милоша, поразивший меня богатством красок, гибкой ритмикой и мрачными пророчествами. Вместе с тем была в нем какая-то особая певучесть, созвучная русской поэзии. Но перевод «Вальса» так и остался лежать в моем столе... Я жил тогда какой-то странной двойной жизнью. Мне часто приходилось ездить по служебным делам в Москву, в свое министерство, находившееся неподалеку от Библиотеки иностранной литературы. Занеся какую-нибудь важную бумагу на подпись, я дожидался, сидя в библиотеке, когда ее «согласуют» в одном из министерских кабинетов. Потом моя

задача заключалась в том, чтобы перенести бумагу в другой кабинет, — и так двенадцать раз, по числу согласующих инстанций. Это называлось «приделать бумаге ноги». Каждое согласование занимало как минимум полдня, так что времени для чтения у меня оставалось достаточно, и за несколько лет поездок я основательно проштудировал польскую, а заодно и чешскую «закрытую» тогда литературу: Чеслав Милош, Беата Обертинская, Виктор Дик, Йозеф Гора, Ярослав Сейферт» — рассказывал на конференции Анатолий Петрович. «Ситуация изменилась в 1980 году, когда началось «триумфальное возвращение Милоша в польскую литературу, и его стихи замелькали на страницах популярных журналов, таких как «Пшекруй» и даже «Кобета и жиче». Из того, что удалось собрать, я выбрал для перевода несколько стихотворений, включая знаменитое «Który skrzywdziłeś...»». Ленинградский математик Нехай сделал стенгазету о Милоше и повесил её в своем закрытом НИИ на доске объявлений. «Стенгазета о Милоше, конечно, не была у меня первой, я и раньше делал листки, посвященные разным литературным событиям, и вывешивал в разрешенном месте. Поэтому обошлось без последствий» — сказал он.

Многие темы польских докладчиков в России звучали впервые. Станислав Бересь (Вроцлав) представлял своё исследование известной, пожалуй, лишь переводчикам и редакторам «Порабощенного разума» полемики Чеслава Милоша в 1942–1944 годах с поэтами младшего «обреченного» поколения («поколения Колумбов») из круга журнала «Штука и наруд» («Искусство и нация»), которую великий лауреат Нобелевской премии продолжал до конца жизни, полемики о будущем Европы. Многолетняя связь и переписка Чеслава Милоша с Ярославом Ивашкевичем с начала 1930-х годов, о которых говорил польский историк и директор Польского культурного центра в Москве Марек Радзивон, также не представлены в России в исследованиях и переводах.

Российский поэт и литературовед Виктор Куллэ был одним из 120 участников конкурса переводов Милоша. Не вышел в финал, но некоторые его переводы Наталья Горбаневская включила в сборник «Милош по-русски». Куллэ сделал масштабный доклад в жанре эссе «Свобода и благодарность: Милош, Бродский, Венцлова в полилоге восточноевропейских культур». В 2001 году он записал в Кракове беседу с Чеславом Милошем, она шла на русском языке. «Если, по Мандельштаму, верно, что жизнь и судьба поэта являются его наиболее значимым произведением, то Милош, об ту пору переваливший за 90 летний рубеж, являл собою творение

совершенное, с того дня ставшее для меня персонификацией идеального поэта, как некогда для Бродского Ахматова и Оден».

Анатолий Ройтман говорил об уроках Милоша: уроке человеческого обаяния, уроке тактичного и деликатного отношения к собеседнику, уроке внимательного чтения, рецитации, голоса и других.

Никита Кузнецов рассказывал о «некоторых аспектах перевода прозы Чеслава Милоша» на примере «Долины Иссы» и «Азбуки», которую он заканчивает для публикации в петербургском издательстве Ивана Лимбаха.

Челябинский полонист и переводчик Денис Пелихов выступал последним и вызвал своим сообщением «Проблема ритмической организации стихотворений Чеслава Милоша и перевод этих особенностей на русский язык» самую большую дискуссию. «Переводчик не может быть рабом, он всегда соревнуется с автором! В русской традиции переводчик — соперник», — спорил с докладчиком Виктор Куллэ.

Так конференция завершилась красивым спором поэтов и переводчиков о величии замысла.

Всего на конференции в малом зале Музея Анны Ахматовой выступили пятнадцать литературоведов, историков, лингвистов, переводчиков, журналистов и писателей из Москвы, Перми, Новосибирска, Челябинска, Каунаса, Варшавы, Вроцлава, Кракова, Петербурга и Сан-Франциско. Вёл конференцию в основном Николай Иванов при участии Валерия Мастерова. Организаторы сообщили, что в этом году должен выйти сборник докладов конференции на русском и польском языке и обещали найти возможность для новых встреч милошеведов в России.

-
1. <http://www.rospolcentr.ru/tabid/227/ArticleId/153/language/ru-RU/Default.aspx>
 2. Ibidem.

БЕЛАРУСЬ — ОЧЕНЬ БЛИЗКАЯ МНЕ СТРАНА

Об истории и современности знаменитого польско-белорусского дворянского рода Радзивиллов с князем Мацеем Радзивиллом беседует Игорь Мельников.

— Пан Мацей, расскажите, пожалуйста, к какой ветви Радзивиллов вы относитесь?

— Все, ныне живущие Радзивиллы относятся к линии, которая происходит от Николая Радзивилла Черного. Я принадлежу к Шидловецкой ветви Радзивиллов. Название это происходит от имения в Шидловце, которое принадлежало жене Николая Радзивилла Чёрного Эльжбете Шидловецкой еще в XVI веке. В конце XVII века мои предки были отделены от Несвижской ординации.

До начала XIX века центром нашей семьи было имение в Шидловце, а позднее представители нашей линии переезжают в усадьбы, расположенные на территории сегодняшних Литвы и Беларуси. Мы, безусловно, менее знаменитая ветвь Радзивиллов, чем Несвижская или Олыкская, представители которых владели большими ординациями. Вместе с тем, история Шидловецкой линии также тесно связана с историей некогда могущественного Великого Княжества Литовского.

— Я знаю, что ваша супруга также из рода Радзивиллов...

— Да, она происходит из Олыкской ветви Радзивиллов, которая располагалась на Волыни. Прадедом супруги был последний Давидгородецкий ординат и родной брат последних двух Несвижских ординатов Кароль Николай Радзивилл. Своих детей мы также воспитываем в радзивилловских традициях, приучая с малолетства уважать историю и традиции нашего древнего рода.

Кстати, после смерти Альбрехта именно Кароль должен был стать Несвижским ординатом. Но он уступил это право младшему брату Леону. Этот человек слишком сильно любил Полесье, поэтому не захотел расставаться с Давидгородецкой ординацией.

— Один из ваших родственников — Альбрехт Радзивилл поддержал в 1918-м Белорусскую Народную Республику. Как думаете, почему он это сделал?

— В отличие от набравших силу в начале XX века литовского и украинского национализма, белорусский национализм был, если так можно сказать, цивилизованным. Он не был направлен против традиций Речи Посполитой. Кстати, именно поэтому Радзивиллы достаточно быстро нашли общий язык с Юзефом Пилсудским, который по своим политическим взглядам был социалистом и поддерживал идеи федерализма.

Альбрехт Радзивилл сделал ставку на БНР, потому что видел будущее этого государства в союзе с возрождавшейся Польшей. Очень важно понимать, что в тогдашнем белорусском обществе не было ярого антагонизма в отношении западной соседки Беларуси.

К тому же, князь Абба, (так называли Несвижского ордината родные — И.М.), как и многие представители нашего рода, был истинным патриотом Великого Княжества Литовского. Однажды один иностранный журналист спросил Альбрехта: «Господин князь, а какой же Вы все-таки национальности?». На что Альбрехт ответил: «Мы тутэйшыя».

Несвижский ординат был не единственным, кто поддерживал белорусов. Тут невозможно не вспомнить и княгиню Магдалену Радзивилл из рода Кишгайло, которую в народе называли «Радзивиллиха». Она также активно, по мере сил и возможностей, поддерживала белорусское национальное движение.

— Хотелось бы услышать вашу оценку истории жизни и политической деятельности Олыкского ордината Януша Радзивилла.

— Это был великий человек. Правда, его можно назвать немного архаичным для своего времени. Князь Януш жил традициями XIX века. Не секрет, что политика в Европе накануне Первой Мировой войны опиралась во многом на межличностные связи монарших домов. Радзивиллы Берлинской линии, в том числе и Януш Радзивилл, были не просто знакомы с тогдашними европейскими монархами, они с ними дружили.

При этом корни Януша были с земель Великого Княжества Литовского. Его мать была из рода Сапег. Еще во время Первой Мировой войны князь включился в активную политическую

жизнь польских земель, а после провозглашения независимости Польши в 1918 году стал одним из ведущих политиков этого государства. После «майского переворота» 1926 года именно Януш Радзивилл организовал Юзефу Пилсудскому поддержку со стороны «кресовых зубров», богатых землевладельцев, проживавших на восточных окраинах Второй Речи Посполитой.

Князь Януш был наиболее заметным представителем нашего рода в межвоенное двадцатилетие. Он был сторонником «ягелонской идеи», которая, в его понимании, заключалась в урегулировании отношений между местным населением «кресов» и поляками. Сын Януша, Эдмунд (дед супруги нашего собеседника — И.М.) в 1936 году был избран войтом гмины Олыка. И голосовало за него местное население — украинцы.

В сентябре 1939 года эти же люди спасли Януша и Эдмунда Радзивиллов. Тогда украинцы не дали большевикам расправиться с «панами». Радзивиллы не просто хорошо относились к местным жителям, но еще и делали все, чтобы развивать эти территории. К примеру, в Олыке до сегодняшнего дня сохранилась бетонная дорога, построенная именно князем Янушем Радзивиллом.

После смерти Юзефа Пилсудского, когда новое «санационное» правительство Польши начало проводить крайне националистическую политику в отношении окраин Польши (прежде всего в Западной Украине), Януш Радзивилл предпочел уйти из политической жизни Второй Речи Посполитой.

При этом, безусловно, стоит отметить, что он продолжал оставаться влиятельным политиком, был знаком с многими высокопоставленными людьми из политической сферы, в том числе, с одним из руководителей Третьего Рейха Германом Герингом.

Князь Януш был, если можно так сказать, учеником Юзефа Пилсудского, а «начальник государства» в свою очередь отстаивал идею, согласно которой Польша должна была держать дистанцию в отношениях с восточным и западным соседом, однако, по мнению Пилсудского, в случае военной угрозы Варшаве следовало сблизиться с Берлином, а не с Москвой.

К тому же, по мнению «начальника» польского государства, в случае мировой войны элиты Польши должны были сделать все, чтобы их страна вошла в войну как можно позднее. В реальности, в том числе из-за ошибок тогдашней польской

политической верхушки, произошло все наоборот, и Вторая Мировая война началась именно с нападения Третьего Рейха на Польшу.

Уже находясь в оккупации на территории Генерального Губернаторства, Януш Радзивилл получил предложение сотрудничества с оккупационными немецкими властями. Но ему хватило ума не стать польским Квислингом. Думаю, что если бы Польша создала свое коллаборационное правительство, то советские репрессии после 1945 года были бы еще страшнее.

— После войны Януш Радзивилл оказался в руках советских специальных служб и содержался в лагере для военнопленных в Красногорске. Сохранились ли в вашей семье какие-то предметы того времени? Рассказывал ли отец вашей супруги Фердинанд о том непростом времени?

— В семье не сохранилось практически ничего, что напоминало бы о том времени. Сегодня по воспоминаниям наших родственников мы знаем, что это было не обычное место заключения. К тому же к Радзивиллам там было особое отношение. Уже то, что семья Януша Радзивилла не была разделена, говорит о многом. Советский «чёрный кардинал» Лаврентий Берия испытывал к Янушу Радзивиллу не только интерес, но и уважение.

В том же лагере содержалось несколько десятков высокопоставленных японских офицеров, взятых в плен советскими войсками в Маньчжурии в 1945 году. Один из них учил отца моей жены Фердинанда математике. Между собой они общались по-английски. Кстати, уровень этих занятий был настолько высок, что Фердинанд, вернувшись в Польшу в 1947 году, легко сдал «матуру» (выпускной экзамен в школе) и поступил в вуз.

Бабушка моей жены Изабелла рассказывала о том, что однажды ей удалось сбежать из лагеря в Красногорске и добраться до Москвы. Там она хотела обратиться в посольство Франции, чтобы сообщить, что ее родные находятся в советском заключении в Красногорске. Изабелла пыталась установить контакт с ксендзом, служившим в костеле в Москве, и попросить его передать информацию о ней сотруднику французского диппредставительства. Но из этого, к сожалению, ничего не вышло, пришлось ждать 1947 года, когда советские власти разрешили семье Радзивиллов уехать в «народную» Польшу.

В последнее время появляются версии о том, что Януш Радзивилл мог быть советским шпионом. Данная версия мне кажется маловероятной. Впрочем, Олыкский ординат был достаточно влиятельной политической фигурой и после окончания Второй Мировой войны в Кремле на этого человека могли делать определенную ставку. Коммунизм в Польше был явлением противоестественным, и поэтому Москве нужны были влиятельные «попутчики» из «бывших», которые могли бы им помочь в советизации этой страны.

— Одним из наименее известных межвоенных Радзивиллов был последний Несвижский ординат Леон Радзивилл. Расскажите, пожалуйста, об этом человеке.

— К сожалению, о Леоне сохранилось не много информации. По воспоминаниям родственников — это был своеобразный «аутсайдер» в нашей семье. Дело в том, что и его брат Альбрехт, и сам Леон женились на представительницах хоть и знатных, но все же неместных родов. Супругой Альбрехта была американка Дороти Паркер Дикон из Бостона, а Леон был женат на русской баронессе Ольге Симолин-Ветенберг.

Правда, сколько я не пытался, так и не смог восстановить историю этого русского рода, поэтому у меня есть сомнения в аристократическом происхождении этой женщины. Кстати, эта Ольга до конца жизни говорила на польско-русской «трасянке». Мужа она на русский манер называла Лёвочка, а сыновей Тоточка (Антоний) и Тулечка (Ежи).

После смерти Альбрехта Радзивилла между его дочерью Эльжбетой и Леоном были очень натянутые отношения. Был даже судебный процесс по делу о наследовании имущества в Несвижском замке. И в этом споре молодую Эльжбету поддержал Давидгородецкий ординат Кароль Радзивилл.

Леон Радзивилл не был публичной персоной. Он предпочитал тишину Несвижского замка. Любил охотиться, активно занимался хозяйственными делами. Кстати, князь был талантливым художником. В моей личной коллекции есть несколько рисунков, сделанных рукой последнего Несвижского ордината.

Несвиж находился почти у самой советско-польской границы, поэтому 17 сентября 1939 года Красная армия очень быстро заняла этот город. Вместе с княжеской семьей и постояльцами в замке находился их семейный врач по фамилии Досталь. НКВД не арестовала его, потому что тот имел немецкий

паспорт. Позднее также выяснилось, что один из камердинеров князя был...агентом НКВД.

Женщинам разрешили остаться в замке, а мужчин, в том числе Леона, арестовали и отправили на Лубянку. После вмешательства итальянской монаршей семьи последний Несвижский ординат и его близкие были отпущены и уехали, вначале в Италию, а затем в Великобританию. Один из его сыновей (Антоний) умер при невыясненных обстоятельствах в Лондоне, а второй жил в Риме, а затем уехал в Западную Канаду и практически не поддерживал контактов с Радзивиллами, жившими в Европе. Князь Леон умер в Париже в 1959 году.

— В тени Несвижских и Олыкских ординатов незаслуженно «потерялся» Давидгородецкий ординат Кароль Николай Радзивилл, а ведь это также интересная для Беларуси личность. Что известно о нем?

— Это была такая, как бы это лучше выразится, «сарматская» фигура. Он был в чем-то похож на своих предков — князей Рыбоньку и Пана Коханку. Такой, как у вас говорят, «рубаха-парень» (смеется). Любил охотиться, устраивать приёмы. В его собственности были огромные земельные и лесные массивы, в которых он организовал образцовое охотничье хозяйство.

Окончив Ягеллонский университет, Кароль Николай служил в Русской императорской армии. После революции в октябре 1917 года был адъютантом командующего 1-го Польского корпуса генерала Юзефа Довбор-Мусникого. Участвовал в советско-польской войне.

Центр Давидгородской ординации был в Маньковичах. Тамошний дворец был построен по распоряжению Марии де Кастелян и был во многом похож на знаменитый Несвижский замок. Среди друзей Кароля Радзивилла стоит назвать британского генерала бельгийского происхождения Адриана Картона де Виарта, который был своеобразным «радаром британской разведки» на советско-польском пограничье.

В сентябре 1939 года Кароль Радзивилл вступил в Войско Польское и служил в эскадроне охраны Генерального штаба в Бресте. Затем он воевал в Отдельной оперативной группе польских войск «Полесье» до октября 1939 года. Кстати, вместе с ним воевал и мой дед Константин. Радзивиллы участвовали в битве под Коцком, а затем попали в немецкий плен.

Оказавшись в колонне военнопленных Кароль Николай подошел к немецкому офицеру и, заявив, что он родственник

Гогенцоллернов, потребовал, чтобы его посадили в автомобиль, а вместе с ним и кузина Константина. Опешившие немцы выполнили требование ордината и дальше князя ехали в немецкой штабной машине.

Позднее Радзивиллам удалось сбежать. Кароль Николай служил в Войске Польском во Франции и Великобритании, а после Второй мировой войны, в 1947 году, эмигрировал в ЮАР, где приобрел ферму возле Йоханнесбурга и занимался земледелием. Моя жена, будучи маленькой девочкой, почти все каникулы проводила на этой ферме.

В 1967 году семья бывшего Давидгородецкого ордината вернулась в Народную Польшу, а через год князь умер. Кстати, мой тесть Фердинанд Радзивилл (внук Януша Радзивилла) был врачом-анестезиологом. Так вот Кароль в 1960-х годах помог ему уехать на стажировку в Кейптаун к всемирно известному хирургу Кристиану Барнаду.

— *Известно, что Радзивиллы породнились с кланом Кеннеди...*

— Станислав Радзивилл, младший сын Олыкского ордината Януша Радзивилла, женился на сестре супруги президента США Джона Кеннеди Ли Бувье. Во время президентских выборов Радзивилл призывал представителей американской колонии голосовать именно за Кеннеди.

Кстати, о Радзивиллах в США помнят до сих пор. Я недавно был в США, в Бостоне. Так вот в одном из магазинов я расплачивался карточкой и продавщица, увидев фамилию Радзивилл, сказала, что это одна из лучших фамилий в американской истории. Эта дама вряд ли знает древнюю историю нашего рода. Ей неизвестно, где находятся Несвижский или Мирский замки, но она помнит о той роли, которую сыграл Станислав Радзивилл в предвыборной кампании Джона Кеннеди.

— *Где сегодня живут Радзивиллы?*

— В США еще жива супруга Станислава Радзивилла Ли Бувье. Правда, она практически не поддерживает контакты с нашей семьей. Мы общаемся с сыном Станислава от второго брака Джоном, который также живет в Соединённых Штатах. Один из внуков Януша Радзивилла сегодня живет в Лондоне. Во Франции и в Италии живет несколько представительниц Шидловецкой линии.

— *В Польше существует «Общество несвижан», сотрудничаете ли Вы с ним?*

— Я симпатизирую этой организации. Несвиж был очень интересным городом в межвоенное двадцатилетие. После того как Минщина в марте 1921 года оказалась под властью большевиков, в Западную Беларусь вынуждены были переехать многие землевладельцы, представители шляхты и интеллигенции. Часть из них поселилась в Несвиже. Кроме этого, там жило много ветеранов польско-большевицкой войны. Во время Второй мировой войны многие из этих людей были репрессированы советскими властями. Однако некоторые из них, пройдя через советские лагеря и депортации, выжили и сегодня хранят память о том, предвоенном Несвиже.

Эти люди часто приезжают в Беларусь, сохраняют традиции 27-го уланского полка им. Короля Стефана Батория, который до войны размещался в Несвиже. Кстати, год назад, стараниями «Общества несвижан» в город вернулось полковое знамя несвижских кавалеристов. Теперь реликвия хранится в музее в Ратуше.

— *Недавно Вы заказали партию памятных медалей, посвященных годовщине «Городельской унии». Расскажите, пожалуйста, об этом.*

— Я пытаюсь по мере сил и возможностей помогать музеям в Несвиже и Мире. Мы передали в их фонды целый ряд различных оригинальных предметов и копий. Однажды я решил сделать копии медалей из коллекции Януша Радзивилла.

Люди, которые исполняли этот заказ, предложили сделать памятную медаль. Тем более, в 2013 году отмечаются две даты: 600 лет Городельской унии и пятисотлетие брака Яна Радзивилла «Бородатого» с Анной из рода Кишко. Именно после этого бракосочетания Радзивиллы получили крупные владения в ВКЛ (в том числе Несвиж и Клецк). Я стараюсь вручать эту медаль тем, кто вносит свой вклад в сохранение наследия Великого Княжества Литовского.

— *Знаю, что вы часто бываете в Беларуси. Что вы испытываете, когда приезжаете к нам?*

— Прежде всего, я чувствую, что это очень близкая мне страна. Мне очень приятно, что в Беларуси уважение к истории Великого Княжества Литовского возрождается.

Я был в Беларуси не раз и всегда нас принимали с радостью. Более того, о Радзивиллах помнят, ими гордятся. Я — насколько могу — также стараюсь помогать сохранению нашей общей истории.

— *Что бы вы хотели пожелать белорусам и россиянам?*

— Проблема исторических противоречий в нашем регионе связана с тем, что люди просто слабо разбираются в истории своих стран и не знают истории соседей. Вместе с тем в белорусском обществе, несмотря ни на что, наверное, на генном уровне, сохранилось уважительное отношение к истории Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, как к «нашей» истории. Белорусы делают ставку на то, что их объединяет с другими народами, а не на то, что разъединяет.

Мне нравится, когда ваши экскурсоводы, рассказывая о Радзивиллах, говорят, что это белорусские князья. Пусть так, ведь значительная часть истории нашей семьи связана именно с Беларусью. Важно открывать белорусам, полякам, россиянам малоизученные страницы нашей общей истории и ликвидировать многочисленные «белые пятна». Нужно знакомиться с различными точками зрения и только после этого делать какие-то выводы. Белорусам и россиянам я пожелаю развивать свои исторические знания. Интересуйтесь прошлым своих стран, читайте книги и статьи, посещайте интересные исторические места. Все это пойдет вам на пользу.

ГОЛОС СВОБОДНОЙ РОССИИ

Была невысокой, миниатюрной и хрупкой. Всегда с сигаретой, в облаке белого дыма. Маленькие ладони, детская улыбка. Как бы без возраста. Она не напоминала нестигаемого бойца. В причудливых цветных свитерах, блузках в цветочек, в спортивной куртке, с рюкзаком — не выглядела ни женщиной из железа, ни фигурой с памятника. А ведь в ней была великая сила. Титаническая.

Символ и легенда

Не любила отчества. Хотела, чтобы ее называли не Натальей Евгеньевной, а просто Наташей. Может, потому, что воспитывалась без отца.

Ей даже не нравилось само слово «диссидент». Она предпочитала «правозащитник», хоть и знала, что на других языках это не выразишь столь же кратко и емко. По-польски, например, нужно использовать целых три слова: защитник прав человека.

Если кто-то с восхищением говорил о ее героизме, отвечала коротко: «Я сидела лишь два года с небольшим. На Западе это, возможно, что-то и значит. У нас в России уголовники в тюрьмах говорят, что три года — это детский срок. Все относительно».

Хотелось ей этого или нет, она все-таки была символом и живой легендой — легендой самиздата, легендой антисоветской оппозиции и борьбы за защиту прав человека.

В редакции

Не помню, когда мы впервые встретились, но это, должно быть, случилось в начале девяностых. В редакцию «Речпосполитой» ее привел Марек Кравчик, ныне уже покойный, незабвенный председатель Попечительского общества архива Литературного института в Париже. Могла ли я тогда предположить, что через десять с небольшим лет мы станем сотрудниками одной и той же редакции — русскоязычного ежемесячника «Новая Польша»? Что моя фамилия, набранная кириллицей, будет стоять в колонтитуле рядом с именем Натальи Горбаневской, что будет наполнять меня нечеловеческой гордостью?

При этой первой встрече Наташа подарила мне маленькую, тонкую книжечку, которую по внешнему виду легко было принять за подпольное издание. Это был «Деревянный ангел», первый официально опубликованный на польском языке сборник ее поэзии. Он вышел в 1990 г. в краковском издательстве «Официна литератка» благодаря стараниям Виктора Ворошильского.

Первый долгий разговор состоялся у нас в Люблине. В 1997 году, в мае. Когда точно? 20 мая. На следующий день Густаву Герлинг-Грудзинскому вручали почетный докторат Университета им. Марии Склодовской-Кюри, а мы обе оказались среди приглашенных им гостей. В «Дневнике, написанном ночью» писатель отметил: «Встреча с редакцией «Кресов»^[1], приятная и поучительная. В Люблин приехали Эльжбета Савицкая и Наташа Горбаневская».

В холодном номере отеля мы сидели на кровати, солидарно прикрывая ноги одним одеялом. Наташа рассказывала мне про день, который определил всю ее жизнь.

Москва, 28 августа 1968

Ровно в двенадцать дня молодая женщина в очках, толкая перед собой коляску с младенцем (с маленьким сыном Иосифом), вышла на Красную площадь, чтобы выразить протест против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. Пришло еще семеро. Итого восемь человек.

В детской коляске, под матрасиком, лежали спрятанные транспаранты и палочка с чехословацким флагом. На одном плакате была надпись по-чешски: „At žije svobodné a nezávislé Československo”^[2], на втором — любимый лозунг Горбаневской: «За вашу и нашу свободу». По-русски.

Они сели на брусчатку у собора Василия Блаженного и молча развернули транспаранты. Все это продолжалось пять минут. Потом появились сотрудники КГБ. Демонстрантов избили и арестовали. Учитывая грудной возраст ребенка, молодую женщину отпустили. В тюрьму она попала только в декабре 1969 года. Позже ее направили на принудительное психиатрическое лечение. В казанской психушке врачи констатировали шизофрению и накачивали ее психотропными средствами. Каждое утро она пыталась понять: сошла я уже с ума или еще нет? Этот страх был хуже всего.

В декабре 1975 г. ее лишили советского гражданства и вынудили эмигрировать. С выездной визой в Израиль она уехала из

Москвы в Вену. Вскоре после этого, благодаря помощи Владимира Максимова, переехала во Францию, где, получив статус политического беженца, осела в Париже.

Парадоксы судьбы

Мир знал ее прежде всего такой: узницей совести, бунтовщицей, нестигаемой антикоммунисткой, которая отважилась противостоять советской империи. Скорее всего, немногие знали, что она была еще и выдающимся поэтом-лириком. Как точно заметил в книге «Мои москали» переводчик и друг Наташи Виктор Ворошильский: «Парадокс ее судьбы состоит в том, что в глазах публики поэта заслонила как бы другая личность с тем же именем — героиня исторического жеста и повседневной оппозиционной рутины (она была одним из инициаторов и редакторов выходившей в самиздате «Хроники текущих событий»); поэт, менее заметный, жил в маленьком теле активистки».

Она увлеченно читала польскую литературу и знала ее, как мало кто другой. Переводила прозаиков, в том числе Марека Хласко, Тадеуша Конвицкого, Казимежа Орлоя, Густава Герлинг-Грудзинского. И многих поэтов. Странно. Она всегда подчеркивала — это еще один парадокс ее судьбы — что не любит переводить поэзию, что это ужасный труд. И все-таки неустанно переводила поэтов: Норвида, Бачинского, Важика, Баранчака, Фицовского, Криницкого, Ярослава Марека Рымкевича. Одним из самых главных своих достижений она считала перевод «Поэтического трактата» Чеслава Милоша. Намучилась она с ним страшно. Милош не скрывал удовлетворения от результата. Иосифу Бродскому тоже понравилось. В письме он написал: «Чеславу повезло, Тебе тоже».

В 2006 г. она выпустила двуязычную польско-русскую антологию польской поэзии «И тогда я влюбилась в чужие стихи».

Вместе с поляками

И это не все. Есть еще Наташа-журналистка и публицистка, которой мы тоже многим обязаны. На страницах эмигрантской «Русской мысли» она писала о «Солидарности» и событиях восьмидесятых годов. Когда у нас объявили военное положение и танки генерала Ярузельского выехали на улицы польских городов, она вместе с друзьями провела демонстрацию перед польским посольством в Париже. Как и Иосиф Бродский, она написала в декабре 1981 г. пронзительное стихотворение,

посвященное полякам. Начиналось оно словами: «Господи, Господи, ночь и туман/на них опустились».

Сотрудничала с парижским бюро «Солидарности» и ежемесячником «Контакт», который издавал Мирослав Хоецкий. В 1984 г. составила выпущенную отдельно хронику «Несломленная Польша на страницах "Русской мысли"». Ее сообщения из Польши Густав Герлинг-Грудзинский называл «лучшей в мире польской информационной службой».

Благодаря Гедройцу

Конечно, еще до этого она побывала в Мезон-Лаффите^[3], быстро нашла общий язык с Ежи Гедройцем, к которому относилась с уважением и восхищением. Она считала, что он сделал для падения коммунизма больше, чем Рональд Рейган. После смерти Редактора в 2000 г. в воспоминаниях, озаглавленных «Человек века», она написала, что Гедройц делал все: «(...) для того, чтобы в наших народах перестало царить невежество друг о друге, ибо лишь невежество порождает вражду и страх, высокомерие и комплекс неполноценности. Чтобы этих самых людей — русских и поляков, — дружащих между собой, видящих друг в друге не «другого», а ближнего, прибавлялось.»

Наверное, поэтому она так обрадовалась, когда в 2005 г. получила премию «Речпосполитой» им. Ежи Гедройца. Эту ее радость я видела тогда вблизи во время церемонии в Станиславовском театре. Да, эта награда была важна для нее.

В мацеювке^[4]

В честь лауреата Мирек Хоецкий устроил прием в своей варшавской квартире. День был особый: 11 ноября, Национальный праздник независимости. Пришли польские друзья Наташи, те, кого она знала и с кем дружила много лет, в том числе Збигнев и Зофья Ромашевские, Богдан Борусевич, Ирена Лясота, Наталья Ворошильская, Иоанна Щенсная, Ежи Едлицкий. Были Агнешка, Марек и Яцек Кравчики. Был Артур — польский внук Наташи.

Под полночь к нам присоединился Ежи Помяновский, получивший в этот день из рук президента Квасневского Большой крест Возрождения Польши. Его сопровождали жена Александра и такса. С этого момента мы уже провозглашали двойные тосты.

Сильно опоздав, появился и Мацей Райзахер — в мацеювке. Ну и началось: «Едет, едет на Каштанке, на Каштанке. В форме боевой. Эй, эй, полководец, вождь любимый мой!»^[5]. Все по очереди примеряли эту фуражку и отдавали честь. Наташа тоже.

В тот день я выступала в довольно нетипичной роли: посланца тогдашнего премьера. В красной кожаной папке с золотым орлом я привезла поздравительное письмо от Казимежа Марцинкевича. Его прочитал вслух Марек Кравчик. Премьер писал: «Особого признания заслуживает Ваша деятельность ради объединения и сближения поляков и россиян, а также неустанная борьба за права человека и гражданина везде, где находится под угрозой и попирается человеческое достоинство. Общая объединенная Европа не могла бы состояться, если бы не такие люди, как Вы — открытые к диалогу, сотрудничеству и совместной деятельности во имя общего блага».

Это была торжественная минута. Мы все встали. Наташа была растрогана, мы тоже.

А прием, как всегда, завершился на кухне.

Гражданка Речи Посполитой

Свободная Польша отдала ей должное. В 1992 г. Наталья Горбаневская стала лауреатом премии польского ПЕН-клуба за выдающиеся достижения в переводе. Она с самого начала возглавляла жюри вроцлавской Литературной премии Центральной Европы «Ангелус», была почетным доктором университета им. Марии Склодовской-Кюри в Люблине. Европейский центр «Солидарности» в прошлом году наградил ее Медалью благодарности.

В 2005 г. она приняла польское гражданство. Я тогда спросила у нее, как на это отреагировали ее соотечественники, россияне. Она ответила: «Мои русские друзья — как парижские, так и живущие в России — очень обрадовались. Что касается соотечественников вообще, я не знаю. Но уже столько русских живет во всем мире с иностранными паспортами, что я сомневаюсь, что кто-то воспримет это с неприязнью, разве что так называемые патриоты. Но это неважно».

Ее часто спрашивали: «У вас, наверное, польские предки?». У нее их не было. Зато она добавляла: «Моя фамилия, хотя и русская, но украинского происхождения, там есть чудотворная Горбаневская икона Богородицы».

Ежи Помяновский, наш общий шеф, главный редактор «Новой Польши» простился с Наташей словами: «Она скончалась внезапно, и никто не в состоянии выразить скорбь польской и российской интеллигенции, чье будущее во многом обеспечили сила духа и творчество Натальи Горбаневской».

Ее похоронили 4 декабря на парижском кладбище Пер-Лашез.

Мы не за всё успели поблагодарить ее.

Примечания переводчика:

1. «Кресы» — издающийся в Люблине ежеквартальный журнал, посвященный литературе и искусству.
2. «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (чешск.).
3. Мезон-Лаффит — пригород Парижа, где размещалась редакция журнала «Культура», главным редактором которого был Ежи Гедройц.
4. Мацеювка (maciejówka) — фуражка Польских Легионов, которую носили в 1914—1920 годах. Стала символом борьбы поляков за независимость, была также знаком поддержки часто ходившего в ней Ю. Пилсудского.
5. «Едет, едет на Каштанке» — очень известная в Польше песня о Ю. Пилсудском (Каштанкой звали его лошадь).

Татьяна Дубинина

«НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА». НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

В субботу, 7 декабря 2013 года, в московском клубе «Китайский летчик Джао Да» состоялся литературный вечер памяти Натальи Горбаневской.

Несмотря на то, что «Летчик» — относительно новая площадка «Культурной инициативы», можно было бы сказать, что «эти стены помнят» Наталью Горбаневскую: именно она чтением своих стихов открывала здесь в начале сентября новый сезон литературных встреч. Однако «стены» — не более чем фигура речи, и сами они ничего не помнят, помнят только люди. Отличительной особенностью вечера было отсутствие четкого разделения на выступающих и слушателей: пожалуй, каждому из пришедших было что вспомнить.

Поскольку вечер был заявлен как литературный, предполагалось, что будет отдана дань памяти прежде всего Горбаневской — поэту и переводчику; однако отделить только эти две стороны большой личности не удалось, и это к лучшему. Выступавшие делились очень теплыми и, безусловно, субъективными воспоминаниями, читали стихи Натальи Евгеньевны, выбор которых также был субъективен, но сложением многих субъективностей стал многомерный, зримый и живой образ.

У микрофона выступили Дмитрий Строцев, Николай Звягинцев, Лев Оборин, Данила Давыдов, Евгений Чигрин, Аркадий Штыпель, Андрей Тавров, Александр Самарцев, Елена Мариничева, Игорь Белов, Анастасия Векшина, Григорий Кружков, Алеша Прокопьев, Дмитрий Кузьмин... и даже в таком простом перечислении открывается еще один большой человеческий дар Натальи Евгеньевны, ничем не уступающий ее литературному таланту и страстности правозащитника: дар объединять вокруг себя самых разных людей, создавать некое общее поле и пространство, в котором может свободно и с лучшей своей стороны проявиться любая личность («за исключением разве что полных идиотов», по выражению кого-то из выступавших).

Для многих эти декабрьские дни проходили под грузом «невстречи»: планировалось, что Наталья Евгеньевна в первых

числах сама будет в Москве, будет председательствовать на заключительном заседании жюри конкурса переводов Тадеуша Ружеви́ча, будет лично награждать лауреатов (которыми стали, в частности, Лев Оборин и Настя Векшина — вторая и третья премии соответственно)... «Эффект отсутствия» усугублялся острой нехваткой звучания знакомых текстов в авторском чтении (очень много прояснявшем и добавлявшем, как сказал ведущий вечера Юрий Цветков). Возникшую пустоту теперь предстоит многократно заполнять людям, любящим и помнящим Наталью Евгеньевну, вместе и поодиночке. Это трудно, но, как показал состоявшийся вечер, хотя бы в малой степени возможно.

Материал предоставлен проектом «Культурная инициатива»:

<http://kultinfo.ru/novosti/1501/>